

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 327(5-012):327(73)
ББК 66.4(5),3
Б40

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:
д.в.н. Д.В. Гордиенко, в.н.с. Т.М. Мамахатов (отв. ред.-сост.)

Б40 Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США / отв. ред.-сост. Т.М. Мамахатов; Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2022. — 190 с.

ISBN 978-5-8381-0409-0

DOI: 10.48647/IFES.2022.82.62.007

В сборнике статей, подготовленном на основе аналитических материалов, представленных экспертами-востоковедами, рассматриваются особенности современной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Приводится анализ влияния новой стратегии США на безопасность и международно-политическую обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который становится ареной противоборств ведущих стран мира за первенство в этом ключевом для политики и экономики регионе. На сегодня в регионе остается ряд внутренних противоречий — политических, территориальных и этноконфессиональных, и на этом фоне разворачивается активная деятельность США против своих региональных соперников в лице Китая, России и Северной Кореи. Штатами формируется новый военно-политический альянс за счет включения в свои партнеры Индии. Для этого расширенный Азиатско-Тихоокеанский регион трансформировался в Индо-Тихоокеанский и США была принята новая Индо-Тихоокеанская стратегия.

В основу сборника легли материалы круглого стола, проведенного в ноябре 2020 г. в Институте Дальнего Востока РАН на тему: «Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США».

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанская стратегия, российско-китайское сотрудничество, США, безопасность, политика, экономика.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК 327(5-012):327(73)
ББК 66.4(5),3

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences

**SECURITY
IN THE ASIA-PACIFIC
REGION
IN THE CONTEXT
OF THE US INDO-PACIFIC
STRATEGY**

Moscow
ICCA RAS
2022

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences*

Security in the Asia-Pacific region in the context of the US Indo-Pacific Strategy. — Moscow: ICCA RAS, 2022. — 190 p.

The collection of articles, prepared on the basis of analytical materials presented by Oriental experts, examines the features of the current situation in the Asia-Pacific region. The article analyzes the impact of the new US strategy on security and the international political situation in the Asia-Pacific region, which is becoming the arena of rivalries between the leading countries of the world for primacy in this key region for politics and economy. Today, a number of internal contradictions remain in the region — political, territorial and ethno-confessional, and against this background, the active activity of the United States against its regional rivals in the person of China, Russia and North Korea is unfolding. The United States is forming a new military-political alliance by including India in its partners. To this end, the expanded Asia-Pacific region was transformed into the Indo-Pacific region and the United States adopted a new Indo-Pacific Strategy.

The collection is based on the materials of a round table held in November 2020 at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences on the topic: “Security in the Asia-Pacific region in the context of the US Indo-Pacific Strategy”.

Keywords: Asia-Pacific region, Indo-Pacific strategy, Russian-Chinese cooperation, USA, security, politics, economy.

Содержание

<i>Маслов А.А.</i> Введение	9
<i>Клименко А.Ф.</i> Современные проблемы обеспечения военной безопасности в АТР	11
<i>Давыдов А.С.</i> Взаимоотношения КНР и США в XXI веке: прошлое, настоящее и грядущее	25
<i>Морозов Ю.В.</i> Индо-Тихоокеанская концепция Д. Трампа как антикитайский вектор стратегии США	47
<i>Васильев Л.Е.</i> Индо-Тихоокеанская стратегия США и некоторые особенности решения проблем ее реализации	71
<i>Балакин В.И.</i> Новая «Большая игра» в Евразии	88
<i>Мамахатов Т.М.</i> Обеспечение энергетической безопасности КНР в условиях реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США	102
<i>Гордиенко Д.В.</i> Сравнительная оценка защищенности национальных экономик стран Восточной Азии в условиях реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США	112
<i>Кулинец Ю.В.</i> Перспективы реализации российской инициативы Большой Евразии в новых условиях	139
<i>Уянаев С.В.</i> Подходы Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона и ее влияние на трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая	154

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй

Сотрудничество стран ШОС, Пакистана и Мьянмы
в реализации инициативы «Пояса и Пути» обеспечивает
гарантию транзитной и энергетической безопасности Китая в АТР 168

Гордиенко Д.В., Мамахатов Т.М.

Заклучение 187

Content

<i>Maslov A. A.</i> Introduction	9
<i>Klimenko A. F.</i> Modern problems of ensuring military security of the APR	11
<i>Davydov A. S.</i> The current state and prospects for the development of China-American relations	25
<i>Morozov Y. A.</i> D. Trump's Indo-Pacific concept as an anti-Chinese vector of the US strategy	47
<i>Vasiliev L. E.</i> The Indo-Pacific strategy of the United States and some features of solving the problems of its implementation	71
<i>Balakin V. I.</i> The new "Big Game" in Eurasia	88
<i>Mamakhatov T. M.</i> Ensuring the energy security of the People's Republic of China in the context of the implementation of the Indo-Pacific strategy of the United States	102
<i>Gordienko D. V.</i> Comparative assessment of the security of the national economies of East Asian countries in the context of the implementation of the Indo-Pacific Strategy of the United States	112
<i>Kulintsev Y. V.</i> Prospects for the implementation of the Russian initiative of Greater Eurasia in new conditions	139
<i>Uyanaev S. V.</i> China's approaches to the concept of the Indo-Pacific region and its impact on the trilateral cooperation of Russia, India and China	154

Sazonov S. L., Wang Jingwei

The cooperation of the SCO countries, Pakistan and Myanmar
in the implementation of the Belt and Road Initiative provides
a guarantee of China's transit and energy security

in the Asia-Pacific region 168

Gordienko D. V., Mamakhatov T.M.

Conclusion 187

Введение

DOI: 10.48647/IFES.2022.56.64.001

В сборнике статей обобщены материалы Круглого стола, проведенного в Институте Дальнего Востока РАН в ноябре 2020 г. на тему: «Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США». Статьи были подготовлены на основе аналитических материалов участников мероприятия и посвящены особенностям современной обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В настоящее время можно говорить о формировании новых военно-политических и торгово-экономических альянсов в ключевом регионе мира, Азиатско-Тихоокеанском регионе, который трансформируется в Индо-Тихоокеанский за счет расширения территории на Индийский полуостров. Статьи сборника посвящены недавно принятой США Индо-Тихоокеанской стратегии, подразумевающей сдерживание Китая в регионе и вытеснение его военных сил из Тихоокеанского пространства.

В статье ведущего научного сотрудника, исполнявшего обязанности руководителя Центра изучения стратегических проблем США и ШОС А.Ф. Клименко, представлены результаты научного исследования на тему современных проблем обеспечения военной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Рассматривается тенденция изменения баланса сил в регионе за счет включения Индии в сферу интересов США. Ставка на эту динамично развивающуюся страну — как на противовес Китаю в регионе.

Также работы в сборнике посвящены состоянию и перспективам развития китайско-американских отношений в современных реалиях торговой войны, развязанной Дональдом Трампом, роли представленной Индо-Тихоокеанской концепции в торговой войне с Китаем и общей антикитайской стратегии США.

Некоторая часть работ посвящена теме влияния стратегии США на интеграционные процессы в Евразии, в первую очередь экономическое, политическое и энергетическое взаимодействие. Рассмотрены варианты смещения под напором США векторов интересов Китая с Тихоокеанского региона на Запад, регион Центральной Азии. Некоторыми авторами поднимается тема энергетической безопасности Китая и общей защищенности национальной экономики на фоне торговой войны и нарастающего давления с Востока, региона АТР. При вытеснении Китая из Азиатско-Тихоокеанского региона вполне вероятно его усиление в западной части, центре Евразии. На фоне таких событий возможно изменение баланса сил в Большой Евразии и изменения скорее всего в сторону сближения отношений России и Китая. На фоне нарастающей конфронтации с могущественным заокеанским восточным соседом Китаю как никогда необходим надежный союзник в лице России.

В регион, имеющий и без того сложную ситуацию взаимоотношений, США добавляют нового актора, старого соперника Китая, Индию.

В статье руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений С.В. Уянаева рассматриваются подходы Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона. То как повлияет она на трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая. Территориальные конфликты и экономическое соперничество между Китаем и Индией дают США хорошего союзника в регионе АТР для реализации своей новой Индо-Тихоокеанской стратегии.

Таким образом, в сложившихся условиях международно-политической обстановки в регионе и в мире в целом имеет место настоятельная необходимость дальнейшего укрепления всеобъемлющего стратегического партнерства России и Китая. Придание этому партнерству нового качества, отвечающего складывающейся ситуации, и на новых принципах, ставящих во главу угла не всеобщую конфронтацию, а поиск возможностей для разрешения конфликтов и налаживание сотрудничества на основе совпадающих интересов во имя всеобщего блага.

А.А. Маслов

А.Ф. Клименко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Аннотация. В настоящей статье представлен краткий анализ международно-политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), которая претерпевает существенные изменения. Происходящая в начале нового столетия активизация процессов, способствующих снижению напряженности и укреплению стабильности в межгосударственных отношениях, постепенно сошла на нет. Налаживание сотрудничества государств региона в интересах безопасности сменилось на противоборство ведущих стран за обеспечение лидирующих позиций.

Существенным дестабилизирующим фактором в регионе остается наличие внутрорегиональных противоречий — политических, территориальных и этноконфессиональных. Определив в качестве основных региональных соперников Китай, Россию и Северную Корею, Вашингтон приступил к формированию новых военно-политических альянсов. Наряду с традиционными союзниками в лице Японии, Южной Кореи и Австралии в качестве основного партнера, в этом плане рассматривается и Индия, для чего пространство будущего театра военных действий (ТВД) распространено Пентагоном на Индийский океан. На этом фоне расширенный Азиатско-Тихоокеанский регион трансформировался в Индо-Тихоокеанский (ИТР). Соответственно в США принята новая Индо-Тихоокеанская стратегия.

Рассматривая вновь принятую Вашингтоном стратегию, ее влияние на военно-политическую ситуацию и отношение к ней основных государств региона, автор полагает, что она становится активным и долгосрочным фактором стратегического планирования в Пентаго-

не. Ее основной целью будет силовое противодействие политике Китая, блокирующего доступ Америке во внутренние моря, и оказание нажима на Россию и других региональных акторов, стремящихся противостоять доминированию США в АТР.

По его мнению, в сложившихся условиях международно-политической обстановки в регионе и в мире в целом имеет место настоятельная необходимость дальнейшего укрепления всеобъемлющего стратегического партнерства России и Китая и придание этому партнерству нового качества, отвечающего складывающейся ситуации, и на новых принципах, ставящих во главу угла не всеобщую конфронтацию, а поиск возможностей для разрешения конфликтов и налаживание сотрудничества на основе совпадающих интересов во имя всеобщего блага.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанская стратегия, российско-китайское сотрудничество, безопасность, стабильность, военно-политический союз.

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

A.F. Klimenko

Modern problems of ensuring military security in the Asia-Pacific region

Abstract. This article presents a brief analysis of the international political situation in the Asia-Pacific region (APR), which is undergoing significant changes. The intensification of processes that began at the beginning of the new century, contributing to reducing tension and strengthening stability in interstate relations, has gradually come to naught. The establishment of cooperation between the states of the region in the interests of security has been replaced by the confrontation of the leading countries for securing leading positions.

The presence of intraregional contradictions-political, territorial and ethno — confessional-remains a significant destabilizing factor in the region. Having identified China, Russia and North Korea as the main regional rivals, Washington has begun to form new military and political alliances. Along with traditional allies in the person of Japan, South Korea and Australia, India is also considered as the main partner in this regard, for which the space of the future theater of military operations (Theater of Operations) is extended by the Pentagon to the Indian Ocean. Against this background, the expanded Asia-Pacific region was transformed into the Indo-Pacific (ITR). Accordingly, the United States has adopted a new Inter-Pacific Strategy.

Considering the newly adopted strategy of Washington, its impact on the military-political situation and the attitude of the main states of the region to it, the author believes that it is becoming an active and long-term factor of strategic planning in the Pentagon. Its main goal will be to forcefully counter China's policy of blocking America's access to the inland seas, and putting pressure on Russia and other regional actors seeking to counter the US dominance in the Asia-Pacific region.

In his opinion, in the current conditions of the international political situation in the region and in the world as a whole, there is an urgent need to further strengthen the comprehensive strategic partnership between Russia and China. Giving this partnership a new quality that meets the current situation and is based on new principles that prioritize not universal confrontation, but the search for opportunities for conflict resolution and establishing cooperation on the basis of coinciding interests for the common good.

Keywords: Asia-Pacific region, Indo-Pacific strategy, Russian-Chinese cooperation, security and stability, military-political Alliance.

Author: Anatoly Filippovich Klimenko, candidate of military Sciences, leading researcher at the Center for research on North-East Asia and the SCO of the Far East Institute of the Russian Academy of Sciences. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

Сегодня центр тяжести мировой политической и экономической активности смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, многие государства которого, и в первую очередь Китай, удерживают темпы экономического роста даже в условиях непростой ситуации, порожденной нынешним кризисом, связанным с эпидемией Ковид-19, охватившей все без исключения страны.

Регион удерживает ведущие позиции не только в темпах экономического роста, но и во внедрении технологий наукоемких производств, что также обеспечивает поступательное развитие экономики. Если в 1960 г. на страны АТР приходилось только 12 % мирового производства, то в 1990 г. — уже 26 %, а в 2020 г. эта цифра, по некоторым оценкам, составляет около 40 % [Безопасность в АТР]. Специалисты полагают, что даже при ожидаемом общемировом снижении темпов роста экономики за АТР сохранится лидерство в динамике развития.

Наряду с экономической, возрастает геополитическая и военно-стратегическая значимость региона. Здесь пересекаются интересы таких мощных государств, как США и Китая, США и России, Китая и Индии, США и Индии, Японии и США, и сохраняется немало источников нестабильности и угроз региональной безопасности. К основ-

ным военно-стратегическим факторам безопасности в АТР обычно относят распространение ракетно-ядерного оружия, застарелые межгосударственные конфликты и уходящие своими корнями в глубокую историю территориальные споры (рис. 1).

Основными же хроническими проблемами в регионе и сегодня остаются межкорейские и китайско-тайваньские межгосударственные противоречия. При этом корейская проблема может быть условно разделена на две составляющие. Первая из них связана с сохраняющимся расколом нации на два государства и необходимостью нормализации межкорейских отношений.

Как известно, юридически оба корейских государства — Северная и Южная Кореи находятся в состоянии войны, поскольку Соглашение о перемирии от 27 июля 1953 г. — это всего лишь договоренность между главнокомандующими вооруженными силами воюющих сторон о временном прекращении боевых действий. Ряд предпринятых главами обоих государств попыток найти выход из этого тупика особых результатов не принесли, ибо попытки национального примирения всякий раз сталкивались со стремлением к противоборству.

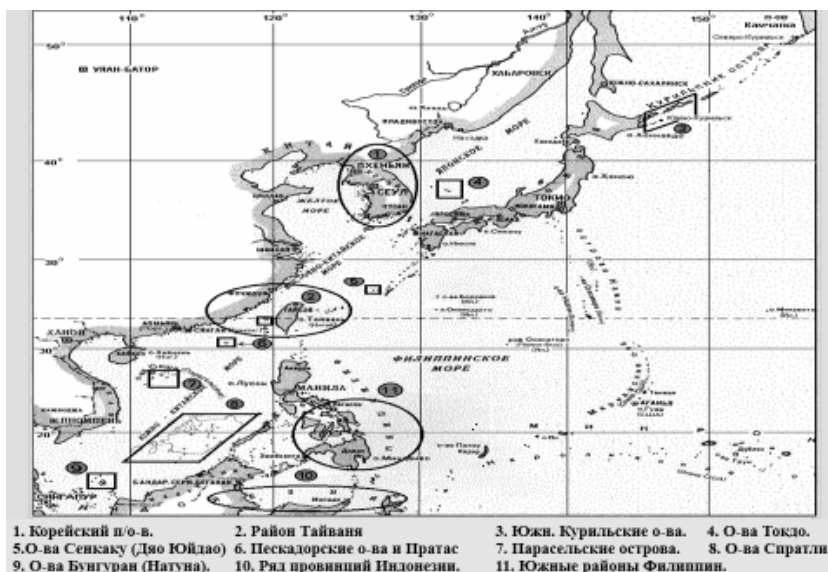

Рис. 1. Основные зоны напряженности в АТР.

Источник: Новый шёлковый путь. URL: <https://regnum.ru/pictures/2229489/4.html>
(дата обращения: 07.05.2021)

Вторая составляющая касается северокорейской ядерной программы. Возникновение этой проблемы объяснимо. У небольших государств, не обладающих достаточным военным потенциалом, в условиях, когда в международных отношениях все больше и больше проявляет себя фактор силы, сложилось понимание того, что обеспечить собственную безопасность проще, опираясь на фактор сдерживания. Эффективнее всего эта задача решается за счёт ядерного оружия. К тому же, помимо политического выживания режима, периодическая демонстрация совершенствования ракетно-ядерного оружия позволяет получить иностранную помощь в ответ на обещание свёртывания ядерной программы. Этим и можно объяснить живучесть этого компонента проблемы корейского полуострова.

Китайско-тайваньская проблема также является следствием разделённых государств. Не вдаваясь в её историю, отметим, что в основе политики КНР на разрешение тайваньского вопроса лежат принципы «мирное объединение» и «одно государство, два строя», во многом апробированные в процессе воссоединения Китая с бывшими колониями Великобритании и Испании — Гонконгом и Макао. Но сегодня проведение консультаций между Пекином и Тайбэем отложено. Правительство КНР негативно реагирует на рост влияния сторонников независимости Тайваня и периодически даёт понять, что применение силы против острова в чрезвычайных обстоятельствах, к которым относится провозглашение независимости, не исключено. Это подтверждается и принятым Китаем в 2005 г. Законом о противодействии расколу государства. Согласно этому документу, в случае возникновения угрозы мирному воссоединению материковой части страны и Тайваня правительство КНР обязано прибегнуть к силовым и другим необходимым способам для сохранения своей территориальной целостности.

Еще одним серьёзным фактором напряженности в межстрановых отношениях в регионе являются, с одной стороны, неразрешенные территориальные споры, в первую очередь, за принадлежность островных зон и морских шельфов, богатых полезными ископаемыми, главным образом — углеводородами. С другой стороны, борьба за коммуникации. Обратившись к географической карте, нетрудно заметить, что Южно-Китайское и Андаманское моря вместе с Малаккским и Тайваньским проливами представляют собой основной судоходный путь, связывающий Тихий и Индийский океан. Здесь пересекаются наиболее удобные морские пути из Европы, Африки, Ближнего Востока и Южной Азии на Дальний Восток и в Америку. Контроль над ними представляет возможность решения важных

стратегических и экономических (обеспечение углеводородами) задач. Именно поэтому связанные с названной проблематикой вопросы останутся открытыми, по крайней мере в обозримой перспективе.

Все эти уходящие в прошлое и остающиеся неразрешёнными политические конфликты и территориальные споры широко и подробно освещены в различных научных и публицистических изданиях [Клименко А. Современные проблемы]. Но они до сих пор служат и на обозримую перспективу останутся основными причинами региональной нестабильности и источниками угроз безопасности.

С принятием в июне 2019 г. Вашингтоном новой военной стратегии для Индо-Тихоокеанского региона международно-политическая ситуация здесь приобретает тенденцию к дальнейшему осложнению. В первую очередь это касается эволюции взаимоотношений в «треугольнике» США—Китай—Россия. Здесь уместным было бы остановиться на истории вопроса.

Акцентируя внимание на новых тенденциях и вызовах, стратегия для ИТР определяет Китай в качестве вызова региональной безопасности, поскольку «Китай стремится вытеснить США из Индо-Тихоокеанского региона». Второй вызов для США — это Россия, поскольку она «...нацелилась на ослабление американского влияния в мире и хочет отколоть нас от наших союзников и партнеров... Россия вкладывает средства в новые военные возможности, в том числе в ядерные системы, которые остаются самой важной угрозой существованию США». Авторы стратегии делают вывод, что Москва намерена заново установить свое присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе, чтобы подорвать лидерство США и международный правовой порядок. Особое беспокойство у Вашингтона вызывает возобновление, после длительного перерыва, российско-китайского сотрудничества в таких критических сферах, как освоение космического пространства, развитие системы противоракетной обороны, разработка новых образцов вооружения и военной техники, а также наращивание сотрудничества в области экономических отношений. Их озабоченность вызывают также совместные инициативы по добыче природных ресурсов, заявка России на расширение арктического шельфа и развитие Северного морского пути при участии Китая. По мнению экспертов, США и в данном случае видят угрозу своим интересам, подтверждая, что на самом деле Вашингтон заинтересован в сохранении своего господства на глобальном уровне и контроле над действиями других государств. В список основных вызовов Вашингтон включил и совершенствование систем ракетно-ядерного оружия Северной Кореей. И, наконец, представленный в Индо-Тихоокеанской стратегии список

традиционно завершают обезличенные транснациональные угрозы — терроризм, наркотрафик, пиратство и незаконная торговля оружием [Стратегия США].

Пессимистические оценки Пентагоном соотношения своего военного потенциала, особенно в обычных вооружениях, с быстро наращивающим военные возможности Китаем вынуждают США расширять стратегические партнёрские связи с другими странами Индо-Тихоокеанского региона. Анализируя их дислокацию, можно заметить, что усиление сотрудничества Соединённых Штатов в военной сфере с государствами, входящими в так называемый Quad, и некоторыми другими странами направлено на постепенное возрождение, а вернее — совершенствование «стратегии анаконды», предназначенной для «удушения» Китая, а вместе с ним и России.

Геостратегическое переформатирование, происходящее в результате интеграции тихоокеанской и индоокеанской зон, представляет Соединённым Штатам возможность взять под свой контроль происходящие процессы в ключевом для развития мировой экономики и политики регионе.

Таким образом, как считают российские эксперты, «США хотят переиграть Китай, и для этого им нужно, чтобы все инфраструктурные пути, которые КНР собирается создать в рамках инициативы «Один пояс — один путь», вели в никуда, то есть в регионы, которые контролируются Вашингтоном» [Геостратегическое переформатирование].

В настоящее время многие специалисты в зарубежном и российском экспертных сообществах, особенно после состоявшегося в мае 2020 г. российско-американского саммита, задаются вопросом, не изменится ли политика Джо Байдена по отношению к АТР и не смягчится ли риторика Вашингтона относительно России и Китая?

Вспомним, что ещё в феврале 2021 г., представляя свою программу внешней политики, президент США Джо Байден называл Китайскую Народную Республику и Российскую Федерацию основными противниками Америки.

Но по мере осознания того, что Соединённые Штаты утрачивают способность вести войну на два фронта с быстро набирающим так называемую комплексную мощь Китаем и с нараставшей военной потенциал Россией, в Вашингтоне постепенно начала меняться и риторика. В марте того же года Вашингтон опубликовал доклад «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», излагающий взгляды администрации Байдена на ключевые проблемы американской политики [Временное стратегическое руководство].

О Китае там уже говорится как о единственном сопернике, способном объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить устойчивый вызов стабильной и открытой международной системе, и о том, что новая стратегия делает ставку на «демократические союзы, позволяющие выступать единым фронтом для привлечения к ответственности таких стран, как Китай»

В соответствии с этим Министерство обороны Соединённых Штатов определило Китайскую Народную Республику своим основным противником. Пентагон сориентировал свои вооруженные силы на сосредоточение основных усилий против Китая. В оборонном планировании сделан акцент на подготовку вооружённых сил к так называемой «высококласной обычной войне» с противником, обладающим столь же сильными возможностями. При этом Соединённые Штаты должны оперировать достаточными, но сокращающимися ресурсами. Руководствуясь таким подходом, Пентагон по-иному расставил и приоритеты: в первую очередь противодействовать военному потенциалу Китая и лишь во вторую — России.

Почему же происходит смена акцентов? Перед встречей президентов России и США в Женеве многие эксперты пытались угадать, какие вопросы глобальной политики они обсудят. По одной из версий, Байден попытается заручиться поддержкой России в своем противостоянии с Китаем, которое в последнее время приобретает стратегический характер и создает угрозу Соединённым Штатам с начала XX в. Об этом говорилось в итоговом коммюнике саммита G7, где Китай характеризовался как серьёзный вызов для мировых демократий по самым разным направлениям. Также Китай был назван системным вызовом для безопасности НАТО, а поэтому Москва якобы должна выстроить свою линию поведения в отношении своего союзника.

Сам президент Джо Байден также неоднократно озвучивал подобные и даже более серьёзные опасения. Выступая перед военнослужащими на базе в штате Вирджиния и сославшись на опыт своих предыдущих многочисленных встреч с председателем КНР, он сказал: «Си Цзиньпин твёрдо верит, что Китай до 2035 г. будет обладать Америкой». [Хочет захватить США].

Можно спорить о справедливости такой оценки, но остаётся фактом, что именно Китай, а не Россия, воспринимается сегодня американской политической элитой в качестве главной и жизненно важной угрозы Америке. В подтверждение этому можно ещё раз сослаться на слова самого президента Джо Байдена, которые привела замгоссекретаря Соединённых Штатов по политическим вопросам В. Нуланд в

своём сообщении по итогам состоявшегося 16 июня в Женеве саммита с российским коллегой В. Путиным. По её словам, президент США предложил России подумать, следует ли увеличивать зависимость от Китая. [Байден посоветовал].

Из этого следует, что США сейчас будут, с одной стороны, пытаться разбить складывающийся российско-китайский альянс, а с другой — решительно противостоять Пекину. Подтверждением тому является активность, которую развил Вашингтон в Индо-Тихоокеанском регионе. Проведены первые в истории переговоры на уровне лидеров региональной четверки — США, Индии, Японии и Австралии. При обсуждении с премьер-министрами этих государств представляющей для них особый интерес проблематики президент США вновь уделил важное внимание вопросу о роли Китая на глобальной арене, а также связанными с этим угрозами системе свободной торговли. «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион имеет жизненно важное значение для будущего каждой из стран... США привержены работе с вами, нашими партнерами, а также со всеми нашими союзниками в регионе для достижения стабильности», — заявил в ходе встречи, обращаясь к своим коллегам, Джо Байден [Газета «Коммерсантъ»].

Однако возможность реализации Индо-Тихоокеанской стратегии во многом зависит от позиции самих стран Индо-Тихоокеанского региона. Как свидетельствует анализ их внешнеполитической деятельности, национальные интересы многих из этих стран не всегда вписываются в стратегию Пентагона. Например, в Индии традиционно привержены политике неприсоединения. Однако её политика не отличается последовательностью. Например, в послании к Диалогу Шангри-Ла премьер-министр Индии акцентировал внимание на том, что индийское видение Индо-Пасифики «инклюзивно и не включает в себя какую-либо группировку, нацеленную на доминирование. И что этот проект ни коим образом нельзя считать направленным против какой-либо страны» [Мэнниг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия]. А на практике можно видеть, что отношения Индии и США находятся на пике своего развития. Это объясняется тем, что Нью-Дели в одиночку уже не может справиться с китайским присутствием в регионе, учитывая всё возрастающий разрыв между военным и экономическим потенциалами Индия и Китая. Поэтому Индия пытается уравновесить растущую китайскую военную и экономическую мощь за счёт активного военного присутствия в регионе Соединённых Штатов. За последний год она сделала несколько важных шагов в сторону Америки: стала активно сотрудничать со странами Quad, провела совместные с ними военно-морские учения в Бенгальском заливе

и Аравийском море, а также приняла участие в саммите G7, хоть и виртуальное.

Вторым фактором, препятствующим реализации американской стратегии, может стать озабоченность ряда стран региона необходимостью выбора между Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой. С одной стороны, присутствие США в регионе может использоваться ими в качестве перестраховки от усиливающейся роли Китая. Но с другой — не все из них готовы стать на сторону Соединенных Штатов в случае военного конфликта в очагах напряженности. Понимание странами Индо-Тихоокеанского региона географической удаленности США и в то же время непосредственного соседства с КНР вынуждает их подумать при принятии окончательного решения по обеспечению собственной безопасности.

Не стоит списывать и подающие некоторую надежду на возможность урегулирования возникающих конфликтных ситуаций существующие в регионе форматы многостороннего сотрудничества, а также неформальные механизмы взаимодействия.

Все они призваны в той или иной мере решать проблемы региональной безопасности и стабильности, но не все из них выполняют военно-политические функции, фактически представляя собой площадки для диалога по этим проблемам.

Так региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) занимается преимущественно проблематикой предотвращения и разрешения конфликтов, постконфликтного урегулирования и создания соответствующих механизмов его осуществления.

Общеазиатские диалоговые форматы (Диалог Шангри-ла и Совещание по мерам доверия в Азии — СВМДА) занимаются преимущественно обсуждением актуальных и назревающих проблем региональной безопасности. Их название в полной мере характеризует их деятельность.

Анализ функционала представленных форматов приводит к вполне логичному заключению о том, что пока конкретно решением проблем обеспечения региональной безопасности в АТР ни одна из приведенных выше многочисленных организаций заниматься в полной мере не способна.

Исключение из общего правила могла бы составить Шанхайская организация сотрудничества. Согласно Хартии ШОС в её деятельности существенное место занимает проблематика борьбы с «тремя злами» (к которым в Китайской Народной Республике относят сепаратизм, терроризм и экстремизм) и с другими так называемыми нетрадиционными вызовами и угрозами.

В рамках ШОС созданы и действуют Региональная антитеррористическая структура (РАТС), координирующая вопросы борьбы с террористической угрозой, и антинаркотический центр. Антитеррористическую направленность носят совместные военные учения «Мирная миссия», которые проводятся ежегодно, начиная с 2005 г. В ходе этих учений осуществляются оперативное слаживание штабов и подготовка армейских подразделений государств — участников Шанхайской организации сотрудничества к ведению совместных боевых действий. В результате эта Организация имеет подготовленный контингент вооружённых сил, который мог бы решать, по крайней мере, миротворческие задачи.

Для повышения антитеррористической эффективности ШОС и её способности оперативно реагировать на возникающие угрозы можно было в каждом государстве-участнике иметь на постоянной основе специально предназначенное для действий в рамках ШОС воинское подразделение или соединение — в зависимости от возможностей конкретного государства. В этом случае проблемы оперативной и языковой совместимости решались бы более успешно. А вот орган управления предназначенным для руководства подготовленным в ходе совместных учений объединённым контингентом вооружённых сил, или хотя бы основа, ядро такого органа (назовем его условно Комитет по координации военного сотрудничества), целесообразно было бы иметь на постоянной основе при РАТС или в качестве самостоятельной структуры. Но для этого должна быть создана соответствующая правовая база, чего в ближайшей перспективе не просматривается.

Поэтому нельзя не согласиться со многими экспертами в том, что проблематика сотрудничества в области безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе рассредоточена по различным организациям и диалоговым форматам взаимодействия, и в результате такая система особой эффективностью не отличается.

Ряд экспертов считает, что в субрегионе Северо-Восточной Азии на роль формата сотрудничества в области безопасности мог бы претендовать механизм шестисторонних переговоров в случае успешного выполнения задач, связанных с решением северокорейской проблемы. Но его деятельность пока таких надежд также не оправдывает. Другой подход предполагает, что функцию организации, интегрирующей рассмотрение региональных вопросов и решение задач в области безопасности, мог бы выполнять Восточно-Азиатский саммит в его новом расширенном формате с участием России и США (десять стран АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Россия, США) [Проблемы безопасности в

АТР]. Но особого прогресса на этом направлении также пока не наблюдается.

Тем временем, видение экспертным сообществом в самой Америке вероятных направлений развития международно-политической обстановки в Индо-Тихоокеанском регионе надежд на её стабилизацию не даёт. В частности, Роберт Мэннинг, старший научный сотрудник Центра стратегии и безопасности имени Брента Скоукрофта, в представленных им возможных сценариях будущего до 2025 г. рассматривает возможность усиления в регионе напряженности и конфронтации, предвещая новый раскол в духе холодной войны. А посему разработанная в Пентагоне стратегия Индо-Тихоокеанского региона, по его мнению, становится «активным форумом стратегического планирования с целью противодействия политике Китая, блокирующего доступ во внутренние моря, и оказания нажима на других региональных акторов, чтобы настроить их против Китая».

В завершение данной статьи следует подчеркнуть, что в сложившихся условиях международно-политической ситуации имеет место необходимость дальнейшего укрепления всеобъемлющего стратегического партнёрства России и Китая на новых принципах, ставящих во главу угла не всеобщую конфронтацию, а поиск возможностей для разрешения конфликтов и налаживание сотрудничества на основе совпадающих интересов во имя всеобщего блага.

Сегодня у российско-китайского стратегического партнёрства нет такой цели, как военное противостояние США. Но структура этого партнёрства обеспечивает сдерживание американского нападения на любую из наших стран или на обе. Суть дела в том, что это партнёрство не соответствует жестким нормам классической системы альянсов, за что его иногда называют «модульным альянсом». И это очень гибкая система благодаря ст. 9 подписанного в 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В ней говорится, что «в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». [Договор о добрососедстве...]. Это позволяет нашим государствам в обычной жизни согласованно выполнять целый ряд функций по обеспечению общей безопасности, а также обеспечивать выполнение конкретных задач по мере их появления.

Библиографический список

Байден посоветовал Путину подумать, нужно ли России увеличивать зависимость от Китая. URL: <https://news.rambler.ru/world/46644427-bayden-posovetov-al-putinu-podumat-nuzhno-li-rossii-uvlichivat-zavisimost-ot-kitaya/> (дата обращения: 20.05.2021).

Безопасность в АТР: проблемы и перспективы. URL: https://stydopedia.ru/1_100660_bezопасnost-v-atr-problemi-i-perspektivi.html / (дата обращения: 07.05.2021).

Временное стратегическое руководство в области национальной безопасности. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/vremennoe-strategicheskoe-rukovodstvo-v-oblasti-nacionalnoj-bezопасnosti/> (дата обращения: 12.05.2021).

Коммерсантъ. № 43. 13.03.2021. С. 3.

«Геостратегическое переформатирование»: как США намерены противостоять России и Китаю в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: <https://pravdoryb.info/geostrategicheskoe-pereformatirovanie-kak-ssha-namereny-protivostoyat-rossii-i-kitayu-v-aziatsko-tihookoekanskom-regione-187373/> (дата обращения: 10.05.2021).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 17.07.2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792686> / (дата обращения: 11.05.2021).

Клименко А. Современные проблемы обеспечения военной безопасности АТР. URL: <http://kvrf.milportal.ru/sovremennye-problemy-obespecheniya-voennoj-bezопасnosti-atr/> (дата обращения: 01.05.2021).

Проблемы безопасности в АТР. URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdu-narodnie-otnosheniya/problemyi-bezопасnosti-atr-22417/> / (дата обращения: 22.05.2021).

Мэнниг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США: мифы и реальность // Валдайские записки. № 89. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-89/> / (дата обращения: 24.05.2021).

Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: доклад Пентагона. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/strategiya-ssha-v-indo-tihookoekanskom-regione-doklad-pentagona/> / (дата обращения: 02.06.2021).

Хочет захватить США. Байден выдал планы Си Цзиньпина. URL: https://radiosputnik.ria.ru/20210529/kitay-1734703180.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop / (дата обращения: 29.05.2021).

References

Bayden posovetoval Putinu podumat', nuzhno li Rossii uvelichivat' zavisimost' ot Kitaya. [Biden advised Putin to think about whether Russia needs to increase its dependence on China]. URL: <https://news.rambler.ru/world/46644427-bayden-posovetov-putinu-podumat-nuzhno-li-rossii-uvlichivat-zavisimost-ot-kitaya/> / (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).

Bezopasnost' v ATR: problemy i perspektivy. [Security in the Asia-Pacific region: problems and prospects]. URL: https://stydopedya.ru/1_100660_bezopasnost-v-atr-pr-obleme-i-perspektivi.html / (accessed: 07 May, 2021). (In Russian).

Vremennoye strategicheskoye rukovodstvo v oblasti natsional'no bezopasnosti. / [Interim strategic leadership in the field of national security]. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/vremennoe-strategicheskoe-rukovodstvo-v-oblasti-nacion-alnoj-bezopasnosti> / (accessed: 12 May, 2021). (In Russian).

Gazeta “Kommersant” № 43 ot 13.03.2021, str. 3 [The newspaper “Kommersant” No. 43 of 13.03.2021, p. 3].

«Geostrategicheskoye pereformatirovaniye»: kak SShA namereny protivostoyat' Rossii i Kitayu v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. [“Geostrategic reformatting”: how the US intends to confront Russia and China in the Asia-Pacific region]. URL: <https://pravdoryb.info/geostrategicheskoe-pereformatirovanie-kak-ssha-namereny-protivostoy-at-rossii-i-kitayu-v-aziatsko-tikhookeanskom-regione-187373> / (accessed: 10 May, 2021). (In Russian).

Dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsii-ey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy // Rossiyskaya gazeta. 17.07.2001. [Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. Rossiyskaya gazeta. 17.07.2001 URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792686> / (accessed: 11 May, 2021). (In Russian).

Klimenko A. Sovremennyye problemy obespecheniya voyennoy bezopasnosti ATR / [Modern problems of ensuring the military security of the Asia-Pacific region]. URL: <http://kvrf.milportal.ru/sovremennyye-problemy-obespecheniya-voennoj-bezopasnosti-atr/> (accessed: 01 May, 2021). (In Russian).

Problemy bezopasnosti v ATR. [Security problems in the Asia-Pacific region]. URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/problemyi-bezopasnosti-atr-22417> / (data obrashcheniya: 22.05.2021).

Mennig R. Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA: mify i real'nost'. Valdayskiye zapiski. № 89. [Manning R. The Indo-Pacific strategy of the United States: myths and reality. Valdai notes. № 89]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-89/> (accessed: 24 May, 2021). (In Russian).

Strategiya SShA v Indo-Tikhookeanskom regione: доклад Pentagona. [US Strategy in the Indo-Pacific region: the Pentagon report]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/strategiya-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione-doklad-pentagona/> (accessed: 02 May, 2021). (In Russian).

Khochet zakhvatit' SShA. Bayden vydal plany Si Tszin'pina / [He wants to take over the United States. Biden gave out Xi Jinping's plans]. URL: https://radiospu.tnik.ria.ru/20210529/kitay-1734703180.html?utm_source=yxnews (accessed: 29. May, 2021). (In Russian).

А.С. Давыдов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КНР И США В XXI ВЕКЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ГРЯДУЩЕЕ

Аннотация. О нынешнем состоянии и проблемах в китайско-американских отношениях, их будущем и том, как оно повлияет на ситуацию в мире, рассуждает сегодня всякий, включая тех, кто не является специалистом в этой области. Что неудивительно, поскольку эта острая тема действительно выходит за очерченные рамки политики и политологии, и вопрос взаимоотношений двух мощнейших мировых держав становится ключевым при определении парадигмы грядущего мироустройства и, соответственно, перспектив планетарного выживания.

Ключевые слова: Китай, США, взаимоотношения, развитие, противостояние, сотрудничество, идеологические противоречия, глобальное соперничество, Трамп, Байден, Си Цзиньпин.

Автор: Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: davydov@ifes-ras.ru

A.S. Davydov

Relations between China and the United States in the XXI century: past, present and future

Abstract. Everyone, including those who are not an expert in this field, talks about the current state and problems in the Sino-American relations, their future and how it will affect the situation in the world. This is not surprising, since this acute topic really goes beyond the outlined fra-

mework of politics and politics, and the issue of relations between the two most powerful world powers becomes a key issue in determining the paradigm of the future world order and, accordingly, the prospects for planetary survival.

Keywords: China, the United States, relations, development, confrontation, cooperation, ideological contradictions, global rivalry, Trump, Biden, Xi Jinping.

Author: Andrey Davydov, Candidate of Historical Sciences, leading researcher at the Center for the Study and Forecasting of Russian-Chinese Relations at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Войдя два десятилетия назад в XXI век, мир вступил в новую историческую эпоху. Незадолго до наступления нового века на смену биполярному миропорядку, опиравшемуся на противоборство идеологических принципов, пришла однополюсная система мироустройства, отмеченная глобальным господством Соединенных Штатов Америки, сделавших прежде все для того, чтобы мировая система социализма во главе с их извечным соперником — Советским Союзом — потерпела полный и окончательный крах. Все, вплоть до попыток «перетягивания» на свою сторону изначально настроенной враждебно в отношении Америки Китайской Народной Республики, руководимой Коммунистической партией Китая.

Визит в 1972 г. президента Р. Никсона в КНР, с которой у США тогда не было по существу **никаких** отношений, не говоря о дипломатических, серьезно усугубил раскол в социалистическом лагере, первыми откровенными и реальными признаками которого — помимо открытой полемики между КПСС и КПК — стали боевые столкновения военнослужащих СССР и Китая на острове Даманский.

Однако США, очевидно ликуя в тот момент по поводу своей дипломатической удачи после подписания Шанхайского коммюнике, знаменовавшего, по их мнению, окончательный отрыв КНР от советского блока и оформление «треугольника», в котором они рассчитывали занять место «кукловода», дергающего за нужные «ниточки», не могли и предположить, что спустя полвека тогдашнее «заигрывание» с Китаем обернется для них не только угрозой потери господствующего положения в мире, но и внутренними неурядицами, ставящими под удар экономическую и политическую стабильность внутри самих Соединенных Штатов.

Установив 1 января 1979 г. дипломатические отношения с Вашингтоном, Китай на протяжении 40 с лишним лет использовал связи

с Америкой как своеобразный «трамплин» для прыжка из экономической, технологической и общекультурной отсталости к вершинам передового развития, в результате которого достиг уровня второй, а в чем-то первой державы мира.

Старые китайские города превратились в современные мегаполисы с взметнувшимися в небеса стрелами небоскребов. А некоторые возникли из ничего или появились на месте прежних деревень и поселков, ярким примером которых является ныне Шэньчжэнь.

Территория страны покрылась сетью сверхскоростных автострад, а по ее железным дорогам теперь курсируют суперскоростные поезда. С 2011 г. 1300-километровое расстояние между Пекином и Шанхаем, на которое раньше тратилось более суток, преодолевается ими за 4,5—5 часов.

КНР добилась выдающихся космических успехов: по расчетам специалистов, в феврале 2021 г. запущенный с космодрома на острове Хайнань к Марсу космический корабль должен совершить на нем мягкую посадку, и китайский марсоход «Тяньвэнь-1» начнет перемещаться по поверхности Красной планеты¹.

Все это выглядит как фантастика, если бы не было реальной явья. Как КНР удалось достигнуть всего этого за сравнительно короткий по историческим меркам срок? Нельзя ответить на этот вопрос однозначно. Причины взлета современного Китая имеют комплексный, сложный характер и многочисленные составляющие.

У них имеются исторические корни, взращенные на почве противоречия между восприятием издревле себя Поднебесной — «центром Вселенной», осчастливившим все остальное человечество (а в собственном китайском представлении — варваров) рядом великих изобретений и открытий, но, вместо всеобщей благодарности, подавлявшимся этими «варварами» на протяжении веков, с народом, прозябавшим в нищете и отсталости. Здесь и вызревшее из внутренней убежденности в собственном превосходстве стремление доказать миру, что прошлые унижения и обиды канули в лету, и к ним нет и не будет возврата. Это, наконец, оправданное в представлении ханьской нации амбициозное желание восстановить статус Китая как доминирующей силы в Восточной Азии, чтобы затем перестроить окружающий мир сообразно собственным идеям о «гармонии мироздания». А для достижения всех этих целей и требовалось пойти по тернистому пути провалившегося первоначально «большого скачка», придя в итоге к нынешнему «космическому» взлету.

Он, безусловно, никогда не состоялся бы при отсутствии присущих национальному характеру китайцев таких важных черт, как тру-

долюбие, упорство, самоотречение, жертвенность, смекалка, сообразительность и ловкость. Но роль сыграло не только это.

На определенном этапе экономических преобразований в КНР «отец китайских реформ» Дэн Сяопин сформулировал линию поведения для их реализации, ставшую, по существу, заветом для будущего руководства обновляемого Китая. Его призыв «оставаться в тени, проявлять скромность, не высовываться, набраться терпения и ждать своего часа» был воспринят в мире в основном как требование к собственной стране: «не рваться в лидеры», отказаться от состязательного соперничества и ненужных амбиций, заняться внутренним переустройством и улучшением жизни людей.

Такая трактовка «формулы Дэна» успокоительно и даже «усыпляюще» воздействовала отнюдь не на самих китайцев, но на весь остальной мир, особенно на тех, кто с опаской посматривал на Китай как на потенциального соперника на мировой арене. Среди них оказались, в конце концов, и Соединенные Штаты.

Постепенно, благодаря особенностям национального характера и дешевизне рабочей силы, Китай превратился в мировую фабрику по изготовлению всего, что только можно вообразить. Простые и незатейливые изделия марки «Made in China» очень скоро стали настолько популярными и конкурентоспособными, что практически вытеснили аналогичную продукцию других стран с мирового рынка.

С высокотехнологичной продукцией дело поначалу не заладилось. Однако высокие прибыли и огромная выгода от перевода технологически сложных производств в Китай усыпили, в конце концов, американскую бдительность, и туда стали «уплывать» не только заказы, но самые современные и изощренные западные технологии.

В результате китайский аппарат «Чанъэ-5» собирает сегодня грунт на Луне и доставляет его на Землю, а Китай стал третьей в мире державой после США и СССР, которая сумела это сделать. «Китайские компании Huawei, Baidu, Alibaba и Tencent стремительно завоевывают международные рынки, а американские власти вводят против них санкции, чтобы не допустить их лидерства в технологической гонке»². Ведь Китай поставляет на рынок продукцию ничуть не хуже качеством, чем в Европе или США. Таким образом, подлинный скрытый смысл «заветов» Дэна и истинные целеуказания, зашифрованные в них, остальной мир осознал совсем недавно.

В одном из последних докладов комитета по разведке Палаты представителей Конгресса США откровенно признано, что американская разведка оказалась не в силах угнаться за технологическим и, тем более, политическим прогрессом современного Китая: ЦРУ и

еще 16 аналогичных разведведомств США просто «проспали» его подъем, и сегодня Белый дом не знает, что с этим делать. По утверждению главы комитета Адама Шиффа, «к полноценной работе по китайской линии американские спецслужбы не будут готовы еще десятилетия», поскольку «в них слишком много специалистов по терроризму и Ближнему Востоку, но нет китаистов»³.

Директор национальной разведки США, осуществляющий общее руководство всеми американскими разведывательными ведомствами, Джон Рэтклифф твердо уверен в том, что «КНР сегодня представляет наибольшую угрозу для Америки... со времен Второй мировой войны» и что «Пекин намерен властвовать над США и остальным миром в экономической, военной и технологической сферах»⁴. В итоге годовой бюджет американской разведки в 85 млрд долл. был перераспределен таким образом, чтобы уделять больше внимания Китаю⁵.

А реальные цифры подтверждают выводы главного американского разведчика. Так, ВВП КНР, составлявший 40 лет назад 2 % мирового (сегодняшний российский уровень), ныне достиг 18 %, что составляет около 70 % американского. Объем внешней торговли КНР — 4 трлн долл., в то время как российский — всего 270 млрд долл., т. е. почти в 15 раз меньше.

В то же время Поднебесная по-прежнему зависит от получения передовых западных технологий и остается тесно связанной с США не только в торгово-экономической, но и в научно-технической области. По оценке правительства США, кража Китаем интеллектуальной собственности обходится Америке в 500 млрд долл. ежегодно⁶. В ее числе — секретные оборонные технологии, применение которых нацелено на превращение КНР в первостепенную военную державу. Перспективные технологии, оказавшиеся в руках Китая, способны обеспечить его разведслужбам доступ к дополнительным возможностям для сбора разведывательной информации, создания сбоев и нарушений в работе средств связи потенциального противника, вторжения в частное пространство их пользователей.

По утверждению американских источников, Китай блокирует американские страницы в Интернете, отсекая своих граждан от информации из США, потому что она создает угрозу идеологическому контролю КПК, и разрабатывает наступательные кибернетические средства, которые будут направлены против США. В 2020 г. КНР провела масштабную кампанию влияния, целями которой стали многие члены Конгресса и их помощники⁷.

Многие в Америке убеждены, что Пекин готовится к «бессрочной конфронтации», пока не добьется цели — возглавить новый мировой

порядок. Даже известный по прошлым деяниям, один из крупнейших американских «китаефилов» Генри Киссинджер заявляет ныне, что «из ситуации, в которой оказались сегодня США и Китай, бесконфликтного выхода нет. Водораздел пролегает еще и по идеологической линии, на которую стороны до поры до времени не обращали внимания»⁸. Действительно, сегодня американские политики все больше рассматривают соперничество между США и Китаем уже не как традиционную конкуренцию супердержав, а как борьбу демократии с коммунизмом.

С приходом Трампа в Белый дом в январе 2017 г. мало кто сомневался, что именно Китай, а не Россия станет для его администрации «раздражителем № 1». К набору противоречий, присущих прежде отношениям Пекина и Вашингтона, добавилось самое неприятное для Америки: став второй экономикой мира, Китай активизировал участие в глобальном управлении, расширив его с экономической и гуманитарной сфер на область безопасности и заявив о претензии на роль одного из универсальных глобальных лидеров.

Теоретически допуская и в прошлом подобную возможность и пытаясь на практике «испробовать» Пекин в таком качестве через формат «кимерики», США никогда не соглашались, однако, с его притязаниями в любом качестве на позицию «державы № 1». Даже несколько «ужимая» на словах сферы своих глобальных интересов путем определенного ограничения в мире глобализационных трендов, администрация Трампа с самого начала исключала возможность доминирования китайцев в тех зонах, где они рассчитывали диктовать свою волю и устанавливать «правила игры», в первую очередь, в АТР. Поскольку потеря этого региона означала для Америки утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент ее глобального лидерства. А этого Трамп, пришедший в Белый дом под лозунгом «Make America great again!», допустить никак не мог.

Предполагалось, что в отношениях с КНР у Трампа будет превалировать экономическая тематика, отодвинув на второй план политико-идеологические проблемы. Основные претензии к КНР сводились к торгово-финансовой сфере, где выдвигались обвинения в манипулировании курсом юаня ради получения преимуществ в двусторонней торговле; в товарном демпинге, ведущем к развалу американской промышленности; во введении противоречащих правилам ВТО ограничений на торговлю с США, а также в модернизации китайских военных объектов за счет кражи американских технологий, хакерских атак и шпионажа; в незаконности требований о доступе Китая к новым технологиям в качестве ответа на разрешение присутствия США на его рынках. Главным для США виделось уяснение соотношения

между пользой от конфронтации с КНР и выгодой, получаемой от конструктивного сотрудничества с нею.

Для Китая главным представлялся вопрос о том, будут ли темпы роста его амбиций соизмеримыми с ростом его совокупной мощи. При этом Китай чувствовал себя достаточно уверенно: имея в своих руках американские долги в объеме, по разным подсчетам, от 1,2 до 1,8 трлн долл., он располагал 4 трлн долл. валютных резервов по сравнению со 121 млрд долл. у США. В двусторонней торговле объемом порядка 660 млрд долл. дефицит баланса у США в 2015 г. составлял 365,7 млрд долл.

Со своей стороны, американские компании создали в Китае около 20 тыс. предприятий, и 20 % прибыли «Дженерал моторс» и 16 % прибыли «Форда» автопром США получал за счет китайского рынка. В КНР действовали 14 сборочных заводов компании «Apple». На середину 2016 г. 6 основных банков Китая имели активы в 15 трлн долл., а 6 ведущих банков США — 14 трлн долл.

На этом фоне Трамп, вероятно, счел своей задачей как минимум ограничить, а лучше остановить экспансию Китая. Для начала — в экономике, с расчетом, что экономическое ослабление КНР неизбежно приведет и к политическому. При этом свой курс Трамп поначалу нацеливал лишь на то, чтобы только «притормозить» Пекин, но не на масштабный конфликт с ним, поскольку, помимо тесной экономической взаимосвязи двух стран, у него имелись и личные деловые интересы в Поднебесной, где десятки торговых марок носили его имя.

Во внешнеполитическом плане первоначальные стремления Трампа заключались в том, чтобы как можно дальше отдалить друг от друга Китай и Россию. В рамках этого замысла и следует рассматривать «неожиданный визит» Си Цзиньпина в США в апреле 2017 г. и попытки повлиять на Пекин с целью убедить его рассмотреть вариант прохождения задуманного Китаем в рамках концепции «Пояса и пути» маршрута в обход России.

На первом этапе взаимодействия стороны проделали значительную работу по уточнению взаимных позиций и урегулированию недоумений и нестыковок. В итоге, Китаю, очевидно, удалось донести до сознания Трампа три принципиальных постулата, заложенных КНР в основу отношений с США:

- 1) главный из них — принцип «одного Китая», который не является предметом торгов и дискуссий;
- 2) взаимные Соединенными Штатами высоких таможенных пошлин на китайские товары чревато крупномасштабной торговой войной;

3) если обоюдный выигрыш при таких условиях достигнут не будет — неизбежен обоюдный проигрыш, что прозвучало почти как ультиматум.

Все это впоследствии подтвердилось.

Но на начальном этапе определенный нажим США на Китай, включая объявление Трампом на встрече с Си о нанесении ракетного удара по сирийской авиабазе Шатрат в ответ на якобы предпринятую Б. Асадом химическую атаку и переориентирование маршрута движения авианосца «Карл Винсон» вместо Австралии к берегам КНДР — дали некоторые результаты.

Китай не поддержал Россию в блокировании резолюции Совета Безопасности ООН по химическому оружию Сирии⁹, а МИД КНР солидаризировался с американскими акциями в адрес Пхеньяна и одобрил подготовленный США проект заявления с осуждением северокорейских ядерных испытаний¹⁰. Трамп, в свою очередь, заявлял, что «уступит Пекину по торговым вопросам в обмен на содействие в нейтрализации северокорейской ядерной программы»¹¹.

Главным расхождением между сторонами оставалось отношение к применению военной силы. КНР считала, что это приведет к катастрофе, а в Белом доме такой вариант решения проблемы не исключался. Некоторое время спустя США осознали, что на помощь Китая в обуздании северокорейской ядерной угрозы рассчитывать не стоит. Это и стало предтечей нового разлада в американо-китайских отношениях.

В июле-августе 2017 г. Трамп возвратился к антикитайским мерам в экономической и военной сферах — введению санкций против китайского банка «Даньдун», объявленного им «финансовой организацией по отмыванию северокорейских денег», и решению о продаже Тайваню оружия и военной техники на 1,4 млрд долл. Одновременно в Вашингтоне было объявлено о намерении провести военные маневры в Индийском океане с участием Токио и Дели, но без Китая. Говорилось о возможности введения новых ограничений на импорт китайской стали, что было бы чревато угрозой подрыва современной торговой системы, созданной внутри ВТО.

В результате состоявшихся в Вашингтоне в июле 2017 г. американо-китайских торговых переговоров заметных соглашений по ряду ключевых вопросов достичь сторонам так и не удалось. США обвинили Китай в чрезмерной государственной поддержке экспортеров, демпинге стали и алюминия, в препятствовании доступа своим компаниям на китайский рынок.

Были сделаны и другие, более фундаментальные и обобщенные выводы о том, что **Китай представляет для Америки гораздо более серьезную угрозу, чем Россия**, которой по привычке запугивали прежде население США. По словам заместителя помощника директора Восточно-Азиатского центра ЦРУ М.Коллинза, **«Пекин стремится узурпировать находящуюся в руках американцев власть и оказывать влияние не только в Азии, но во всем мире»**. Причем делать это «по-тихому», бесконфликтно и стараясь поддерживать стабильные связи с Вашингтоном, будучи при этом уверен, что может пренебрегать международным правом. Была подвергнута сомнению одна из фундаментальных заповедей американской внешней политики, утверждавшая, что «торговля и контакты с КНР породят в ней демократические политические реформы»¹².

Если у США еще оставались надежды на позитивные сдвиги в отношениях с Китаем, связанные с состоявшимся в ноябре 2017 г. визитом президента Д. Трампа в КНР, то им не суждено было сбыться. Он не внес в них реального прогресса, несмотря на ободряющие комментарии в китайских СМИ, в частности, в «Жэньминь жибао», утверждавшей, что «отношения двух стран входят в новый этап сбалансированной координации, а двусторонних единых интересов у КНР и США больше, чем разногласий»¹³, и оптимистичное интервью агентству Синьхуа председателя Комитета по американо-китайскому партнерству Ч. Фостера, отмечавшего, что за последние 40 лет «содержание американо-китайских отношений непрерывно расширяется и обогащается»¹⁴.

Накануне визита Трамп поставил перед администрацией США задачи: добиться от Китая сокращения дефицита торгового баланса; настаивать на расширении доступа американских компаний к китайскому рынку в сфере услуг, финансов и страхования; выказать китайской стороне претензии по поводу соблюдения прав интеллектуальной собственности, искусственного ослабления курса юаня и по ряду других вопросов; убедить Китай оказать давление на КНДР с целью ее отказа от программы создания ядерного оружия.

В результате переговоров существенная часть достигнутых договоренностей и подписанных сторонами коммерческих соглашений на сумму более 250 млрд долл. была зафиксирована в виде меморандумов или договоров о намерениях. Китай согласился увеличить импорт из США, однако достичь прогресса в вопросе американского дефицита в двусторонней торговле, по сути, не удалось. Пекин избежал также усиления разногласий с Вашингтоном по поводу Северной Кореи, Южно-Китайского моря и проблемы прав человека. Госсекре-

тарь США Р. Тиллерсон признал, что, невзирая на многочасовые переговоры, «удалось достигнуть немногого», поэтому США донесли до китайских властей свое «негодование темпами прогресса».

В марте 2018 г. Д. Трамп подписал меморандум о борьбе с экономической агрессией Китая. В заявлении Белого дома указывалось, что преобладающая роль государства в экономике Китая означает, что «цены на внутреннем рынке страны серьезно искажены и не определяются правилами рынка»¹⁵. Поэтому торговые партнеры Китая имеют право выставлять для китайских товаров очень высокие защитительные пошлины, что фактически лишает смысла их экспорт. Этот шаг властей США стал одним из первых признаков еще большего усиления торгового конфликта с КНР и начал определять характер отношений двух крупнейших мировых экономик в первой половине 2018 г. и последовавшее во второй его половине перерастание этого конфликта в известную всем «торговую войну».

После принятия 18 декабря 2017 г. новой американской «Стратегии национальной безопасности» отношения США с Китаем фактически приобрели официальный статус сопернических. Принятие «Стратегии» не только поставило под угрозу дальнейшее развитие отношений США и КНР, но и способствовало повышению градуса конфронтации и торгово-экономического противостояния двух стран. Фактически начало подлинной «торговой войне» положил острый конфликт, связанный с введением взаимных пошлин в апреле 2018 г. В ответ на американскую пошлину на импорт стали и алюминия Министерство финансов КНР приняло решение о введении «зеркальных» пошлин более чем на 100 видов американской продукции. Пекин также инициировал в ВТО разбирательство односторонних действий США.

В середине июня 2018 г. президент Трамп объявил о введении 25%-ной пошлины на импорт из Китая высокотехнологичной продукции. В случае ответных мер со стороны КНР было обещано ввести пошлины и на другие китайские товары на общую сумму до 100 млрд долл.

Некоторые эксперты расценили эти меры не только как желание США сбить темпы экономического роста КНР, но как стремление понизить уровень притязаний Пекина в качестве стратегического конкурента и положить начало всестороннему сдерживанию Китая как главного соперника Америки, рвущегося в новые глобальные лидеры.

В целях объективности следует отметить, что события в «торговой войне» развивались не только по линии эскалации: имели место и по-

пытки сторон по смягчению двустороннего торгового конфликта. Однако их эффективность оказалась сомнительной — то ли в силу особой остроты коммерческих противоречий, то ли ввиду завуалированного нежелания США в принципе отойти от политики жесткого давления в диалоге с КНР. В ходе саммита G-20 в Аргентине в конце 2018 г. была даже достигнута договоренность между Трампом и Си о приостановке введения новых торговых пошлин на 90 дней, но американские обвинения китайской компании Huawei в мошенничестве вновь нарушили наступившее затишье в двустороннем конфликте.

Серия переговоров между сторонами в течение весны 2019 г. привела к принятию принципиальных прорывных решений. В результате «торговой войны» в американской экономике пострадал целый ряд отраслей, включая сельское хозяйство, авиастроение, автомобилестроение и нефтяную промышленность. Последствиями этой «войны» для Китая стали замедление темпов роста всей экономики в целом, увеличение безработицы и сокращение экспортных производств.

В своем торговом противоборстве США и КНР «перевели дыхание» лишь в январе 2020 г., когда президент Трамп и вице-премьер Лю Хэ подписали так называемый первый пакет документов в рамках двустороннего торгового соглашения, который обязал Китай в течение двух лет увеличить на 200 млрд долл. закупки американской сельскохозяйственной продукции и других товаров, а Вашингтон, в свою очередь, — не повышать пошлины на определенные виды китайских изделий. При этом действие 25%-ной пошлины на товары из КНР общей стоимостью 250 млрд долл. оговаривалось до тех пор, пока стороны не заключат сделку второго этапа.

Казалось бы, торговый конфликт постепенно шел к затуханию. Но новое обострение уже не только торговых, но всего комплекса обоюдных отношений двух стран всколыхнула пандемия коронавируса, распространившаяся по миру из Китая.

Сразу возник вопрос: как и почему она возникла? По сугубо медицинским причинам или спровоцирована искусственно и с умыслом? Явилась ли она роковым стечением обстоятельств естественного свойства или стала результатом сознательных действий части людей, преследовавших определенные цели? Сразу появилось несколько версий происхождения случившегося, содержание которых варьировалось в диапазоне от бытового до конспирологического. В итоге возобладали последние.

США и КНР взаимно обвинили друг друга в инициации «коронавирусных атак». При этом американцы ссылались на секретные экс-

перименты Китая по разработке бактериологического оружия в специализированной уханьской военной лаборатории, якобы вышедшие из-под контроля. В свою очередь, китайская сторона обвиняла США в умышленном занесении вируса в Ухань американскими военными в октябре 2019 г. во время проведения там международных армейских спортивных состязаний.

Китаю вменялось в вину не только происхождение коронавируса, но и непринятие надлежащих мер, чтобы предотвратить его распространение. В ответ Пекин заявлял, что коронавирус, изобретенный в Америке, стал новым способом борьбы США за их глобальное превосходство, оружием, способным нанести КНР многомиллиардные потери и создать угрозу достигнутым с Вашингтоном соглашениям, понижая якобы курс китайского юаня.

Вопрос об источнике и путях происхождения пандемии пока далеко неясен и требует дальнейшего тщательного изучения, возможно, отдельного специального расследования. Хотя российские ученые-вирусологи утверждали, что для них «появление нового вируса было абсолютно ожидаемым событием», а его возникновению именно в Китае способствовали два основных фактора — «экзотические пищевые привычки и высокая плотность населения в КНР»¹⁶.

Трамп, упорствуя в обвинениях КНР не просто в происхождении, а фактически в умышленном распространении коронавируса по миру, обещал «дать такой ответ Китаю, о котором тот сильно пожалеет», и «найти способ, чтобы усмирить его». Новый виток конфронтации между Вашингтоном и Пекином оказался практически неизбежен: весь 2020 год прошел в ее эскалации и нагнетании.

Торговая сделка с Китаем провалилась из-за пандемии коронавируса. А сам вирус, наличие которого, как заявлял Трамп, «Пекин долго скрывал», уничтожил весь позитив в американской экономике, достигнутый за последние три года. Как отмечал госсекретарь США М. Помпео, «прежняя система безоглядного взаимодействия с Китаем потерпела крах. Мы не можем продолжать ее, мы не должны возвращаться к ней».

Главным инструментом в геополитической дуэли США с Китаем в 2020 г. стала «стратегия размежевания». Ее первая стадия — китайско-американская торговая война привела к существенному снижению объема двусторонней торговли. При Трампе Китай утратил статус главного торгового партнера США: согласно статистике, по итогам 2019 г. он занял в этом рейтинге 3-е место, уступив Канаде и Мексике.

Второй стадией стал аналогичный процесс в высокотехнологическом секторе, включавший кампанию против китайских технологических гигантов типа Huawei. Началось размежевание в финансовой сфере. Под угрозой оказались культурные и образовательные связи и средства массовой информации двух стран. По оценкам экспертов, в итоге страдать от этой трагической ситуации будет, в первую очередь, сама Америка.

Это хорошо понимают в деловых кругах США. «Китайский рынок крайне важен для американских предприятий. **Стороны должны найти новый подход к сотрудничеству**», — заявил заместитель главы Американско-китайского делового совета Мэтью Маргулис в интервью китайским СМИ. По его словам, с учетом темпов роста ВВП КНР можно сделать прогноз о том, что **в ближайшие 10 лет коэффициент вклада Китая в рост глобальной экономики достигнет около 30 %**.

Согласно докладу по итогам расследования, подготовленному в августе 2020 г. Американско-китайским деловым советом, **почти 70 % предприятий-респондентов с оптимизмом смотрят на коммерческие перспективы китайского рынка в ближайшие 5 лет. В связи с чем 87 % этих предприятий отказались вывести свои производственные линии из Поднебесной**.

Мэтью Маргулис полагает, что США — крупнейшая в мире экономика, за которой по пятам следует именно Китай. Двусторонние отношения носят сложный и многомерный характер. С одной стороны, не стоит ожидать, что страны будут всегда сходитья во мнениях, а с другой — необходимо работать над сдерживанием разногласий, а не позволять им отражаться на коммерческих связях.

На его взгляд, несмотря на политическую конкуренцию между государствами, **деловые круги США в принципе стремятся к взаимодействию с китайскими коллегами**. Они уже наладили долгосрочные отношения партнерства с поставщиками и клиентами, находящимися в Китае. **Бизнес-круги США не поддерживают разрыв связей**. «Можно урегулировать разногласия путем диалога и контактов и акцентировать внимание на темах, представляющих взаимный интерес», — уверен он¹⁷.

С этим мнение солидаризируется подавляющее большинство экспертов в Китае. **«Обе страны выиграют от сотрудничества и проигрывают от конфронтации**. Сотрудничество — единственный правильный выбор для обоих», — заявил в декабре 2020 г. посол КНР в США Цуй Тянькай на ежегодном праздничном вечере Американско-китайского делового совета. «Мы уверены, что **в период углубления глобализации и тесной взаимосвязи интересов между двумя странами**

новая «холодная война» и «разъединение» ни к чему не приведут», — добавил он¹⁸.

К тому времени, однако, в Вашингтоне уже был предпринят ряд шагов по углублению «разъединения». 20 мая 2020 г. Белый дом опубликовал «Стратегический подход в отношении КНР», формулирующий политику сдерживания Китая. 17 июня президент Трамп подписал закон о санкциях против китайских чиновников из-за ситуации в СУАР и Тибетском автономном районе. 25 июня США и ЕС создали постоянный формат консультаций для обсуждения «угроз демократии» со стороны КНР. 14 июля США ввели санкции против Китая и отменили режим особых отношений с Гонконгом из-за принятия в КНР закона о безопасности этого города. 21 июля Госдепартамент США принял решение о закрытии консульства КНР в Хьюстоне.

23 июля 2020 г. госсекретарь США М. Помпео выступил в калифорнийской библиотеке им. Р. Никсона с резкой критикой в адрес компартии Китая и призывом положить конец попыткам Пекина подорвать мировой порядок. По его словам, «Запад не может доверять режиму, цель которого — глобальная гегемония китайского коммунизма». Он также предложил «создать новый альянс демократий для противостояния КНР»¹⁹.

По данным опроса американского Pew Research Center, более 63 % граждан США считали КНР главной угрозой для их страны²⁰. Согласно мнению зарубежных экспертов, конфронтационная динамика в американско-китайских отношениях будет усиливаться в следующих направлениях:

В экономической сфере стороны последовательно проводят политику разрыва торговых связей, вводят взаимные протекционистские меры, усиливают контроль над инвестициями. По заявлениям Трампа, США сохраняли возможность «полного разъединения» с экономикой КНР.

В сфере информационных технологий китайские компании типа Huawei, ZTE и др. рассматриваются Вашингтоном как прямой вызов нынешнему доминирующему положению США в технологической отрасли. В свою очередь, КНР в рамках программы развития «Сделано в Китае — 2025» намерена превратить страну в «научную и технологическую сверхдержаву, независимую от иностранных технологий. Глубокий технологический разрыв может существенно ограничить международное научно-техническое сотрудничество и нанесет ущерб инновациям во всем мире.

В области конкуренции за международный авторитет идет активное соперничество по предоставлению помощи различным странам.

С начала пандемии КНР направила гуманитарную помощь более чем 150 странам мира, а США — финансовую помощь 64 странам. Китай целенаправленно заполняет вакуум в международных структурах после выхода США из них или прекращения финансирования. Дипломатическая война между США и КНР за влияние в отдельных регионах и международных институтах еще больше усилится в ближайшей перспективе.

В области гонки вооружений, согласно данным СИПРИ, в 2019 г. военные расходы КНР увеличились на 32,9 % по сравнению с 2018 г. и составили 261 млрд долл., а расходы США — на 2,5 % (725,5 млрд долл.). И Китай, и США продолжают игнорировать международные правовые нормы в сфере безопасности (например, ДРСМД). Согласно мнению аналитиков, обе страны давно начали гонку вооружений, и эта конкуренция способствует началу новой холодной войны²¹.

В целом, как отмечают эксперты, стратегическое противостояние КНР и США на разных направлениях будет неизбежно усиливаться и станет «новой нормальностью» в международных отношениях. Соперничество двух держав приведет к разрыву цепочек поставок, неуправляемому неравенству в сфере технологий. При этом развивающиеся государства будут поставлены перед необходимостью выбора одной из сторон в этой конфронтации.

В заключение небезынтересно попытаться понять, что ждет нас впереди? Разобраться в том, как оценивают видные политики и политологи США, КНР и России грядущие перспективы отношений двух ведущих мировых держав и фундамент основ будущего миропорядка, который нам всем предстоит создавать.

В статье, опубликованной в 2020 г. в журнале «Foreign Affairs», тогда еще кандидат на пост президента США **Дж. Байден** пообещал, что для него как президента главным внешнеполитическим приоритетом станет **восстановление глобального лидерства Америки и ее демократических альянсов**. Он хотел бы инвестировать в инфраструктуру, образование, научные исследования и разработки. От администрации Байдена рассчитывают ожидать менее драматичной и подстрекательской риторики в отношении Китая, чем от Трампа, хотя жесткое противодействие китайской индустриальной, финансовой и внешней политике, несомненно, нельзя сбрасывать со счетов.

Как только приверженность Америки делу защиты либерального мирового порядка будет восстановлена, китайские лидеры, по мнению Байдена, должны умерить свои притязания на международное лидерство. Если повестка Байдена будет реализована, США окажутся в большей безопасности, а значит «будут менее склонны к паранои-

дальности по поводу подъема Китая»²². От Байдена ждут, что США как минимум будут заниматься «профессиональной дипломатией».

Чрезвычайный и полномочный посол США в Российской Федерации **Джон Салливан** в интервью «Независимой газете» подчеркнул, что Россия и Китай воспринимаются американским руководством не как члены единого альянса, а по отдельности друг от друга²³.

И в связи с этим США больше озабочены тем, что подъем КНР, который играет, по сути, в целом позитивную роль для народа Китая и для всего остального мира, сопровождается действиями, которые американская сторона воспринимает не только как нацеленные на подрыв экономического и политического могущества Америки, но и на скрытое наращивание ядерных сил и откровенное усиление военной мощи Китая, что не может не волновать страны мира с демократическим устройством.

Отсюда возможен вывод, что будущее руководство США во главе с Байденом, по-прежнему не исключая Россию из числа своих противников, будет больше сосредоточено на поиске средств противодействия реальной угрозе Соединенным Штатам, исходящей от экономического и военного усиления КНР.

Постоянный автор ведущих американских СМИ, эксперт, научный сотрудник Defence Priorities **Бонни Кристиан**, вопреки мнениям политиков, утверждает, что «Китай для Америки не угроза, и в холодной войне нет необходимости, а любая эскалация противостояния с Китаем не принесет американцам никаких дивидендов». «Нашему правительству следует ослабить ее, ...не усугубляя положение американцев и людей в самом Китае»²⁴, — призывает он.

Эти мысли американского эксперта разделяет китайский политолог, директор Института международных отношений при Университете внешней экономики и торговли КНР **Дай Чанчжэн**. «Для возвращения отношений в русло здорового и стабильного развития КНР и США необходимо идти навстречу друг другу, прилагать совместные усилия к поиску способов правильного решения возникающих проблем»²⁵, — советует он.

Декан Института международных и региональных исследований пекинского Университета языка и культуры, профессор **Хуан Цзин** считает, что в период президентства Байдена во внешней политике Соединенных Штатов «будет наблюдаться общий тренд на детрампизм», и можно ожидать фундаментальных перемен в важнейших областях политики, таких как изменение климата, нераспространение ядерного оружия, борьба с пандемией, международная торговля и финансовая стабильность. У него «нет никаких сомнений в том, что

Байден откажется от одностороннего подхода Трампа. Не только потому, что такой подход нанес существенный ущерб глобальным позициям Америки, но и потому что принцип многосторонности просто необходим, если США хотят восстановить и поддерживать прочную систему альянсов под своим руководством»²⁶.

Депутат Государственной Думы **ФС РФ**, председатель ее Комитета по образованию и науке **Вячеслав Никонов** настроен не очень оптимистично в вопросах о том, возможно ли избежать нового — американо-китайского — витка холодной войны и сможет ли Китай избежать конфронтации? Он считает, что сделать этого не удастся, поскольку: 1) Вашингтон никогда не откажется от основной стратегической установки на противостояние центру силы, способному бросить вызов американскому глобальному доминированию; и 2) Китаю не уйти от конфронтации, потому что США ее навязут²⁷.

Заместитель директора ИМЭМО РАН **Александр Ломанов** не берется судить, как далеко может зайти американо-китайское противостояние, но считает, что конфронтация двух стран не станет «копией холодной войны между США и СССР», поскольку их в свое время не связывали такие тесные экономические отношения, какие сейчас связывают КНР и США. Главное различие, по его мнению, состоит в том, что Китай отказывается вступать в идеологическую войну с США. «В идеологическом поле зеркального ответа со стороны Пекина не будет», — уверен он²⁸.

«Уровень враждебности США в отношении Китая не изменится. Американцы будут препятствовать Пекину в завоевании новых позиций», — считает китаевед **Юрий Тавровский**. По его мнению, такое отношение США основано на уровне враждебности к Китаю американского населения. Стратегически она сохранится, и «возможны лишь тактические изменения в направлениях выражения этой враждебности»²⁹.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета **Яна Лексютина** отметила, что политика Байдена в отношении КНР не будет носить резко конфронтационный характер, как при Трампе в период развития пандемии в 2020 г. «Она будет менее хаотичной, непредсказуемой и грубой, ... но более стратегически нацеленной, хорошо выверенной и последовательной». По ее мнению, изменение внешнеполитического поведения Китая в США интерпретируют как рост его агрессивности, а пандемия способствовала переводу противостояния двух стран на «принципиально новый уровень — идеологизированного противоборства». В то же время «в Вашингтоне, возможно, впервые непосредственно осознали серьезную уязвимость

США, обусловленную нахождением Китая в центре глобальных производственно-сбытовых цепочек и... зависимостью американских компаний от них». А политику Байдена в экономической сфере «будет определять его видение Китая в качестве настоящей, подлинной экономической угрозы США». В политическом плане «администрация Байдена будет прилагать усилия по формированию «коалиции демократий»³⁰, контуры которой якобы «уже прослеживаются»: Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Нидерланды, Чехия, Канада, Япония, Австралия, Тайвань, Индия и пр. Поскольку администрация Байдена будет стремиться восстановить позиции США как мирового лидера, при ней «Китай может столкнуться с гораздо более сложными проблемами, чем те, которые были в американо-китайских отношениях при Трампе», считает Я. Лексютина.

Идею возможного создания Байденем «коалиции демократий» против КНР поддерживает, со ссылкой на статью нового госсекретаря США Энтони Блинкена и неоконсерватора Роберта Качана, известный отечественный политолог, депутат Совета Федерации ФС РФ **Алексей Пушков**, который подчеркивает замысел американского дипломатического руководства при Байдене — «распространить трансатлантическое сообщество и на Азию, чтобы наряду с НАТО, действующим против России, был сформирован альянс, нацеленный на противоборство с Китаем».

Сферой его интересов могли бы стать, по мнению авторов статьи, одновременно страны так называемой серой зоны, находящиеся между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой. Речь идет о Средней Азии, Южном Кавказе, Украине и Белоруссии, а также о Восточной Европе и Юго-Восточной Азии. В такой новой доктрине внешней политики США, по словам А. Пушкова, наблюдается срастание агрессивно-либеральных и неоконсервативных установок, общим знаменателем которым служит стремление к восстановлению американской гегемонии на базе глобального союза сторонников либерального миропорядка.

Завершая, позволю высказать собственные соображения о грядущих тенденциях развития взаимоотношений между США и Китаем в предстоящие годы.

Все перечисленные выше эксперты оценивали их, исходя из нынешних конкретных условий и текущих действий сторон. Целесообразно, однако, на наш взгляд, рассмотреть возможные перспективы китайско-американских отношений и в контексте общих закономерностей хода исторического процесса, в рамках действия диалектических законов развития, поскольку и сегодняшнее глобальное поведе-

ние Китая, и реакция на него со стороны США и остального мирового сообщества **диалектически и исторически обусловлены**.

При этом, современные торгово-экономические противоречия этих двух стран являются лишь составной частью общей проблемы, состоящей в **борьбе нового со старым**. При всех различиях их национальных менталитетов у них существует нечто **единое** — если не роднящее, то делающее их очень похожими друг на друга. Это так называемый *superiority complex*, или мания величия, внутренняя уверенность в собственном превосходстве над окружающими.

У китайцев она базируется на убежденности в том, что они — древнейшая земная цивилизация, насчитывающая более 4000 лет. У американцев — на ощущении себя одной из самых молодых и одновременно самой могучей страной мира, обладающей несметными материальными богатствами, передовыми технологиями, наилучшим и наиболее передовым, по их убеждению, общественно-политическим устройством и максимальным жизненным уровнем. Каждая из этих двух стран считает себя единственным достойным претендентом на роль главного мирового лидера.

Прогресс КНР за последние 40 лет укрепил ее веру в справедливость этих претензий. Неспособность США заставить Китай в результате перехода на «рыночные рельсы» одновременно трансформировать и его политическую систему, отказаться от коммунистической идеологии и, таким образом, встать с Америкой «по одну сторону баррикад» — поколебала их уверенность в собственном тотальном превосходстве. А усиление и укрепление Китаем своего глобального влияния не только в экономической, но в политической сфере заставило резко противодействовать его возвышению.

В результате в мире, изначально стремившемся к многополюсности, формируется «новая биполярность», которая откроет очередной цикл борьбы, но уже не идеологических, а цивилизационных систем. Ссылки на коммунистическую идеологию КНР и на КПК необходимы сегодня американцам для того, чтобы, прикрываясь предлогом «борьбы с коммунизмом», якобы стремящимся «разрушить американскую демократию», замаскировать общий антикитайский настрой в США. Это было инициировано при Трампе и с большой долей вероятности сохранится при Байдене.

В то же время антикитайские выпады могут несколько изменить характер: стать менее грубыми и более завуалированными, поскольку глобальные интересы американских деловых кругов, которые охватывают и Китай, не должны пострадать от нынешней китаефобии янки. Поэтому преградой на пути ее распространения, как ни парадоксаль-

но, может стать все более ширящаяся активность и углубляющаяся вовлеченность Китая в деятельность на мировом рынке.

В тех сферах, где это не нарушает американские интересы, взаимодействие США с КНР может даже активизироваться. Однако, скорее всего, этого не следует ожидать в таких стратегически значимых отраслях, как глобальные средства коммуникации или экспорт высоких технологий.

Китай, со своей стороны, постарается, скорее всего, не обострять отношений с Америкой, если та не станет затрагивать его «чувствительные болевые точки», такие как внутривнутриполитическая ситуация, нацменьшинства, тайваньский и гонконгский вопросы, т. е. — вмешиваться в его внутренние дела, препятствуя реализации концепции «одно государство — две системы», от чего более воинственной в новом руководстве США антикитайски настроенной его части удержаться будет совсем непросто.

В любом случае, главной своей целью на китайском направлении США будут считать недопущение еще большего усиления КНР, а Китай — неуклонную реализацию намеченных установок и планов при минимально возможных негативных действиях в отношении Америки.

Ведь тенденцию объективной закономерности диалектики исторического развития, объемлющей как единство противоположностей, так и их непримиримую борьбу, пока никому не удалось отменить.

Так что предстоящие годы американско-китайского соперничества обещают быть жаркими. К чему оно приведет? Увидим...

Библиографический список

Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления. М.: Палей, 1997.

Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН, 2015.

Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2000.

Фитцджеральд Ч.П. Взгляды китайцев на их место в мире. М.: Прогресс, 1964.

Галенович Ю.М. Истоки американско-китайских отношений. М.: Издательский дом ВКН, 2019.

Аргументы и факты. 2020. № 6, 42; 2021. № 1.

Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4.

Китай. 2020. № 9, 10.

References

Deng Xiaoping. The construction of socialism with Chinese specifics. Articles and speeches. Moscow: Paleya, 1997.

Davydov A. S. Beijing, Washington, Moscow: relationships in the context of the transformation of global architectonics. Moscow: IDV RAS, 2015.

Kissinger G. About China. Moscow: Astrel, 2013.

Brzezinski Z. The great chessboard. The dominance of America and its geostrategic imperatives. Moscow: International Relations, 2000.

Fitzgerald C.P. The views of the Chinese on their place in the world. Moscow: Progress, 1964.

Galenovich Yu.M. The origins of US-Chinese relations. Moscow: VKN Publishing House, 2019.

Arguments and facts. 2020. № 6, 42; 2021. № 1.

Problems of the Far East. 2019. № 4.

China. 2020. № 9, 10.

Примечания

¹ Китай. 2020. № 9 (179). Сентябрь. С. 44.

² *Иванов Г.* Технологический дракон // Аргументы и факты. 2021. № 1. С. 18.

³ Почему оконфузилась разведка США // Аргументы и факты. 2020. № 42.

⁴ Китай представляет наибольшую угрозу для Америки... URL: <https://112.ua/mnenie/direktor-nacrazvedki-ssha...>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ См.: Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С. 15.

⁹ Трамп отрывает Китай от России. URL: <http://www.narodsobor.ru/events/analytics/34089>

¹⁰ Китай изменил России с США? URL: <http://www.svoboda.org/a/usa-today-china-usa-russia/28445622.html>

¹¹ Там же.

¹² Мнение аналитика ЦРУ: Пекин представляет собой более серьезную угрозу, чем Россия. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170802/239962491.html>

¹³ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1108/c95181-9290094.htm>

¹⁴ URL: <https://news.rambler.ru/usa/38339271>

¹⁵ США вновь отказались признать Китай страной с рыночной экономикой. URL: <https://xakas.info/news/67857>

- ¹⁶ Аргументы и факты. 2020. № 6. С. 37.
- ¹⁷ Американо-китайский деловой совет: китайский рынок... URL: https://dknews.kz/inner-news.php?id_cat=20&&id=145609
- ¹⁸ Китайско-американские отношения, выходящие за рамки... URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2020-12/10/content_76...
- ¹⁹ Мнения экспертов об американо-китайской конфронтации. URL: <https://nuz.uz/v-mire/1168539-mneniya-ekspertov-ob-amerikano-kitaiskoj-konfrontacii...>
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² США и Китай — как будут развиваться отношения... URL: <https://nv.ua/sshai-kitay-kak-budut-razvivatsya-otnosheniya...>
- ²³ Джон Салливан: «Мы не рассматриваем Россию и Китай как альянс, направленный против США». URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-12-21/1_8045_usa.html
- ²⁴ Почему США могут проиграть в новой холодной войне с Китаем. URL: <https://365info.kz/2020/08>
- ²⁵ Китай. 2020. № 10. С. 5.
- ²⁶ Что победа Байдена сулит Китаю. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/...>
- ²⁷ Холодная война 2.0? Но закончилась ли первая? Что означает американо-китайское противостояние для международной политики. URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-10-22/6_7997_coldar.html
- ²⁸ Конфликт будет затяжным... URL: <https://russian.rt.com/world/article/768209>
- ²⁹ URL: <https://ru.armeniasputnik.am/radio/20201231/25968392/Tavrovskiy...>
- ³⁰ *Лексютина Я.* Китайская политика США при администрации Байдена. URL: <https://ru.valdaiclub.highlights/...>

Ю.В. Морозов

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Д. ТРАМПА КАК АНТИКИТАЙСКИЙ ВЕКТОР СТРАТЕГИИ США

Аннотация. В «Стратегии национальной безопасности», разработанной администрацией Д. Трампа в 2017 г., значительное внимание было уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), который Д. Трамп посетил в ноябре того же года. Накануне его визита тогдашний госсекретарь Тиллерсон выступил с речью в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, которая содержала ряд установочных заявлений о политике 45-го президента США в АТР¹. Эта политика была подтверждена практическими действиями Трампа: он исключил США из «Транс-Тихоокеанского партнерства», отказался сотрудничать в рамках «Трансатлантического партнерства» и сообщил, что в АТР он будет проводить новую — «Индо-Тихоокеанскую» — стратегию². Основная цель этой стратегии — противостоять усилившейся активности Китая в АТР, претендующего на глобальное экономическое лидерство, уделяя для этого большее внимание практическому взаимодействию с Индией, которая является важным стратегическим актором в акватории двух океанов, способным сдерживать китайские амбиции. Также Трамп усилил взаимодействие в сфере обороны с Японией и Австралией, для чего стали регулярно проводиться ежегодные трёхсторонние встречи на высшем уровне³.

В 2018 г. министр обороны США Джеймс Мэттис на Азиатском саммите по безопасности очертил американские подходы по морской тематике в АТР, которые, по его мнению, совпадали с японскими, австралийскими и индийскими взглядами: «... море — это всеобщее благо, а морские линии сообщения — это артерии экономической жизни, необходимые всем. США будут помогать партнёрам в деле создания морского потенциала и обеспечения соблюдения норм права с

целью мониторинга и защиты существующего порядка на море; мы будем добиваться большей интегрированности наших вооружённых сил с вооружёнными силами других государств; поддерживаем укрепление верховенства права, гражданского общества и открытости регулирования; США будут совершенствовать финансовые институты и институты развития, признавая необходимость наращивания инвестиций, включая инфраструктурные»⁴.

Ключевые слова: Китай, США, взаимоотношения, развитие, противостояние, сотрудничество, Индо-Тихоокеанская стратегия, глобальное соперничество, Трамп, Си Цзиньпин.

Автор: Морозов Юрий Васильевич, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Morozov Y. V.

D. Trump's Indo-pacific concept as an anti-chinese vector of the US strategy

Abstract. In the “National Security Strategy” developed by the Trump administration in 2017, considerable attention was paid to the Asia-Pacific region (APR), which D. Trump visited in November of the same year. On the eve of his visit, then-Secretary of State Tillerson made a speech at the Center for Strategic and International Studies in Washington, which contained a number of policy statements about the policy of the 45th US President in the Asia-Pacific region. This policy was confirmed by Trump’s practical actions: he excluded the United States from the “Trans-Pacific Partnership”, refused to cooperate within the framework of the “Transatlantic Partnership” and announced that he would pursue a new “Indo — Pacific” strategy in the Asia-Pacific region. The main goal of this strategy is to counter the increased activity of China in the Asia-Pacific region, which claims to be a global economic leader, paying more attention to practical interaction with India, which is an important strategic actor in the waters of two oceans that can restrain Chinese ambitions. Trump also strengthened cooperation in the field of defense with Japan and Australia, for which annual trilateral summit meetings were regularly held.

In 2018, US Secretary of Defense James Mattis outlined American approaches to maritime issues in the Asia-Pacific region at the Asian Security Summit, which, in his opinion, coincided with Japanese, Australian and Indian views: “...the sea is a common good, and sea lines of communication are the arteries of economic life necessary for everyone. The United States will assist partners in building maritime capabilities and ensuring compliance with the law in order to monitor and protect the existing order at sea; we will strive for greater integration of our armed forces with the ar-

med forces of other States; We support the strengthening of the rule of law, civil society and regulatory openness; the United States will improve financial and development institutions, recognizing the need to increase investment, including infrastructure.”

Keywords: China, the United States, relations, development, confrontation, cooperation, Indo-Pacific strategy, global rivalry, Trump, Xi Jinping.

Author: Yuri Morozov, Doctor of Military Sciences, leading researcher at the Center for Research on Problems of Northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

В «Индо-Тихоокеанской стратегии», принятой Министерством обороны США в 2019 г., было отмечено: «...Мы также укрепили наши союзы с Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом. Эти союзы необходимы для мира и безопасности в регионе, и наши инвестиции в них будут продолжать приносить дивиденды Соединенным Штатам и всему миру в далеком будущем. Мы также предприняли шаги по расширению партнерских отношений с Сингапуром, Тайванем, Новой Зеландией и Монголией. В Южной Азии мы работаем над операционализацией нашего широкомасштабного оборонного партнерства с Индией, одновременно развивая новые партнерские отношения со Шри-Ланкой, Мальдивскими островами, Бангладеш и Непалом. Мы также продолжаем укреплять отношения в области безопасности с партнерами в Юго-Восточной Азии, включая Вьетнам, Индонезию и Малайзию, и поддерживаем отношения с Брунеем, Лаосом и Камбоджей. На тихоокеанских островах мы укрепляем наше взаимодействие, чтобы сохранить свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), поддерживать свободу мореплавания и продвигать наш статус партнера по безопасности. Усилия по поддержанию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона также сблизили нас с нашими ключевыми союзниками, включая Великобританию, Францию и Канаду, каждая из которых имеет свою собственную тихоокеанскую идентичность»⁵.

Однако стремление реализовать американскую стратегию в ИТР, направленную на уравнивание действий Китая и упрочение «порядка, основанного на «правилах Вашингтона»», наталкивается на ряд противоречий.

Прежде всего, в регионе продолжается расхождение между процветающей экономикой ряда стран АТР и усугубляющимися проблемами в сфере безопасности. Так, в сфере экономики усиливается интеграция: более 53 % всей торговли осуществляется внутри региона и растут

межрегиональные инвестиции, однако этот регион изобилует территориальными спорами, атмосферой недоверия и усиливающимся национализмом. Поэтому в регионе усиливается гонка вооружений, особенно на морских акваториях (в настоящее время государства Азии тратят на оборону существенно больше, чем европейские государства).

При этом Индия, на которую Трамп возлагал основные надежды в противодействии китайским амбициям в регионе, исторически является автономным стратегическим игроком, с опаской рассматривающим различные альянсы, поэтому в Дели по-прежнему сохраняются стойкие настроения неприсоединения к любым военным союзам. В своём послании к Диалогу Шангри-Ла премьер-министр Индии, в частности, акцентировал внимание на том, что индийское видение Индо-Пасифики «...инклюзивно и не включает в себя какую-либо группировку, нацеленную на доминирование. И что этот проект ни коим образом нельзя считать направленным против какой-либо страны»⁶. Поэтому существенным фактором для Вашингтона является — насколько Индия готова к миссии главного партнера США в ИТР, поскольку эта роль неизбежно означает усиление противостояния Китаю, тем более, что в 2017 г., она стала полноправным членом ШОС наравне с Китаем. Поэтому Нью-Дели ведет себя в отношении Пекина достаточно сдержанно, и нет оснований считать, что руководство Индии отказалась от «стратегической автономии», которая подразумевает избегание военных альянсов с иными державами. Показательно и то, что вооруженные силы этой страны не участвуют в совместном патрулировании акваторий Южно-Китайского моря с ВМС США для поддержания там свободы мореплавания, на что рассчитывали в Вашингтоне.

При этом Китай, который Трамп всячески пытался сдерживать, является крупнейшим торговым партнёром стран АТР: Японии, Северной и Южной Кореи, государств АСЕАН, Индии и Австралии. Кроме того, реализация в регионе китайской инициативы «Один пояс — один путь» привлекательна для многих стран АТР с учетом того, что Пекин активно развивает различные проекты в рамках этой инициативы, что способствует экономическому процветанию государств, участвующих в этих проектах. И хотя усиливающаяся деятельность Китая в регионе и тактика принуждения к реализации этой инициативы, к которой Поднебесная иногда прибегает, вызывают определённое недовольство у лидеров ряда стран, мало кто из них видит какую-либо иную альтернативу, кроме как договариваться с китайскими властями.

Эти закономерности дают основания предположить появление в перспективе всеобъемлющей региональной экономической архитек-

туры, чем создание инклюзивной структуры в сфере безопасности во главе с Соединенными Штатами, которым этот регион нужен для того, чтобы сбалансировать усиление Китая в Восточной Азии, являющейся естественной осью АТР. Поэтому американский политолог Г. Эллисон считает, что «риск возникновения конфликта между США и КНР нарастает из-за их цивилизационной несовместимости, затрудняющей американо-китайское взаимодействие на региональном уровне, где важнейшим плацдармом в соперничестве США и Китая является Восточная Азия»⁷. Ибо тот, кто контролирует Восточную Азию — управляет АТР, и впоследствии — целым миром.

Поэтому в «Стратегии национальной безопасности» США их главным соперником в мире определен именно Китай, а только потом — Россия. При этом общая тональность этого документа, в котором исходящий от Китая вызов изображается в более ярких красках, чем российская «угроза», не оставляет сомнений в приоритетах стратегического планирования США в АТР. В связи с этим американская нарезка Индо-Тихоокеанского региона практически соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США, которое в мае 2018 г. было переименовано в Индо-Тихоокеанское командование⁸. В соответствии с этой зоной ответственности Пентагон уточнил американское видение тенденций, происходящих в АТР. Согласно заявлению главы этого ведомства, «...американские дипломаты теперь всегда будут выступать “с позиции силы” благодаря мощи вооруженных сил страны»⁹.

При этом лейтмотив многих официальных заявлений американских политиков таков: Китай как соперник Соединённых Штатов неизмеримо опаснее России, поскольку он концентрирует свои усилия на превращение КНР в самое влиятельное государство мира. А некоторые из них даже высказывают опасения по поводу возможности новой «холодной войны между США, с одной стороны, и альянсом России и Китая — с другой»¹⁰.

В связи с чем автор статьи «Развод с миром и его последствия» **А. Безруков** считает: «...Трамп в своей стратегии официально закрепил признание того, что конфликт с КНР — неизбежен. При этом Америка занимает «новую линию обороны», продолжая быть лидером глобального англосаксонского мира, включающего не только США, Великобританию и Канаду, но и Австралию, Индию, Новую Зеландию, а в будущем — некоторые другие страны. Это позволяет Вашингтону использовать проамериканских акторов, которые будут «размывать» влияние Пекина. Такие надежды США возлагают в первую очередь на Индию. Именно она по своим экономическим показателям и люд-

ским ресурсам способна сбалансировать Китай. Предполагается что к 2030 г. численность населения Индии может превзойти Китай, причем оно будет гораздо моложе стареющего населения КНР, что скажется на темпах роста экономики. А к 2050 г. индийская экономика может стать второй в мире по объему ВВП, так как уже сегодня её темпы роста превышают китайские»¹¹.

Следует отметить, что сдвиг в американской внешней политики в отношении Китая — от первоначального сочетания элементов сотрудничества и конкуренции до взглядов на КНР как преимущественно «стратегического конкурента» — происходил постепенно.

Когда в 1979 г. власти Поднебесной начали проводить политику реформ и «открытых дверей», это соответствовало американским интересам. В Вашингтоне в то время считали, что чем больше Китай будет интегрироваться в мировую экономику и региональные институты и по мере того, как в китайском обществе сформируется значительный средний класс, эта страна станет приемлемым участником мирового порядка, основанного на американских правилах. А совпадающие интересы Вашингтона и Пекина будут способствовать сотрудничеству двух стран, и вслед за этим последует политическая реформа или даже установление «полноценной» демократии в Китае¹².

Однако в Белом доме стали постепенно осознать, что эти ожидания оказались напрасными. Глубокий пессимизм Вашингтона по этому поводу был обобщён в признании, сделанном официальными лицами администрации Обамы: «Сегодня Вашингтон сталкивается с самым динамичным и грозным конкурентом в современной истории. Чтобы правильно осознать этот вызов, необходимо избавиться от пустых надежд, которые так долго были частью подхода США к Китаю»¹³.

К этому следует добавить торговый дефицит США с КНР в размере 295,8 млрд долл. в 2019 г., усиливающуюся торговую войну, постепенно перерастающую в политическое противостояние Пекина и Вашингтона, а также успехи Китая в борьбе с коронавирусом на фоне американских провалов в борьбе с этой пандемией обусловили Трампа усилить антикитайскую политику США.

Так, в 2020 г. он пригрозил Пекину суровыми карами, если выяснится, что тот сознательно укрывал вспышку Covid-19¹⁴. В дополнение к этим угрозам госсекретарь США М. Помпео заявил, что «компания Китая стремится к мировому господству и угрожает безопасности США, поэтому либо Китай будет жить по закону западной цивилизации, либо с ним случится то, что ранее случилось с СССР»¹⁵. 14 апреля президент США объявил, что временно прекращает финансирование ВОЗ, так как она «играет на стороне Пекина, и заявил о

серьёзной некомпетентности руководства, и он сделает все, для того чтобы привлечь КНР к ответственности за пандемию¹⁶. Для этого у США есть весомый «козырь» — доллар, которого нет у Китая и на который приходится около 2/3 валютных резервов мира и на нем держится цепь экономических поставок. Однако The Economist считает, что Китай может уменьшить это преимущество с помощью мер, не предусмотренных Трампом: КНР является важным кредитором и техническим партнером США и обладает американскими облигациями на 13 трлн долл. Он также не учел, что на территории КНР расположены тысячи американских предприятий, и если США за счёт Китая решат «обнулить» свой госдолг, прикрываясь коронавирусом, то Китай заберёт эти предприятия себе. А если Пекин предъявит к оплате американские долговые обязательства, то даже страшно представить, что ждет тогда финансовую систему США. Тем не менее, Вашингтон продолжал давить на Пекин и ждал от него оправданий, тем самым пытаясь «убить двух зайцев» — свалить всю вину на Китай, чтобы скрыть собственные промахи в борьбе с пандемией, и потребовать от него возмещение ущерба за понесенные потери¹⁷. Однако ни того, ни другого Трамп так и не дождался.

Также следует отметить, что рост влияния Китая в АТР вызывает озабоченности у Индии и других стран региона, у которых есть нерешенные вопросы с КНР¹⁸. К примеру, Китай оспаривает претензии Японии на острова Сенкаку, которые по-китайски называются Дяоюйдао. В 2017 г. в районе Джибути была создана военная база НОАК, свидетельствующая о наращивании потенциала не только для регионального, но и глобального проецирования военной силы КНР¹⁹. Таким образом Пекин последовательно усиливает свою военную деятельность в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, размещая там свои военные базы на спорных территориях²⁰.

В целом Китай претендует на 90 % акватории Южно-Китайского моря (ЮКМ), хотя эти претензии были дискредитированы постановлением Международного суда в Гааге в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву²¹. Однако Пекин, отказавшись признать постановление этого суда, подтвердил свой «непререкаемый» суверенитет в ЮКМ, в котором существуют две конфликтные зоны, по которым различаются американские и китайские подходы. Это военные приготовления и свобода мореплавания. В отличие от подходов к ЮКМ китайского руководства, считающего это море «своей собственностью» и строящего там военные базы, Вашингтон рассматривает ЮКМ сквозь призму формирования Индо-Тихоокеанского региона, в котором основным инструментом военного влияния США является

«четырёхстороннее сотрудничество» с Японией, Австралией и Индией. Между Пекином и Вашингтоном также существует принципиальное различие в трактовке «свободы судоходства» в ЮКМ. Китай считает, что это торговое судоходство в рамках проекта «Морской Шелковый путь XXI века», а для США — это «военное судоходство» с правом беспрепятственного захода кораблей ВМС США и их союзников в любую точку этого моря.

Для сохранения военного превосходства в этой части Индо-Тихого океана Трамп старался укрепить стратегические отношения со странами АТР в политической и в военной сфере. Это связано с тем, что претензии Китая в качестве экономического гегемона, а в перспективе — и на мировое лидерство воспринимаются американскими стратегами как подрыв основ существующего мироустройства во главе США. Связи с чем в своей военной политике Вашингтон оценивает Китай как государство, ведущее скрытную войну против США с целью замены их в качестве сверхдержавы. Эта война отличается от противостояния США и СССР времен холодной войны и по своим целям и использованию средств для подрыва позиций Соединенных Штатов не только в АТР, но и других регионах мира. Однако Китай пока не готов к открытому конфликту с США и старается сохранить экономические связи с Америкой, для чего он периодически идет на уступки США в их межгосударственных спорах. Тем не менее, согласно заявлениям директора ФБР К. Рея, «Китай в настоящее время во многих отношениях представляет собой самую масштабную, самую сложную и самую серьёзную угрозу, с которой сегодня сталкиваются США»²².

И если в начале века в США преобладало мнение о необходимости в отношениях с КНР следовать сбалансированной политике, сочетающей элементы ее сдерживания и достижения взаимоприемлемых соглашений по спорным вопросам, и Пекину даже предлагалось реализовать идею Вашингтона о создании тандема «G-2» в интересах формирования нового миропорядка, то во втором десятилетии XXI в. такой подход перестал служить интересам США. Отношения с Китаем стали рассматриваться Вашингтоном с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния, где делается ставка на сдерживание внешнеполитической активности КНР, которое ведется одновременно по нескольким направлениям: усиление военно-политического присутствия США в АТР и укрепление силового потенциала их союзников в регионе в качестве механизма сдерживания растущей мощи КНР; и сужение геополитического пространства для маневрирования КНР путём включения государств,

расположенных по периметру китайских границ, в зону американского экономического и политического влияния и в военно-политические альянсы под эгидой Вашингтона.

Для этого администрация Д. Трампа акцентировала свое внимание на укрепление стратегического партнёрства «трех демократий вокруг Китая» — Японии, Австралии и Индии. При этом геополитик Р. Каплан рекомендовал администрации Белого дома стремиться «...к большему проецированию силы в «ближнем зарубежье» Китая, чем это делал Б. Обама, чтобы создать благоприятный контекст для переговоров, избегая открытого конфликта с Китаем, отношение с которым находит выражение в беспрецедентной торговой войне с ним»²³.

Подход к региональным аспектам военной политики США в Индо-Тихоокеанском регионе находит отражение в Национальной оборонной стратегии США, где КНР рассматривается в качестве «стратегического конкурента Соединенных Штатов». В этой стратегии также записано: «...Китай использует военную модернизацию, операции влияния и грабительскую экономику, чтобы заставить соседние страны перестроить Индо-Тихоокеанский регион в свою пользу. По мере того как Китай продолжает свое экономическое и военное восхождение, утверждая свою власть с помощью общенациональной долгосрочной стратегии, он будет продолжать осуществлять программу военной модернизации, которая нацелена на Индо-Тихоокеанскую региональную гегемонию в ближайшей перспективе и вытеснение Соединенных Штатов для достижения глобального превосходства в будущем»²⁴.

В качестве ответа на возрастающую активность Китая в регионе США укрепляют оборонные связи с Индией как на двусторонней основе, так и посредством проведения ежегодных трёхсторонних военных учений «Малабар» с участием ВМС США, Японии и Индии. Помимо этого, Пентагон помогает ключевым государствам АСЕАН (Вьетнаму, Филиппинам, Малайзии и Индонезии) наращивать их военные возможности в ответ на действия Китая в Южно-Китайском море. В итоге — растёт взаимное недоверие между Китаем и союзниками Соединенных Штатов в АТР, что создает условия для дальнейшего роста напряжённости и региональной конфронтации между ними.

При этом американскими экспертами высказываются опасения по поводу упрочения позиций Китая благодаря его партнёрству с Россией. Как полагает политолог Р. Мерри, «...Китай является государством, которое обладает наибольшей силой, чтобы бросить вызов роли Америки в мире, выдавливая её из Азии назад к опорному плацдарму — Гавайям. Поэтому Соединённые Штаты должны стремиться

увести Россию от «флирта» с Китаем, который наблюдался в последнее время»²⁵. В связи с чем эксперты Г. Эллисон и Д. Саймс давали администрации Трампа следующие рекомендации: «...Если определяющим вызовом национальным интересам США в XXI веке оказался растущий Китай, то предотвращение появления китайско-российского союза должно стать ключевым приоритетом США. Чтобы убедить Россию сесть на американскую сторону качелей баланса сил, потребуется существенно пересмотреть свои стратегические цели в отношениях с Москвой»²⁶.

Военные приготовления стратегических соперников

Китай в ближайшей перспективе планирует завершить модернизацию НОАК. Для этого была завершена перестройка всей системы военного управления КНР, продолжают изменения в структуре армии, направленные на сокращение сухопутных войск и перенос центра тяжести вооруженной борьбы на флот, а также создание мощного экспедиционного потенциала для действий в глобальном масштабе. При этом реформы в китайской армии проводятся при соблюдении двух основополагающих принципов: сохранение абсолютного подчинения в строительстве НОАК Компартии Китая; и рост боевых возможностей армии за счет повышения боевого мастерства ее личного состава. А чтобы адаптироваться к новым реалиям XXI века, *стратегия «активной обороны»* Китая наполнилась новым содержанием, включающим следующие основные требования.

Во-первых, обновление представлений о ведении войны будущего, в которой с учетом стратегических интересов КНР армия и флот Китая будут наносить высокоточные удары по всей стратегической и оперативной системе построения войск противника, проводя операции с применением всех видов и родов войск НОАК на суше, в море, воздухе и космосе.

Во-вторых, это установка на победу в войне в условиях информационного противоборства. ВС Китая, понимая суть информационной войны, считают владение информацией ключевым способом удержания лидерства на поле боя. Для этого в НОАК был создан такой вид ВС, как «Силы стратегической поддержки», который отвечает за разработку и ведение новых способов ведения сетцентрической войны и противодействие им в ВС других стран, в первую очередь — США²⁷.

В-третьих, учитывая существующие угрозы национальной безопасности, совершенствуется система стратегического планирования, которая включает координацию военных действий на ТВД, распреде-

ление ответственности по округам и интегрированное использование сил и средств в ходе будущих операций. При этом уделяется внимание как традиционным сферам борьбы на суше, в море и воздухе, так и новым сферам — в космосе, сети Интернет и принимаются меры по укреплению военного сотрудничества со странами мира, имеющих значение, важное для Китая.

Исходя из этих требований, целью строительства ВС КНР является всестороннее повышение качества и эффективности обороноспособности страны за счет переоснащения войск новыми образцами ВВТ и достижений в сфере информатизации армии для значительного повышения ее стратегического потенциала. Особое внимание обращается на развитие науки и технологии как на ядро боеспособности НОАК, стимулируя важнейшие технологические инновации и трансформацию форм боевого управления. Это позволит повысить уровень боеспособности войск за счет трансформации армии из сил «количественного превосходства» в силы «качественного превосходства». Для этого структуры НОАК стали переходить на сетевую информацию — от общевоинских объединений к межрегиональным объединениям, а модели развития — от относительного разделения военной и гражданской сфер к их глубокой интеграции²⁸.

Что касается модернизации *военно-морских сил* Китая, то она базируется на положениях Военно-морской доктрины НОАК, предусматривающей создание ВМС и поддерживающих их ВВС, способных не только отразить агрессию со стороны моря, но и предусматривающей превентивные удары, в том числе на океанском ТВД. Для этого на первом этапе модернизации (до 2000 г.) были созданы оперативные группировки сил, способные поддерживать операционный режим в пределах зоны, ограниченной «первой цепью островов» (Филиппинские острова и Рюкю, акватории Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей). На этом направлении силы флота количественно обеспечены силами и средствами для создания благоприятного операционного режима в пределах этой зоны, что говорит об успешном выполнении задач первого этапа.

На втором этапе планируется усилить ВВТ ВМС, чтобы они могли осуществлять оперативные действия в пределах «второй цепи островов» (Курильские о-ва, о. Хоккайдо, о-ва Нампо, Марианские, Каролинские и о. Новая Гвинея, включая акватории Японского и Филиппинского морей, а также морей Индонезийского архипелага).

На третьем этапе (до 2050 г.) предполагается создать флот, способный решать поставленные задачи в любом районе Мирового океана. Для этого идет строительство надводных океанских сил флота, в

том числе специализированных кораблей для обеспечения десантных операций на большом удалении от своей территории. С этой целью в 2015 г. на вооружение ВМС НОАК поступила первая морская десантная платформа (вид кораблей, которые до этого существовали только в США). А для реализации концепции «обороны в ближних морях» в целях создания потенциала по сковыванию и воспреещению действий США в западной части Тихого океана и «защиты зарубежных интересов» в КНР наращиваются соответствующие возможности, в том числе и новые виды вооружений, которые должны обеспечить господство НОАК в Восточной Азии. Этому способствует «распыленность» военных сил и ресурсов США по всему миру при концентрации этих ресурсов у Китая в этом регионе. А для ограничения военных возможностей США в АТР Китай развивает потенциал по проведению кибератак на Пентагон для срыва переброски ВС США в АТР.

Тем не менее, в настоящее время ВМС КНР сохраняют структуру, ориентированную на действия в прибрежной и ближней морской операционных зонах, хотя в начале XXI в. НОАК удалось существенно увеличить свой потенциал военного присутствия в морской операционной зоне. Атомный подводный флот Китая пока не вышел из стадии строительства кораблей небольшими сериями, что компенсируется наличием крупнейшего в мире (более 55 единиц) флота неатомных подлодок, включая новейшие лодки проектов 039А/В и 043 и российские лодки проекта 636ЭМ. В дополнение к авианосцу «Ляонин» (бывший советский «Варяг») на китайских верфях завершается построение аналогичного по конструкции авианосца. При этом существует дисбаланс в военно-морском строительстве Китая. Это связано с тем, что в течение 90-х гг. XX в. происходило значительное сокращение катерных сил с увеличением числа кораблей эскортной группы морской, а затем и океанской зоны, что привело к снижению боевой готовности кораблей прибрежной зоны. Таким образом, в настоящее время ВМС НОАК способны обеспечивать лишь безопасность прибрежной зоны Китая, и они слишком слабы, чтобы противостоять главным морским державами в АТР²⁹.

И хотя за последние годы в ряде направлений модернизации НОАК Китая были достигнуты большие успехи, но по сравнению с модернизацией ВС США отставание Китая в этой области остается существенным. Несмотря на то, что главным соперником военные стратеги Китая считают США, в настоящее время практически все виды войск НОАК подготовлены в рамках ведения боевых действий в ближайшем окружении Китая. Кроме того, китайские войска по сравнению с американскими не имеют практического опыта ведения

боевых действий в современных локальных военных конфликтах. Следует отметить еще одно существенное обстоятельство, оборонная часть госбюджета США в 2020 г. составляет около 750 млрд долл., что в 4 раза превышает аналогичную расходную часть госбюджета КНР.

При этом для сдерживания военных амбиций Пекина Пентагон продолжает осуществлять модернизацию своих ВС, акцентируя свое внимание на совершенствование *стратегических ядерных сил* (СЯС), которые могут быть использованы против Китая. Речь идет о межконтинентальных баллистических ракетах на подводных лодках и о крылатых ракетах морского и воздушного базирования. Для этого в ближайшей перспективе будет разработана новая концепция применения ядерной триады СЯС. Она начнет формироваться с 2026 г. и просуществует до 2080—2090-х гг. В ВМС вместо подводных лодок с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) типа «Огайо» будут приняты на вооружение субмарины проекта 826 «Колумбия». На смену МБР «Минитмен-III» придет ракета «стратегического сдерживания наземного базирования» — GLSD. В ВВС появится новый стратегический бомбардировщик В-21 «Рейдер», который заменит существующие типы самолетов В-52Н, В-1 и В-2³⁰. При этом по замыслам американских стратегов ядерное оружие будет постепенно терять особое положение в системе обеспечения безопасности США, став оружием на поля боя, для чего разрабатываются атомные заряды малой и сверхмалой мощности и так называемое «чистое» ядерное оружие, применение которого может открыть принципиально новую эру войн. Предполагается, что в перспективе лазерное оружие также будет применяться в военных действиях будущего. У ВМС США уже есть лазерное вооружение, которое представляет собой оружие, установленное на борту десантного корабля. Лазеры планируется использовать не только на море, сухопутная электрическая волоконно-лазерная оружейная система, разработанная Lockheed Martin, уже прошла полевые испытания, в ходе которых за считанные секунды была уничтожена наземная цель.

В США также разрабатываются гиперзвуковые боевые летательные аппараты для «глобального удара», способные преодолевать систему ПВО КНР, которая прикрывает береговые ракетные установки, способные нанести удар по кораблям ВМС США. Кроме того, по замыслам американских стратегов в АТР должны быть размещены 70—80 % РЛС глобальной ПРО и перехватчиков в дополнение к уже развернутым РЛС на 16 из 24 кораблей ВМС США с системами «Иджис». Сферой соперничества США и Китая становятся новейшие системы оружия, такие, как перспективные виды авиации и боевые

лазеры, робототехника, кибероружие, и просматривается перспектива соперничества США и Китая в космосе и в военно-морской сфере, где к концу 2035 г. Китай сможет создать серьёзные проблемы для США в случае их попыток ограничить сферу влияния КНР в прилегающих акваториях³¹.

Другие виды ВС США также должны быть готовыми к войне, в том числе с Китаем и Россией, ведущейся во всех сферах, включая космос и киберпространство. С этой целью в октябре 2019 г. была обнародована «Стратегия модернизации Армии 2019: инвестируя в будущее», которая стала ориентиром в деле совершенствования видов ВС США³². В ней описано, как будут трансформироваться все компоненты армии и флота в силу, способную с высокой эффективностью вести операции на глобальном и тактическом уровне.

Одним из ведущих подходов в строительстве ВС США является интенсивное развитие и широкое применение новых военных технологий в интересах реализации концепции «*сетевых войн будущего*»³³. В соответствии с ней происходит всесторонняя технологизация процессов всех сфер военных действий и деятельности органов военного управления США. Это означает, что в реальном масштабе времени будет собираться и перерабатываться информация и будут приниматься по ней соответствующие решения, которые будут доводиться до участников военных действий. Для реализации этих возможностей в Пентагоне идет коррекция боевых уставов и наставлений. Так, «сетевая модель войн будущего» реализована в таких документах, как — в «Глобальной информационной решетке»³⁴, «Перспективной технологии тактического целеуказания ВВС»³⁵, «Единой тактической системе радиосвязи»³⁶ и в наставлении «Боевая система будущего»³⁷, а также в ряде других уставов для видов ВС США.

Для достижения превосходства в космическом пространстве Соединённые Штаты начиная с 2018 г. приступили к созданию нового вида вооружённых сил — космических войск. И хотя еще нет космического оружия, но уже выпущены наставления по применению боевых систем США в космосе, из космоса по земле, с земли в направлении космоса, для чего ведутся летные испытания систем, которые станут таким оружием. Связи с чем Вашингтон не намерен заключать никаких соглашений в области ограничения военной деятельности в космосе, за исключением противоспутниковых систем. Это связано с тем, что Пентагон озабочен испытаниями противоспутникового оружия, проведенными Китаем, так как зависимость ВС США от космических систем уже достигла 90 %.

Что касается *развития ВМС США*, то его боевые возможности флота несоизмеримы с китайскими. В его составе 10 атомных авианосцев, 10 крупных десантных кораблей, выполняющих роль морских баз для вертолётов и самолётов вертикального взлёта, 57 ударных многоцелевых подводных лодок — носителей тяжёлых ракет. Корпус морской пехоты США насчитывает 202 тыс. военнослужащих, он может быть переброшен в любую точку мира по приказу президента США без согласия на то Конгресса.

Следует также учесть еще одно обстоятельство — берега США омывают два океана, которые по своей природе защищают их территорию. Пентагон использует это преимущество в полной мере — у него полное господство в Атлантике и Тихом океане, которое обеспечивается флотами ВМС, в том числе и авианосцами, глубина обороны которых достигает 1500 км (!). На этой дальности у них всесторонне обеспеченная оборона, которую сложно преодолеть: радиолокационные дозоры, авиаразведка и силы охраны, состоящие из кораблей и подводных лодок, которые обеспечивают действия авианосцев, на борту которых находятся порядка 95 самолётов, из них 65 ударных, способных нести ядерное оружие.

Помимо китайского фактора, существенно влияющим на стратегию Трампа в АТР, является Северная Корея, чья ракетно-ядерная программа представляет угрозу США, особенно после того, как в Вашингтоне осознали, что северные корейцы ни при каких обстоятельствах свое ядерное оружие не сдадут, несмотря на серию переговоров между США и КНДР по этому поводу. Ибо Пхеньян рассматривает это оружие как единственную гарантию своей безопасности и желает иметь «индийский» ядерный статус своего государства, который официально никто не признает, но де-факто он существует. И если такое произойдет, этим будет нанесен большой урон ДНЯО, что в корне противоречит интересам США в сфере нераспространения ядерного оружия, равно как и интересам России, которая выступает категорически против ядерного статуса КНДР. Да и для Китая обострение военной обстановки на Корейском полуострове тоже представляет угрозу его безопасности.

Будучи связанной с КНДР обязательствами по оказанию ей военной помощи в случае войны, Поднебесная может оказаться на грани катастрофы. Помимо угрозы наводнения северокорейскими беженцами своей страны, Китай может столкнуться и с ядерной угрозой, и с политическими и экономическими вызовами. Поэтому на международном уровне Пекин старается убедить международное сообщество в том, что он может оказывать существенное влияние на Северную Ко-

рею, хотя об управляемости данного процесса пока говорить трудно. А если Китай откажется от своих обязательств в отношении КНДР, то он потеряет свою сферу влияния не только в Юго-Восточной Азии, но и во всем мире.

В целом ни Китай, ни США не заинтересованы в эскалации конфликта на Корейском полуострове из-за северокорейской ядерной программы, из-за непредсказуемых действий со стороны Пхеньяна. Однако далеко не все в Вашингтоне верят в то, что Китай готов помочь США в будущем в решении северокорейской проблемы. Так, сенатор-республиканец Т. Коттон, уверен, что Китай ведет «двойную игру». По его мнению, наличие ядерной Северной Кореи выгодно Пекину, это отвлекает внимание США от экономической экспансии и других действий, предпринимаемых Китаем в АТР³⁸. Ему вторит американский политик П. Рон, который считает, что «...в одиночку Китай и Россия очень уязвимы, но вместе они дополняют друг друга и сильны, что представляет прямую угрозу для США»³⁹.

Это сказывается на направлениях противоборства Соединенных Штатов с Китаем и Россией, где первым направлением этого противоборства является наращивание экономического и военного потенциалов США за счет ускорения роста и модернизация экономики, укрепления вооруженных сил и создания «мобилизационного» резерва техники и вооружения, который будет необходим, если противостояние с РФ и КНР перейдет в «горячую фазу».

Вторым — перевод военно-стратегической конкуренции с Китаем и Россией в новые области, способные обеспечить доминирование США на следующие десятилетия, в первую очередь — в космосе и киберпространстве. Еще одним направлением будет попытка задействовать проамериканский альянс против своего главного конкурента — Китая, используя для этого Индию, Японию и иные государства. Однако их желание стать инструментом США в противостоянии с КНР, а тем более с Россией на стороне Китая — неочевидно⁴⁰.

У Вашингтона есть еще одна опция для противостояния Китаю и России — развязать в АТР серию конфликтов. Такие дестабилизирующие региональную безопасность конфликты уже есть на Ближнем Востоке. Но в АТР они могут стать, в лучшем случае, «партизанскими», а в худшем — последней мировой войной для человечества. Учитывая растущую напряженность в регионе, набор сепаратистских и радикальных движений в южноазиатских странах, это реальная угроза, которая усугубляется ошибочным пониманием Вашингтоном ключевых процессов, происходящих в мире. Он ставит на то, что мир будет бороться с «диктаторскими режимами» на стороне США, не де-

лая различия между Китаем, Северной Кореей и Россией. Однако КНР и РФ воспринимаются подавляющим большинством незападного мира как страны, выступающие против несправедливого статус-кво, где примером «справедливости» американское общество отнюдь не является⁴¹.

Подводя итоги анализа военной стратегии США в АТР можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, в Азиатско-Тихоокеанском регионе 45-й президент США Д. Трамп старался реализовать «Индо-Тихоокеанскую стратегию», чтобы при ее помощи сдерживать усиливающуюся региональную активность Китая в экономической и военной областях. Эта стратегия закреплена в руководящих документах США — в «Стратегии безопасности США», где главным соперником Соединенных Штатов в мире определен Китай, и в «Национальной оборонной стратегии», в которой отношения с КНР рассматриваются с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния. Военно-политические отношения США с другими государствами АТР реализуются под девизом Трампа «Америка превыше всего», особенно в рамках военно-политических союзов, среди которых наиболее развитым является индийско-австрало-американо-японский «четырёхугольник», где главным актором являются США, которые управляет политикой этого блока в интересах сохранения американского доминирования в регионе.

Во-вторых, в своей региональной стратегии Д. Трамп основную ставку делал на Индию в надежде на то, что она совместно с Соединенными Штатами будет противостоять растущим китайским амбициям в АТР. При этом предполагается, что к 2050 г. индийская экономика может стать второй в мире по объему ВВП, уже сегодня её темпы экономического роста превышают китайские показатели. На руку Вашингтону и то обстоятельство, у Индии есть проблемы с Китаем в отношении спорных территорий.

В-третьих, существенным фактором для политики Трампа в АТР являлось неготовность Индии к миссии главного партнера США в ИТР, поскольку эта роль неизбежно означает усиление противостояния Китаю. В настоящее время Нью-Дели ведет себя в отношении Пекина достаточно сдержанно, и нет оснований считать, что военно-политическое руководство этой страны откажется от исторически сложившихся взглядов по «стратегической автономии Индии», которая подразумевает избегание военных альянсов с иными державами.

В-четвертых, в рамках межгосударственного противоборства в США и в Китае идёт непрерывное совершенствование национальных

вооруженных сил и средств вооружённой борьбы в соответствии с развитием новейших технологических достижений. Создание и внедрение новых образцов ВВТ приводит не только к совершенствованию видов ВС, но и изменению стратегии и тактики ведения боевых действий. Скачкообразное развитие получили информационные системы разведки, связи, управления, обнаружения целей на базе новейших электронных компонентов. Эти военные приготовления США и КНР усиливают военную напряженность в регионе.

В-пятых, в Вашингтоне ряд экспертов опасались, что антикитайская стратегия Трампа может привести к созданию военно-политического альянса Китая и России, негативные отношения с которой превосходят худшие времена периода холодной войны XX в. Этому способствует продолжающиеся антироссийские санкции и растущая военная активность США в акваториях Тихого и Индийского океанов; стагнация российско-американских отношений во многих областях с одновременным усилением стратегического партнерства РФ и КНР, отсутствие диалога между США Китаем и Россией по вопросам безопасности; угроза распространения ядерного оружия в АТР и возможность его непреднамеренного использования, а также совпадение позиций Москвы и Пекина по многим проблемам глобальной и региональной безопасности. Однако такой альянс в ближайшей перспективе вряд ли будет создан. Китай, как и Индия, всячески избегает участие в каком-либо военном союзе, даже несмотря на то, что главным соперником военные стратеги Китая считают США, равно как и их коллеги из России. В настоящее время военно-политическое руководство обоих государств выбрало позицию выжидания, наблюдая за развитием международной обстановки и за действиями Соединенных Штатов в региональной обстановке и за действиями их национальной безопасности. И, как считают ряд российских экспертов, в ближайшей перспективе реальным военным союзником России Китай не станет. Он не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой его суверенитета.

Библиографический список

Безруков А. Развод с миром и его последствия. // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 45—59.

Морозов Ю.В. К вопросу о влиянии на интересы России и Китая стратегии Трампа в АТР. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2281-morozov-yuv-k-voprosu-o-vliyanii-na-interesy-rossii-i-kitaya-strategii-trampa-v-atr>

«Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

Супома Н.М., Мохоров Г.А. США versus Китай: военно-политическое соперничество. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo>. *Miller C.* The New Cold War's Warm Friends. Foreign Policy. March 1. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/01/the-new-cold-wars-warm-friends>

Campbell K.M., Ratner E. The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Policy. 2018. March/ April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>

Китай скрывал данные о коронавирусе для накопления лекарств. URL: https://ria.ru/20200504/1570937934.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

Как Помпео обидел власти Китая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/31_a_12787340.shtml

Америка и Китай обвиняют друг друга в заражении планеты коронавирусом // Комсомольская правда. 07.03.2020.

Морозов Ю.В. Итоги борьбы с пандемией в США, Китае и России, их готовность противостоять этой угрозе в будущем // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. № 5. Т. 2. Май. С. 164—174. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Аш-Шарбаджи Манар. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

Супома Н.М., Мохоров Г.А. США versus Китай: военно-политическое соперничество. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo/>

Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. THE DEPARTMENT OF DEFENSE. P. 20.

Allison G. China vs America. Managing the Next Clash of Civilizations. Foreign Affairs. September/October 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-08-15/china-vs-america>

Swaine M.D. China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // China Leadership Monitor. No. 34. URL: http://carnegieendowment.org/files/CLM34MS_FINAL.pdf

Santos M. Philippines wins arbitration case vs. China over South China Sea // Global Nation Inquirer. 2016. July 12. URL: <http://globalnation.inquirer.net/140358/philippine-s-arbitration-decision-maritime-dispute-south.china-sea-arbitral-tribunal-unclos-itlos>

Tarabay J. CIA official: China wants to replace US as world superpower. URL: <https://edition.cnn.com/2018/07/20/politics/china-cold-war-us-superpower-influence>

Kaplan R. What Next for Donald Trump? (Symposium). // The National Interest. 2017. January — February.

Merry R. What Next for Donald Trump? (Symposium). The National Interest. January — February 2017. P. 5—24.

Graham T. Allison, G. Simes D. A Sino-Russian Entente Again Threatens America. *The Wall Street Journal*, January. 29, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>

Храмчихин А. «Новый облик» по-китайски. Армейский сайт Полевая почта. URL: <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316865.html>

Литовкин В. Пекин делает ставку на стратегию активной обороны. Available at: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y

Никитин С. Модернизация вооруженных сил КНР в начале XXI. Available at: asiapacific.narod.ru/countries/china/army21/

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А. Дынкина. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. 352 с. С. 54.

AUSA NEWS: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hopes-to-release-new-modernization-strategy-in-coming-days>

Global Information Grid (GIG). URL: <https://www.globalsecurity.org/intell/systems/gig.htm>

Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RL32411.pdf>

Joint Tactical Radio System Programmable, Modular Communications System. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ground/jtrs.htm>

Army Future Combat System (FCS) “Spin Outs” and Ground Combat Vehicle (GCV): Background and Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL32888.pdf>

US National Security Strategy. February 2015. P. 2.

References

Bezrukov A. Razvod s mirom i ego posledstviya. // *Rossiya v global'noy politike* 2018, № 1. S. 45—59.

Morozov Yu.V. K voprosu o vliyanii na interesy Rossii i Kitaya strategii Trampa v ATR. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2281-morozov-yuv-k-voprosu-o-vliyanii-na-interesy-rossii-i-kitaya-strategii-trampa-v-atr>

«Strategicheskaya oborona» Trampa ili... amerikanskoe dvoemyslie? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

Sirota N.M., Mokhorov G.A. SShA versus Kitay: voenno-politicheskoe sopernichestvo. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo>. Miller C. The New Cold War's Warm Friends. *Foreign Policy*. March 1, URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/01/the-new-cold-wars-warm-friends>

Menning R. Ukaz. soch.

Campbell K.M., Ratner E. The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Policy. 2018. March/ April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>

Kitay skryval dannye o koronavirusе dlya nakopleniya lekarstv. URL: https://ria.ru/20200504/1570937934.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

Kak Pompeo obidel vlasti Kitaya. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/31_a_12787340.shtml

Amerika i Kitay obvinayut drug druga v zarazhenii planety koronavirusom // Komsomol'skaya pravda. 7 marta 2020g.

Morozov Yu.V. Itogi bor'by s pandemiei v SShA, Kitae i Rossii, ikh gotovnost' protivostoyat' etoy ugroze v budushchem. Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya. № 5, tom 2, may 2020. S.164—174. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Ash-Sharbadzhi Manar. Amerikanskaya strategiya dlya Indo-Tikhookeanskogo regiona. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

Sirota N.M., Mokhorov G.A. SShA versus Kitay: voenno-politicheskoe sopernichestvo. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo/>

Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. THE DEPARTMENT OF DEFENSE. R. 20.

Allison G. China vs America. Managing the Next Clash of Civilizations. Foreign Affairs. September/October 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-08-15/china-vs-america>

Swaine M.D. China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // China Leadership Monitor. No. 34. URL: http://carnegieendowment.org/files/CLM34MS_FINAL.pdf

Santos M. Philippines wins arbitration case vs. China over South China Sea // Global Nation Inquirer. 2016. July 12. URL: <http://globalnation.inquirer.net/140358/philippines-arbitration-decision-maritime-dispute-south.china-sea-arbitral-tribunal-unclos-itlos>

Tarabay J. CIA official: China wants to replace US as world superpower. URL: <https://edition.cnn.com/2018/07/20/politics/china-cold-war-us-superpower-influence>

Kaplan R. What Next for Donald Trump? (Symposium) // The National Interest. 2017. January — February.

Merry R. What Next for Donald Trump? (Symposium). The National Interest. January — February 2017. P. 5—24.

Graham T. Allison, G. Simes D. A Sino-Russian Entente Again Threatens America. The Wall Street Journal, January. 29, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>

Khranchikhin A. «Novyy oblik» po-kitayski. Armeyskiy sayt Polevaya pochta. URL: <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316865.html>

Litovkin V. Pekin delaet stavku na strategiyu aktivnoy oborony. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y

Nikitin S. Modernizatsiya vooruzhennykh sil KNR v nachale XXI. Available at: asiapasific.narod.ru/countries/china/army21/

Mir 2035. Global'nyy prognoz / pod red. akad. A.A. Dynkina / IMEMO im. E.M. Primakova RAN. M.: Magistr, 2017. 352s. S. 54.

AUSA NEWS: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hop-es-to-release-new-modernization-strategy-in-coming-days>

Global Information Grid (GIG). URL: <https://www.globalsecurity.org/intell/systems/gig.htm>

Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RL32411.pdf>

Joint Tactical Radio System Programmable, Modular Communications System. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ground/jtrs.htm>

Army Future Combat System (FCS) “Spin Outs” and Ground Combat Vehicle (GCV): Background and Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL32888.pdf>

US National Security Strategy. February 2015. R. 2.

Примечания

¹ Remarks on “Defining Our Relationship with India for the Next Century”. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

² Морозов Ю.В. Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза национальным интересам Китая и России в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 6 (363). С. 1166—1180

³ Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике. 21.09.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha/>

⁴ Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shangri-La Dialogue. URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/>

⁵ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. July 1, 2019. The Department of Defense. P. 20.

⁶ Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018), Ministry of External Affairs, Government of India. URL: <http://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018>

⁷ Allison G. China vs America. Managing the Next Clash of Civilizations. Foreign Affairs. September/October 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/unit-ed-states/2017-08-15/china-vs-america>

⁸ Морозов Ю.В. К вопросу о влиянии на интересы России и Китая стратегии Трампа в АТР. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2281-morozov-yuv-k-voprosu-o-vliyani-i-kitaya-strategii-trampa-v-atr>

⁹ «Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

¹⁰ Сирота Н.М., Мохоров Г.А. США versus Китай: военно-политическое соперничество. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo>. Miller C. The New Cold War's Warm Friends. Foreign Policy. March 1. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/01/the-new-cold-wars-war-m-friends>

¹¹ Безруков А. Развод с миром и его последствия // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 45—59.

¹² Мэннинг Р. Указ. соч.

¹³ Campbell K.M., Ratner E. The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Policy. 2018. March/ April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>

¹⁴ Китай скрывал данные о коронавирусе для накопления лекарств. URL: https://ria.ru/20200504/1570937934.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

¹⁵ Как Помпео обидел власти Китая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/31_a_12787340.shtml

¹⁶ Америка и Китай обвиняют друг друга в заражении планеты коронавирусом // Комсомольская правда. 07.03.2020.

¹⁷ Морозов Ю.В. Итоги борьбы с пандемией в США, Китае и России, их готовность противостоять этой угрозе в будущем // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. № 5. Т. 2. Май. С.164—174. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

¹⁸ Аш-Шарбаджи Манар. Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

¹⁹ Сирота Н.М., Мохоров Г.А. США versus Китай: военно-политическое соперничество. URL: <https://research-journal.org/politology/ssha-versus-kitaj-voenno-politicheskoe-sopernichestvo/>

²⁰ Swaine M.D. China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // China Leadership Monitor. No. 34. URL: http://carnegieendowment.org/files/CLM34MS_FINAL.pdf

²¹ Santos M. Philippines wins arbitration case vs. China over South China Sea // Global Nation Inquirer. 2016. July 12. URL: <http://globalnation.inquirer.net/140358/philippines-arbitration-decision-maritime-dispute-south.china-sea-arbitral-tribunal-unclos-itlos>

²² Tarabay J. CIA official: China wants to replace US as world superpower. URL: <https://edition.cnn.com/2018/07/20/politics/china-cold-war-us-superpower-influence>

²³ Kaplan R. What Next for Donald Trump? (Symposium) // The National Interest. 2017. January — February.

²⁴ US National Security Strategy. February 2015. P. 2.

²⁵ *Merry R.* What Next for Donald Trump? (Symposium). The National Interest. January — February 2017. P. 5—24.

²⁶ *Graham T. Allison, G. Simes D.* A Sino-Russian Entente Again Threatens America. The Wall Street Journal, January. 29, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>

²⁷ *Храмчихин А.* «Новый облик» по-китайски. Армейский сайт Полевая почта. URL: <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastasia/659/a316865.html>

²⁸ *Литовкин В.* Пекин делает ставку на стратегию активной обороны. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y

²⁹ *Никитин С.* Модернизация вооруженных сил КНР в начале XXI. URL: asiapacific.narod.ru/countries/china/army21/

³⁰ Вечная война. О перспективах развития вооружения. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/07/18/fwar2/>

³¹ Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А. Дынкина. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. 352 с. С. 54.

³² AUSA NEWS: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hopes-to-release-new-modernization-strategy-in-coming-days>

³³ Информация и космос. 2017. № 3.

³⁴ Global Information Grid (GIG). URL: <https://www.globalsecurity.org/intell/systems/gig.htm>

³⁵ Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RL32411.pdf>

³⁶ Joint Tactical Radio System Programmable, Modular Communications System. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ground/jtrs.htm>

³⁷ Army Future Combat System (FCS) “Spin Outs” and Ground Combat Vehicle (GCV): Background and Issues for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/RL32888.pdf>

³⁸ *Ratner Ely.* How to Stop China's Maritime Advance. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017>

³⁹ *Ron P.* Russia gate is not about Trump, and It Isn't Even Ultimately about Russia. The Institute for Peace and Prosperity. 2017. P. 7.

⁴⁰ Внешняя политика России: взгляд в 2018 год. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia2018>

⁴¹ *Аш-Шарбаджи Манар.* Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>. *Морозов Ю.В.* К вопросу о влиянии на интересы России и Китая стратегии Трампа в АТР. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2281-morozov-yuv-k-voprosu-o-vliyanii-na-interesy-rossii-i-kitaya-strategii-trampa-v-atr/>

Л.Е. Васильев

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ США И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений современной политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Анализируются задачи и цели американской внешней политики, проводимой в АТР за последние 50 лет, а также устанавливаются основные отличия современной концепции от предшествующих ее аналогов. При этом в статье подчеркивается, что Азиатско-Тихоокеанский регион относится к приоритетным театрам обороны США.

Приведен достаточно полный анализ основных положений Индо-Тихоокеанской стратегии США, а также определен основной круг проблем ее практической реализации. В ней обозначены три основных противника США в ИТР — это Китай, Россия и КНДР. Причем Китай, согласно мнению Пентагона, стремится к региональной гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе — к глобальному превосходству в мировом сообществе.

Своими военными союзниками США считают Японию, Южную Корею, Австралию, Филиппины и Таиланд. Одновременно в статье заявляется, что США имеют довольно глубокие партнерские отношения с Сингапуром, Тайванем, Новой Зеландией и Монголией, которые они намерены и дальше расширять.

В статье утверждается, что основной целью Индо-тихоокеанской стратегии стало создание в регионе некоего подобия военно-политического союза таких государств, как США, Япония, Южная Корея и

Австралия, с одновременным созданием условий для вхождения в его состав Индии. Причем Пентагон объявляет Индию «основным партнером по обороне».

В результате проведенного анализа в статье дана оценка современного состояния межгосударственных отношений в АТР и проанализированы возможные пути их развития на среднесрочную перспективу.

В статье проведено исследование тех проблем, с которыми, с высокой степенью вероятности, придется столкнуться Соединенным Штатам при реализации своей стратегии в ИТР. Кроме того в статье рассмотрены возможные варианты развития ситуации в АТР в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанская стратегия, Китай, Индия, США, АСЕАН, экономическое сотрудничество, геополитика.

Автор: Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail:levdvina@mail.ru

L. Y. Vasiliev

Indo-Pacific strategy of the U.S. and the features concerning dealing with problems of its realization

Abstract: The article is dedicated to the analysis on main directions of current US policy in the Asia-Pacific region.

The article considers key features and objectives of American foreign policy in the Asia-Pacific region in the last 50 years. It also analyzes main differences between the modern concept and its previous analogues. At the same time, the article emphasizes that the Asia-Pacific Region belongs to the priority theaters of U.S. defense.

The article provides sufficiently full analysis on main features of Indo-Pacific strategy of the U.S. and identifies the major problems of its practical realization. It identifies the three main enemies of the United States in the Indo-Pacific, i.e. China, Russia, and the DPRK. Moreover, according to the Pentagon, China seeks regional hegemony in the Indo-Pacific Region in the short term, and global superiority in the world community in the long term.

The United States considers Japan, South Korea, Australia, the Philippines, and Thailand to be its military allies. At the same time, the article states that the United States has quite deep partnerships with Singapore, Taiwan, New Zealand, and Mongolia, which they intend to further expand.

The article argues that the main goal of the Indo-Pacific Strategy was to create in the region a kind of military-political union of such states as the United States, Japan, South Korea, and Australia, while creating con-

ditions for India to accede. Moreover, the Pentagon declares India a “major defense partner”.

As a result of the analysis, the article evaluates the current state of inter-State relations in the Asia-Pacific region and considers possible ways of their development in the medium term.

The article examines the problems that, with a high degree of probability, the United States will have to face when implementing its strategy in the Indo-Pacific. In addition, the article considers possible options for the development of the situation in the Asia-Pacific Region in the near future.

Keywords: Asia-Pacific region, Indo-Pacific strategy, China, India, the United States, ASEAN, economic cooperation, geopolitics.

Author: Leonid Ye. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail:levdvina@mail.ru

1. Основные положения Индо-Тихоокеанской стратегии США

В июне 2019 г. в США был опубликован доклад Министерства обороны под заголовком: «Индо-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети». В принципе этот доклад освещает основные стратегические направления политики Соединенных Штатов в данном регионе на ближайшее будущее.

В понятие Индо-Тихоокеанский регион (далее — ИТР) Пентагон включает пять своих тихоокеанских штатов (Гавайи, Калифорнию, Вашингтон, Орегон и Аляску), тихоокеанские территории, такие, как остров Гуам, американское Самоа, остров Уэйк и Содружество Северных Марианских островов, государства Южной Азии, включая такие из них, как Индия, Бангладеш Шри-Ланка и др., Северо-Восточную Азию (Китай, Японию, обе Кореи и Россию), а также государства Юго-Восточной Азии (государства АСЕАН, Австралию и соседние с ними государства).

При этом следует подчеркнуть, что при такой нарезке Индо-Тихоокеанский регион обеспечивает 2/3 мирового роста валового внутреннего продукта (далее — ВВП) и составляет 60 % мирового ВВП. В этом регионе присутствуют крупнейшие экономики мира — Соединенные Штаты, Китай и Япония и 6 самых быстрорастущих экономик мира — Индия, Камбоджа, Лаос, Бирма, Непал и Филиппины. 60 % мировой морской торговли идет через Азию, а примерно треть мирового судоходства пересекает Южно-Китайское море.

Кроме того, необходимо также учесть, что 25 % американского экспорта идет в страны ИТР, при этом ежегодная двусторонняя торговля США с данным регионом составляет 2,3 трлн долл., а прямые инвестиции США в регион уже превышают 1,3 трлн долл. Немаловажен и тот факт, что американский экспорт в данный регион за последнее десятилетие увеличился более чем в 2 раза.

Следует также учитывать, что Индо-Тихоокеанский регион является самым густонаселенным регионом планеты. В нем проживает более половины всего населения Земли. Более того 7 из 10 крупнейших постоянных армий в мире приходится на Индо-Тихоокеанский регион. При этом 6 государств региона обладают ядерным оружием.

Исходя из вышеизложенного, разработчики доклада относят ИТР к приоритетному театру обороны США. В связи с этим Соединенные Штаты объявляются «тихоокеанской нацией», «связанной с соседями по Индо-Тихоокеанскому региону через неразрывные узы общей истории, культуры, торговли и ценностей» [Стратегия США].

В докладе названы три основных противника США в ИТР — это Китай, Россия и КНДР. Согласно мнению Пентагона, **Китай** стремится к региональной гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе — к глобальному превосходству в мировом сообществе.

При этом китайское руководство подрывает международную систему отношений изнутри, используя ее преимущества и одновременно разрушая ценности и принципы миропорядка, основанного на устоявшихся правилах. «Китай принудительно применяет невоенные инструменты, в том числе экономические, в периоды политической напряженности со странами, которые Китай обвиняет в нанесении ущерба своим национальным интересам» [Стратегия США].

Россия продвижением своих стратегических интересов подрывает мировое лидерство США. Москва использует экономические, дипломатические и военные средства для усиления своего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе. При этом следует отметить, что Россия и Китай предпочитают многополярный мировой порядок, в котором Соединенные Штаты слабы и менее влиятельны.

В докладе также отмечается, что **Северная Корея** будет оставаться проблемой безопасности для Пентагона, американских союзников и партнеров до тех пор, пока США не достигнут окончательного и полностью поддающегося проверке соглашения о денуклеаризации КНДР.

Кроме вышеназванных основных конкурентов США в Индо-Тихоокеанском регионе, Пентагон обеспокоен обстановкой, «слабым и

нелиберальным государственным управлением» в таких государствах, как Камбоджа, Бирма, Филиппины, Малайзия и Индонезия.

Своими военными союзниками США считают Японию, Южную Корею, Австралию, Филиппины и Таиланд. Кроме того, в данном регионе американцы имеют довольно обширные отношения и со своими ключевыми союзниками по НАТО — Великобританией, Францией и Канадой.

Одновременно можно заявить, что США имеют довольно глубокие партнерские отношения с Сингапуром, Тайванем, Новой Зеландией и Монголией, которые они намерены и дальше расширять.

Согласно докладу основными национальными интересами США в ИТР является сохранение выгодной для США и их союзников обстановки *с использованием силы*, а также усиление американского влияния в многосторонних организациях региона с целью более эффективной защиты американских интересов. Таким образом, предлагаемая стратегия определяет цели и пути постепенного установления гегемонии США в регионе, а также навязывает государствам региона американское видение на развитие ситуации в нем и выстраивание таких межгосударственных отношений, которые были бы выгодны Вашингтону.

2. Основные направления реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США

Оценивая стратегию США в целом, необходимо выделить ее главные отправные пункты, а также основные отличия от ранее разработанных американцами концепций поведения в данном регионе.

В конце XX века рассматриваемый нами регион в мировой политологии назывался Азиатско-Тихоокеанский регион (далее — АТР), в который было принято относить Северо-Восточную (Китай, Япония и обе Кореи) и Юго-Восточную Азию (государства АСЕАН), а также тихоокеанское побережье СССР и США. В период холодной войны американцами в целях недопущения усиления влияния СССР и Китая в регионе были созданы военные блоки SEATO, CENTO, ANZUS и ANZUK.

Однако вследствие существенного различия целей, которые ставили перед собой члены этих военных союзов, и их слабой организации данные блоки не представляли собой серьезную силу и в конце 70-х гг. прекратили свое существование.

До начала XXI века американские политики и военные рассматривали АТР лишь с точки зрения выстраивания двусторонних отношений с конкретными странами региона, не выстраивая общей стратегии его развития. Однако, учитывая интенсивное экономическое развитие Китая и государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в конце XX — начале XXI в. политика США в АТР стала приобретать новую окраску.

В ноябре 2009 г., выступая в Токио, бывший в то время президентом США Б. Обама заявил, что США будут перемещать центр своей стратегии в АТР в рамках концепции «возвращения в Азию». Кроме того, Обама заверял государства АТР в том, что американская стратегия «перебалансировки сил» в регионе — отражение коренных интересов США [Шитов]. Более широко суть новой политики была изложена в конце 2011 г. в статье, бывшей в то время государственным секретарем США Х. Клинтон «Тихоокеанское столетие Америки».

Суть этой новой политики США состояла в следующем: не допустить установления гегемонии КНР в регионе; жестко контролировать обстановку в Южно-Китайском море (далее — ЮКМ) и быстро принимать соответствующие меры в случае ее обострения; обеспечить с максимальной степенью возможности переориентирование государств АСЕАН на Соединенные Штаты.

В принципе, идеальной ситуацией для Америки была бы «горячая война» некоего союза азиатских государств против Китая. Тогда морской путь в ЮКМ стал бы непроходим из-за боевых действий, и китайская экономика стала бы задыхаться без ресурсов и денег. При этом американцы дополнительно смогли бы нажиться на поставках оружия воюющим сторонам.

В развитие своей новой политики в АТР 4 февраля 2016 г. состоялось официальное подписание Соглашения по Транстихоокеанскому партнерству (далее — ТТП) с участием министров торговли из 12 государств. Участники соглашения — это США, Канада, Мексика, Перу, Чили, Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур и Вьетнам, а также Австралия и Новая Зеландия.

Характерно, что еще при подписании предварительного соглашения о партнерстве в октябре 2015 г. бывший в то время президентом США Б. Обама заявил, что: «Мы не можем позволить странам вроде Китая писать правила глобальной экономики. Мы должны писать эти правила».

С приходом к власти Д. Трампа методы реализации американской стратегии в АТР претерпели важные изменения. Обамовская стратегия «перебалансировки сил» в АТР в основном была направ-

лена на создание антикитайского «пояса», образуемого США, их постоянными союзниками в регионе Японией, Южной Кореей и Австралией, а также как можно большим количеством государств АСЕАН, которые удалось бы включить в орбиту внешней политики США.

Администрация Д. Трампа в своей Индо-Тихоокеанской стратегии сделала акцент на создание в регионе некоего подобия военно-политического союза: США, Япония, Южная Корея и Австралия, создав все условия для вхождения в его состав Индии. Еще в 2016 г. американцами было заявлено, что Соединенные Штаты и Индия поддерживают широкое стратегическое партнерство, опирающееся на общие интересы. Кроме того, Пентагон объявил Индию «основным партнером по обороне».

Таким образом, Индо-Тихоокеанская концепция не только позволила расширить само понятие Азиатско-Тихоокеанского региона, включив в него государства зоны Индийского океана, но даже своим названием утвердила повышение значимости Индии для этой части земного шара. При этом Индия становится важным экономическим и стратегическим актором в акваториях двух из четырех мировых океанов.

Кроме того, становится все более очевидным, что для успешной реализации своих национальных интересов в регионе, которые заключаются в обеспечении американской общемировой гегемонии, сдерживании Китая и недопущения усиления влияния России, Вашингтону требуется создание в ИТР военно-политического объединения (возможно союза) под руководством США с большим набором союзников и партнеров из числа государств региона.

3. Основные проблемы для США в плане реализации целей, поставленных Индо-Тихоокеанской стратегией

Как уже сказано выше, основополагающей целью современной политики США в Индо-Тихоокеанском регионе является *сдерживание экспансии Китая*. При этом следует сказать, что эта цель преследуется Вашингтоном практически во всех регионах мира. Данная цель реализуется в основном мирными средствами путем организации торговых и таможенных двусторонних войн, «наклеиванием» на конкурента «неблагозвучных» ярлыков, попыткой обострить отношения Китая и Индии, стремлением «перетянуть» на свою сторону государств, активно сотрудничающие с КНР.

Однако следует учитывать, что отношения США и Китая в настоящее время имеют сложный и многоплановый характер. Их ежегодный торговый оборот составляет около 600 млрд долл., а объём инвестиций американских компаний в китайскую экономику достигает почти 100 млрд долл. [Россия в глобальной политике]. Более того, с приходом к власти новой администрации США во главе с Дж. Байденом скорее всего следует ожидать рост этих цифр.

Следует учитывать и тот факт, что Китай является крупнейшим торговым партнёром любой экономики в ИТР: Японии, Республики Корея, государств АСЕАН, Индии и Австралии. При этом оценка современных закономерностей развития экономики региона дают основания с гораздо большей вероятностью предположить появление всеобъемлющей экономической архитектуры в регионе, чем инклюзивной структуры в военно-политической сфере.

Конечно, неоднозначная обстановка в Южно-Китайском море, в отношениях между Индией и Китаем, в ситуации вокруг Тайваня и на Корейском полуострове заставляет руководство государств региона учитывать эти неопределенности и перестраховываться в своей внешней политике.

Тем не менее, реализация китайской экономической инициативы «Один пояс — один путь» обладает достаточной привлекательностью для государств региона, так как уже сейчас Пекин активно развивает различные проекты и в странах Южной Азии, и государствах АСЕАН. Кроме того, развитие торговли между Китаем и Австралией, например, стало основой роста экономики последней. Республика Корея возлагает большие надежды на сотрудничество со своим крупнейшим торговым партнёром — Китаем в плане решения северокорейской проблемы и воссоединения с КНДР.

Таким образом, несмотря на усиливающуюся деятельность Китая в регионе и даже его тактику принуждения, к которой он время от времени прибегает и которая вызывает определённое недовольство, мало кто из руководителей государств региона видит какую-либо иную альтернативу необходимости договариваться с Пекином.

Второй своей целью, решаемой в рамках реализации Индо-Тихоокеанской стратегии, США считают *недопущение усиления влияния России* в этом регионе. В настоящее время Россия постепенно расширяет свои межгосударственные отношения со странами ИТР. Так, на протяжении длительного периода времени она имеет устойчивые дружеские отношения как с Индией, так и с Китаем. Причем эти три государства составляют основу такой крупной международной организации, как Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС),

деятельность которой в значительной мере определяет общую обстановку и развитие ситуации в Восточной Евразии, а также являются государствами-основателями такой международной организации, как БРИКС (в нее входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР).

В июле 1996 г. Российская Федерация получила статус партнера АСЕАН в рамках регионального диалога. В 2004 г. она присоединилась к основополагающему документу, регулирующему отношения АСЕАН и ее диалоговых партнеров, — Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г. (так называемый Балийский договор). Этот документ закрепляет нормы и принципы взаимоотношений стран и обязует его участников воздерживаться от любой деятельности, создающей угрозу политической или экономической стабильности других сторон договора.

Одновременно с этим в Вашингтоне считают, что Россия стремится восстановить свое военное присутствие в регионе и извлечь выгоду из напряженности в отношениях между США и Китаем. При этом Россия неоднократно заявляла о том, что Индо-Тихоокеанская концепция несет в себе не объединительный, а деструктивный потенциал и направлена она, прежде всего, против Китая. Ее истинная цель — разделить государства региона на группы по интересам, ослабить многосторонние начала функционирования региональной системы межгосударственных отношений, чтобы установить в регионе свое собственное доминирование. Так, выступая в январе 2020 г. на ежегодном внешнеполитическом форуме в Индии, министр иностранных дел России С. Лавров заявил: «Почему вы (американцы. — *Ред.*) называете Азиатско-Тихоокеанский регион Индо-Тихоокеанским? Ответ очевиден — чтобы исключить Китай. Терминология должна быть объединяющей, а не разделяющей. Так, ни ШОС, ни БРИКС не являются исключительными» [Федеральное агентство].

Что интересно, даже государства, которые США хотят видеть в качестве своих стратегических союзников, например Индия, считают, что Москва должна присоединиться к Индо-Тихоокеанской концепции, что это «критически важно», чтобы страны все больше сближались друг с другом. При этом глава Консультативного совета по национальной безопасности Индии П. Рагхавана прямо высказался о том, что ИТР не должна реализовываться как противовес политики Китая в регионе, официально заявив: «Россия, присоединившись к Индо-Тихоокеанскому региону, приблизится к Индии, потому что Индия не рассматривает ИТР как инициативу по противостоянию Китаю» [Федеральное агентство].

4. Отношения в треугольнике Индия—Китай—Пакистан и их возможное влияние на реализацию концепции ИТР

Помимо вышеперечисленных проблем в реализации Индо-Тихоокеанской стратегии перед США может возникнуть серьезная, затрагивающая коренные интересы предполагаемого их стратегического партнера в регионе — Индии проблема. Ее можно назвать «Южно-азиатским гордиевым узлом» — это отношения в треугольнике Индия—Китай—Пакистан. При этом, с одной стороны, эта проблема может оказать серьезное содействие в реализации планов Вашингтона по противопоставлению Индии и Китая, но с другой — ее решение может привести к отказу Индии рассматривать себя в качестве стратегического партнера США в регионе и противника КНР.

Анализируя данную проблему, необходимо разделить ее на две составляющие: решение территориальных споров между Индией и Китаем и установление стабильных добрососедских межгосударственных отношений между Индией и Пакистаном.

Нынешняя ситуация на китайско-индийской границе объясняется тем, что в течение многих столетий этот слабозаселенный горный район служил своего рода буферной зоной между государствами. В настоящее время яблоком раздора стали две территории. Первая — Аксай Чин в западном секторе границы. Этот практически непригодный для жизни регион общей площадью около 38 тыс. кв. км расположен на высоте 4,5—7 тыс. м над уровнем моря и представляет собой цепь ледников посреди необитаемой соляной пустыни. Вторая — Аруначал Прадеш в восточном секторе границы, штат на северо-востоке Индии площадью около 84 тыс. кв. км с населением 1,4 млн человек, пересеченный цепью Гималаев и покрытый густыми лесами. Западный участок находится под фактическим управлением Китая, однако Индия оспаривает это, утверждая, что Аксай Чин — часть индийского Ладакха, дистрикта штата Джамму и Кашмир. Восточный участок, наоборот, управляется Индией, но на него претендует Китай. Причем, несмотря на полную бесперспективность Аксай Чина в хозяйственном отношении, для Китая этот район чрезвычайно важен с военной точки зрения: по нему проходит шоссе, связывающее Синьцзян-Уйгурский автономный район с Тибетом [Шикин].

Приграничные споры привели к двусторонней войне 1962 г., в результате которой Китай и присоединил северо-восточную часть штата, называемую Аксай Чин. По итогам сражений возникла так называемая «линия фактического контроля». Юридическое признание эта линия получила в китайско-индийских соглашениях, подписанных в

1993 и 1996 гг. В последнем из них было указано: «Ни одно из государств не может предпринимать действий по пересмотру линии фактического контроля». Тем не менее противоречия сохраняются. Пекин выдвигает претензии на 3,5 тыс. кв. км территории индийского приграничного штата Аруначал-Прадеш. Нью-Дели, в свою очередь, считает, что КНР «незаконно оккупирует» более 43 тыс. кв. км индийской союзной территории Джамму и Кашмир [Попова].

Несмотря на договоренности по «линии фактического контроля», вооруженные столкновения на границе продолжаются. Последние из них произошли в мае и сентябре 2020 г. Приграничные споры возобновляются всякий раз, когда одна из сторон начинает обустройство территории по свою сторону линии фактического контроля. Причиной последних событий стало решение Индии об упразднении штата Джамму и Кашмир и образовании на его месте двух союзных территорий: Джамму и Кашмир и Ладакх, что вызвало протесты Китая.

Совершенно естественно, что Соединенные Штаты будут стремиться максимально эффективно использовать индо-китайские противоречия в собственных интересах, так как они полностью вписываются в их Индо-Тихоокеанскую стратегию по сдерживанию Китая. Так, как сообщает Newsweek, после майского индо-китайского пограничного конфликта в 2020 г. министр обороны США М. Эспер еще раз официально подтвердил твердую приверженность Вашингтона к обеспечению лидерства Индии в Индо-Тихоокеанском регионе. Кроме того, президент Д. Трамп предложил выступить посредником между двумя сторонами данного конфликта. Однако официальные представители Пекина и Нью-Дели отвергли это предложение главы Белого дома, предпочитая вместо этого работать по своим ранее установленным двусторонним дипломатическим линиям.

При этом не стоит забывать, что Индия является участником Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности QSD, в который наряду с США и Индией входят Япония и Австралия. Вашингтон в ближайшей перспективе намерен провести в Нью-Дели саммит с целью формализации этого союза. Задача, по его мнению, состоит в том, чтобы работать вместе на уровне регионального блока против «потенциальных вызовов со стороны Китая» и «создать критическую массу общих ценностей и интересов, что привлекло бы больше стран Индо-Тихоокеанского региона».

Кроме задачи «стравливания» Индии и Китая, одной из главных своих задач вашингтонские стратеги ставят также задачу разрушения сложившегося военно-технического сотрудничества между Индией и Россией. Решение ее позволит поставить Индию в полную

зависимость от военно-технического сотрудничества с США. Более того, разрыв с Россией и Китаем автоматически толкнет Индию «под зонтик» США, что лишит эту мировую сверхдержаву и третью экономику мира возможностей проведения независимой политики.

Вашингтон выстраивает свою политику в отношении Индии таким образом, чтобы разрушить целый ряд евразийских форматов сотрудничества, включая БРИКС и ШОС, так как вооруженный конфликт между Индией и Китаем, например, принесет конфликтный потенциал в Шанхайскую организацию сотрудничества.

В настоящее время стало достаточно очевидно, что Нью-Дели не спешит пойти на поводу у провокационной политики Вашингтона. Представители Индии не могут не отдавать себе отчета, что сотрудничество с китайскими и российским партнерами на всем пространстве Евразии стратегически выгоднее предлагаемых США игр в противостояние. Так, на состоявшейся 10 сентября 2020 г. в Москве встрече министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар и глава МИД Китая Ван И договорились избегать действий, которые могут привести к обострению ситуации на границе между этими странами. «Министры иностранных дел двух стран согласились с тем, что обе стороны должны следовать ряду важных договоренностей, достигнутых лидерами двух стран в отношении развития индийских отношений, в том числе не допустить, чтобы разногласия между двумя странами переросли в конфликт», говорится в совместном заявлении министров [Материалы МИД].

Дополнительным фактором в пользу урегулирования отношений двух стран является очевидный прямой экономический ущерб от прекращения торговых связей Индии с Китаем. Поднебесная занимает второе после США место во внешней торговле Индии. Двусторонний товарооборот по итогам 2019 г. составил 92,5 млрд долл. При этом Индия сильно зависит от торговли с Китаем в ключевых областях. Так, в 2018—2019 гг. 92 % индийских компьютеров, 82 % телевизоров, 80 % оптического волокна и 85 % компонентов мотоциклов были импортированы из Китая [Попова].

Кроме того, как в экономике, так и военном производстве Китай серьезно опережает Индию. Так, разработка техники по собственным индийским проектам нередко оборачивается полными провалами. Реализация проектов затягивается на десятки лет, из-за чего разрабатываемая техника морально устаревает. ТТХ и надежность новых образцов оружия часто оказываются крайне низкими, вследствие чего они не способны конкурировать с иностранными новинками, в том числе и с китайскими.

По оценкам индийских наблюдателей, стратегически Нью-Дели сегодня «не способен противостоять неотвратимому масштабному промышленному и инфраструктурному наступлению Пекина через Гималаи и морские пути Южной Азии на территории, которые всегда считались традиционной сферой влияния Индии, и должен прибегнуть к реализации стратегии противовеса» [Кадомцев].

Однако следует учитывать и такой факт. Попытки США втянуть Индию в собственное противостояние с Китаем несут целый ряд угроз не только двусторонним отношениям двух наиболее густонаселенных стран мира, но и всей системе безопасности на Евразийском континенте. Китайско-индийские приграничные споры тесно связаны со всем комплексом взаимоотношений в Азиатском регионе, затрагивая интересы Пакистана, Ирана, Непала, Бутана, Афганистана, государств Центральной Азии и России. Вызывает большие сомнения возможное решение Индии перейти в лагерь США и их союзников, существенно испортив отношения со своими соседями.

Если говорить о позиции Китая в вопросе выстраивания его отношений с Индией, то с полной уверенностью можно утверждать, что, несмотря на его жесткую политику по некоторым проблемам и способам их разрешения, Пекин не пойдет на жесткое военное противостояние с Нью-Дели, кроме ситуации, когда его к этому принудят какие-либо внешние силы. Во-первых, открытое противостояние Китая и Индии кардинально меняет ситуацию в АТР и дестабилизирует обстановку в нем, что сразу же скажется на реализации задуманных Китаем проектов. Во-вторых, такая конфронтация нанесет значительный экономический ущерб не только Индии, но и Китаю. В-третьих, военно-политическое положение КНР резко ухудшится, так как он оказывается между двух огней: с одной стороны, США и его союзники в лице Японии, Южной Кореи и Австралии, а с другой — вторая по величине держава мира Индия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что руководство обеих государств прекрасно понимает всю серьезность ситуации и свою ответственность за принятие тех или иных решений. Не напрасно в октябре 2019 г. на неформальном саммите на высшем уровне было официально заявлено: «При всех сложностях и неизбежных тактических потерях, консолидация Индии и Китая, несомненно, отвечала бы долгосрочным интересам обеих стран. Объединение усилий способствовало бы стабилизации геополитической обстановки на всем огромном евразийском пространстве, открыла бы принципиально новые возможности для трансконтинентального сотрудничества в самых разных сферах. Выгоды от стратегического сближения

Пекина и Нью-Дели многочисленны и слишком очевидны, чтобы не стать предметом размышлений стратегов по обе стороны Гималаев» [Кадомцев].

Кратко рассмотрим вторую составляющую «южноазиатского гордиева узла» — отношения Индии и Пакистана и влияние на них Китая. Принимая во внимание многолетнюю напряженность в межгосударственных отношениях Индии и Пакистана, а также учитывая растущее влияние Китая на внешнюю и внутреннюю политику последнего, можно сделать вывод о возможном обострении обстановки в этом треугольнике, которое может привести к открытому военному противостоянию Пекина и Нью-Дели.

Следует отметить, что двусторонние отношения между Китаем и Пакистаном в настоящее время постоянно расширяются и их можно уверенно определять как стратегическое партнерство. Оба государства успешно реализуют совместные экономические проекты при их активном финансовом обеспечении китайской стороной. Между Пакистаном и Китаем действует соглашение о свободной торговле, объемы которой постоянно растут. Китай активно участвует в модернизации транспортной инфраструктуры Пакистана, решая при этом две стратегические задачи: обеспечение безопасной транспортировки энергоносителей по маршруту Персидский залив — Южно-Китайское море и ограничение влияния США в «чувствительных» для Китая регионах Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. Кроме того, Пакистан является крупнейшим импортером китайских вооружений и военной техники.

В мае 2017 г. Пекин и Исламабад договорились о создании китайско-пакистанского экономического коридора (далее — КПЭК) в целях расширения дальнейшего экономического сотрудничества двух стран. Экономический коридор — это инфраструктурный проект на сумму 46 млрд долл., который включает в себя строительство железных и автомобильных дорог, а также трубопроводов. Он соединит пакистанский порт Гвадар, построенный на деньги КНР и контролируемый китайским бизнесом, с Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Проект должен стать частью продвигаемой Китаем инициативы «Один пояс — один путь» (далее — ОПОП). Экономический коридор позволит китайцам иметь доступ к побережью Индийского океана в обход Малаккского пролива и по кратчайшему маршруту экспортировать грузы из западных районов КНР.

Как отмечают эксперты, Китай преследует как минимум три стратегические цели: оказание военно-политического давления на Индию; ограничение влияния Вашингтона в Пакистане и Афганиста-

не; непосредственное наблюдение за деятельностью «уйгурских сепаратистов» в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана [Васильев].

Совершенно очевидно, что Индия недовольна таким развитием ситуации по реализации китайского проекта КПЭК. Это вызвано тем, что транспортные магистрали экономического коридора прокладываются по спорным территориям Кашмира, контролируемым пакистанцами, и рассматриваются в Нью-Дели как непризнание Пекином суверенитета Индии над этим районом. Более того, Китай пытается привлечь к проекту коридора соседние страны, что еще больше раздражает Индию.

Такое положение заставляет Индию создавать альтернативы основным международным инициативам Пекина. В противовес китайско-пакистанскому союзу Нью-Дели активно работает над формированием треугольника Индия—Иран—Афганистан. Конкурентом КПЭК можно считать идею создания экономического коридора «Север—Юг», который позволил бы связать Индию с Россией и странами Северной Европы.

Кроме того Нью-Дели весьма беспокоит возможность базирования китайских военных кораблей на ротационной основе в пакистанском порту Гвадар, который, занимая стратегическое положение между Аравийским морем и Персидским заливом, предоставляет Пекину кратчайший доступ к рынкам Ближнего Востока, Африки и Европы. Индийцы опасаются также, что этот порт, как, впрочем, и, возможно, порты Мальдив и Пакистана, могут быть использованы Пекином для размещения своих военно-морских баз. Проникновению китайских военных кораблей в Индийский океан в настоящее время Индия может противопоставить только свое участие в совместных с Японией и США учениях ВМС, а также активизацию военного сотрудничества с Вьетнамом.

Из всего вышесказанного следует, что как для возможного сближения Индии и Китая, так и их возможной конфронтации существует целый ряд объективных предпосылок. Россия заинтересована в том, чтобы две самые густонаселенные страны мира искали решения, которые сделают двусторонние отношения лучше и эффективнее, не поставив под угрозу весь положительный опыт сотрудничества, уже наработанный в предыдущие годы. Хорошие отношения между Индией и Китаем отвечают не только интересам этих двух стран, но и имеют важное значение с точки зрения мира, стабильности и процветания, как Индо-Тихоокеанского региона, так и всего мира.

Библиографический список

Васильев Л. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 92—106 (дата обращения: 21.03.2021).

Васильев Л. Некоторые аспекты политики Китая в Южной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIV. М.: ИДВ РАН, 2019 г. (дата обращения: 21.03.2021).

Кадомцев А. Индия и Китай: ссора или охлаждение? // Международная жизнь. 11.06.2020 г. (дата обращения: 21.03.2021).

Материалы газеты «Взгляд» от 05.10.2015 г. (дата обращения: 21.01.2021).

Материалы МИД России от 11.09.2020 г. (дата обращения: 21.01.2021).

Попова В. Приграничный конфликт Индии и Китая: кому выгодно? // Ритм Евразии. 13.09.2020 г. (дата обращения: 21.03.2021).

«Россия в глобальной политике» от 21.09.2018 г. (дата обращения: 21.01.2021).

Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе: доклад Пентагона. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/ot_13.06.2019_g (дата обращения: 21.01.2021).

«Федеральное агентство новостей» от 01.08.2020 г. (дата обращения: 21.01.2021).

Шикин В. Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война? URL: <http://russiancouncil.ru/> 11.09.2014 г. (дата обращения: 21.03.2021).

Штов А. Вашингтон готовится победить Пекин на просторах двух океанов // Независимое военное обозрение. 31.01.2019 г. (дата обращения: 21.03.2021).

References

«Federal'noe agentstvo novostej» [«Federal News Agency»] dated 01.08.2020 (accessed on 21.01.2021). (In Russian).

Kadomtsev A. (2021) Indiya i Kitaj: ssora ili ohlazhdenie? [India and China: contention or setback?] «International Life» June 11. (accessed on 21.03.2021). (In Russian).

Materialy MID Rossii [Materials of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation] dated 11.09.2020 (accessed on 21.01.2021). (In Russian).

Materialy gazety «Vzglyad» [Materials of the newspaper «Vzglyad»] dated 05.10.2015 (accessed on 21.01.2021). (In Russian).

Popova V. (2020) Prigranichnyj konflikt Indii i Kitaya: komu vygodno? [India-China border conflict: who benefits] «Rhythm of Eurasia». September 13 (accessed on 21.03.2021). (In Russian).

«Rossiya v global'noj politike» [«Russia in Global Politics»] dated 21.09.2018 (accessed on 21.01.2021). (In Russian).

Shikin V. (2014) *Indiya i Kitaj: vzryvoopasnyj mir ili holodnaya vojna?* [India and China: an explosive peace or a cold war?] URL:<http://russiancouncil.ru/> September 11 (accessed on 21.03.2021). (In Russian).

Shitov A. (2019) *Vashington gotovitsya pobedit' Pekin na prostorah dvuh okeanov* [Washington is preparing to defeat Beijing on the expanses of two oceans]. «Independent Military Review» January 31 (accessed on 21.03.2021). (In Russian).

Strategiya SHA v Indo-Tihookeanskom regione: doklad Pentagona [US Strategy in the Indo-Pacific: the Pentagon Report] URL:<https://eadaily.com/ru/news/> dated 13.06.2019 (accessed on 21.01.2021). (In Russian).

Vasiliev L. (2018) *O nekotoryh aspektah bor'by Kitaya s silami «trekh zol».* [About certain aspects of China's struggle with the forces of the «three evils»]. *China in world and regional politics. History and modernity.* Issue 23. M.: IFES RAS, Pp. 92—106 (accessed on 21.03.2021). (In Russian).

Vasiliev L. (2019) *Nekotorye aspekty politiki Kitaya v YUzhnoj Azii.* [Certain aspects of China's policy in South Asia]. *China in world and regional politics. History and modernity.* Issue 24. M.: IFES RAS, 2019 (accessed on 21.03.2021). (In Russian).

В.И. Балакин

НОВАЯ «БОЛЬШАЯ ИГРА» В ЕВРАЗИИ

Аннотация. В настоящее время Евразия вновь стала ареной мощных геополитических процессов регионального и даже глобального значения, поскольку количество крупных игроков на евроазиатском континенте заметно увеличилось. Коллективный Запад ощущает в качестве серьезной угрозы формирующееся российско-китайское взаимодействие в Евразии и претензии России на сохранение за собой роли геополитического центра евроазиатского континента. Иными словами, в Евразии развертывается очередной этап борьбы за господствующее влияние в регионе, и в первую очередь это проявляется в последовательном наращивании военных потенциалов на прилегающих территориях и акваториях. От того, какое место займет Россия на евроазиатском пространстве, будут зависеть выживание нации, ее безопасность, суверенитет и экономическое развитие. Уникальное место России в Евразии определяется тем, что Российская Федерация не просто страна, а цивилизация, и таких государств в мире больше нет за исключением Китая, Индии и Японии. Не вызывает сомнения, что наиболее опасная угроза для России исходит от возможности третьих стран доминировать в Евразии за счет изменений в методах ведения боевых действий и новых структурах управления ими. Утверждение России в качестве геополитического центра Евразии означает одновременно усиление ее роли в новой «большой игре» на евроазиатском континенте с тем, чтобы в обозримой перспективе российскому суверенитету ничего не угрожало.

Ключевые слова: Евразия, коллективный Запад, военный потенциал, цивилизация, доминирование, геополитика, новая «Большая игра».

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент ВАК, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru prof_bvi@mail.ru

V.I. Balakin

New “Great game” in Eurasia

Abstract. The present time Eurasia has again become some scene of regional and even global powerful geopolitical processes since the quantity of great players on Eurasian continent is noticeably increased. The collective West perceives as a serious threat forming Russia-China interaction in Eurasia and Russian claims on preservation for itself the role of Eurasian continent's geopolitical center. In other words in Eurasia unrolls the next in turn stage of struggle for prevail influence in region and for the first time that become apparent in proceeding grafting of military potentials on the tight-fitting territories and water areas. In the connection of the Russia's real place on Eurasian area will depend survival of the nation, its safety, sovereignty and economic development. Unique disposition of Russia in Eurasia is defined with the fact, that Russian Federation has been not only the country, but some civilization and similar states in the world few enough including China, India and Japan. It not arouses doubt that the most dangerous threat for Russia has proceeded from any possibility of the third countries to dominate in Eurasia for the expense of some changes in the methods of fighting and new structure its governments. Confirmation of Russia as a Eurasia geopolitical center means the strengthening of its role in the new “great game” on the Eurasian continent that in the visible perspective there will be nothing to threat for Russian sovereignty.

Keywords: Eurasia, the collective West, military potential, civilization, domination, geopolitical, the new “great game”.

Author: Vyacheslav I. Balakin, Ph. D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru prof_bvi@mail.ru)

Турция активно стремится противопоставить себя Китаю по уйгурскому вопросу, претендуя на роль главного защитника мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, реального лидера мусульманского мира, защитника тюрок на глобальном уровне. Нельзя не признать значимость геополитических изменений, которые нарастают в Евразии, поскольку данный процесс носит фундаментальный характер, так как в него вовлечены крупнейшие мировые державы, жестко отзывающиеся на эрозию казалось бы сложившихся характе-

ристик глобализации по американской модели [Goethe, 2019:22]. Китай и Турция тем не менее пытаются не только конфронтировать, но стремятся найти путь к некому взаимодействию на антиамериканской основе, что, однако, не устраняет серьезного взаимного недоверия, особенно по вопросам турецких устремлений в направлении Центральной Азии, где Анкара явно выступает в качестве откровенного противника российско-китайского сотрудничества в данном регионе. В обозримой перспективе реальная вероятность российско-китайского военно-политического альянса достаточно очевидна, и Турция с ее пантюркистскими планами в Евразии не может не понимать, что она может стать первой жертвой «горячего» противоборства между двумя великими державами и коллективным Западом, который НАТОвского партнера спасти не будет. В антитурецкой геополитике у российско-китайского альянса есть объективный союзник в лице шиитского Ирана, который вряд ли позволит Анкаре реализовать ее пантюркистские грезы как на двустороннем уровне, так и опираясь на поддержку ШОС.

Сегодня роль Турции весьма «позитивна» с точки зрения формирования российско-китайского военно-политического альянса против НАТО, поскольку, выполняя функцию раздражителя, Анкара стимулирует последовательное сближение Москвы и Пекина. Российское присутствие в Центральной Азии волнует Китай значительно меньше, чем активизация Турции на постсоветском пространстве, поскольку в Пекине располагают абсолютно достоверной информацией о том, что за Анкарой, как и прежде, уверенно стоит Великобритания. «Большая игра» XIX в. продолжается и сегодня, практически с тем же составом участников, но за одним исключением — Китай включился в данную игру в совершенно ином статусе, а именно как современная великая держава со своими серьезными национальными геополитическими интересами. Определенное влияние на геополитическую ситуацию в Закавказье и Центральной Азии несомненно будет играть Иран, ибо от его позиции во многом будет зависеть, сможет ли поддерживаемая Великобританией и США Турция пробиться в район Каспия и Западный Китай, но Москва и Тегеран скорее всего отсекут Анкару от серьезного влияния на Азербайджан [Mishra, 2020:3]. Тегерану абсолютно не нужен протурецкий Азербайджан, так как у него самого имеются на уровне национальной идеи планы вернуть под свою эгиду все бывшие персидские владения, когда-либо принадлежавшие персидской империи.

Военно-политическое сближение России и Китая происходит постепенно и достаточно незаметно, но при этом в данном процессе

Турция играет весьма второстепенную роль, по сути дела, лишь в качестве приманки для США, втягивания их в еще один конфликт на Западе КНР с главной целью заставить Вашингтон после президентских выборов глубже увязнуть в Афганистане. В долгосрочной перспективе китайско-турецкие противоречия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеют реальную тенденцию к обострению в связи с тем, что Анкара ввязывается в геополитические игры не сама по себе, а при скрытой поддержке Великобритании, стремящейся восстановить некий ареал влияния в Центральной Азии [Nomura, 2016:30]. Исторически британские позиции в данном регионе всегда были сильны, что во многом объясняется работой на перспективу и использованием жесткого конфликта между Ираном и Тураном, который постоянно представляет собой важнейшую константу международной геополитики. Британский подход к Центральной Азии предопределен процессом конструирования социальной реальности, представлений о мире в рамках сложившейся британской системы ценностей, обладающих лишь ограниченной рациональностью, поскольку в различных районах земного шара международное взаимодействие протекает по-разному. Под влиянием Великобритании начала формироваться идеология азиатского единства, чему послужила в свое время военно-экономическая модернизация Японии, сумевшей уверенно победить великую мировую державу Россию и показать, что азиатские народы способны достаточно эффективно ответить на вызовы современности.

Нынешняя британская геополитическая концепция на континенте Евразия предполагает второе издание «Большой игры» середины XIX — начала XX в., то есть того периода, когда Россия и Великобритания боролись за евроазиатское влияние, в том числе с использованием традиционных противников друг друга: Турции и Японии с британской стороны, Китая и Ирана с российской стороны. Анкара и Токио постоянно проводят консультации по состоянию международных отношений в Центральной Азии, и это вполне объяснимо, поскольку у обеих сторон имеются серьезные опасения относительно выстраивания полного совместного геополитического контроля над регионом со стороны России и Китая [Petrovic, Zogg, 2019:3]. Идея противодействия российско-китайскому альянсу в ближайшее время станет главной для коллективного Запада и в этих целях будут задействованы различные схемы, включая активизацию турецких тайных операций в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, и прежде всего через стимулирование боевой деятельности уйгурских «спящих ячеек» братьев-мусульман. Турбулентность в Большой Евразии требует

растущей степени управления нарастающей хаотизацией со стороны Великобритании, улаживания мозаики неурегулированных конфликтов от Ливии до китайского Синьцзяна, что достигается исключительно опережением негативных событий методами превентивного стимулирования или предотвращения кризисов, а главное, своевременного перехвата стратегической инициативы. Сегодня в британской разведке весьма популярна шахматная концепция «тоннельного мышления», суть которой сводится к опережающему предвидению хода развития геополитических событий в ключевых точках мироздания с тем, чтобы аккуратно помочь реализации выгодных тенденций и жестко купировать негативные для коллективного Запада социальные процессы.

Нынешнее стратегическое сближение России и Китая представляет собой реальную опасность для англосаксонской финансовой олигархии, исходя из чего британская элита на основе своего огромного опыта постоянно подтверждает свою способность деликатно навязывать свою политическую линию коллективному Западу. На стадии обсуждения, как правило, предлагаются самые разные варианты, в которых фиксируется специфика клановых интересов, не выходя при этом за рамки скрытого британского интереса, который в наибольшей степени отвечает управлению текущей ситуацией и наиболее полно прикрывает желательный ход событий. Фундаментальная общность англосаксонских интересов всегда сконцентрирована прежде всего в согласовании мировых цен на золото, что представляет собой некий устойчивый глобальный политический проект, ориентированный на выработку последовательной стратегии по «оптимизации» населения в ключевых районах земного шара. Имеется реальная статистика разрастания уйгурских террористических группировок в Синьцзяне при поддержке турецких спецслужб, за которыми стоят британские долгосрочные интересы, чуждые реальной защите прав жителей региона, стремящихся удовлетворить свои разумные религиозные потребности. Британцы через своих турецких пособников нацелены на расшатывание внутренней политики КНР, направленной на дерационализацию ситуации в Синьцзяне, предотвращение распространения терроризма и экстремизма, извращающих и углубляющих существующие религиозные и этнические различия, провоцируя вражду и раздор [Landale, 2020:5].

Китайское правительство достаточно жестко реагирует на попытки Турции и ее активных британских спонсоров стимулировать напряженность в Синьцзяне, отвечая асимметрично с использованием, прежде всего, экономических методов и лишая турецкую сторону

прямых китайских инвестиций в производственные мощности, связанные с высокими технологиями двойного назначения. Надо отметить, что Турция весьма чувствительна к китайским капиталовложениям на своем рынке, поскольку они затрагивают такие важные сектора, как создание электрического транспорта, здравоохранение, солнечная энергетика. Инициатива КНР «Один пояс — один путь» проложила дорогу китайским капиталовложениям не только на внутренний турецкий рынок, но и в Европу, когда в основном вкладываются огромные финансовые ресурсы в климатические проекты и наращивание экспорта капитала, приводящего к реальному изобилию денег. Китайское правительство постоянно подчеркивает, что стремится к стратегическому сотрудничеству с Турцией на геополитическом уровне, делая акцент на поддержании взаимного устойчивого развития и активно побуждая Анкару игнорировать уйгурскую проблему во имя долгосрочных турецких экономических, но главное — политических интересов [Shinmen, 2019:42]. Гигантская асимметрия в двусторонней торговле в пользу Пекина явно вдохновляет китайскую сторону, рассчитывающую скупить Турцию по дешевке и рассматривающую последнюю в контексте противостояния по линии Восток—Запад, что неизбежно приведет к формированию нового мирового порядка, который также будет включать китайско-турецкий кумулятивный эффект и затухание британских попыток радикализировать Анкару.

Одновременно политическое руководство КНР ведет сложную игру с Великобританией в финансовой сфере, рассчитывая в полной мере использовать британский опыт инвестиционного управления на зарубежных рынках, включая Ближний Восток и Центральную Азию. Идея Великого шелкового пути выглядит внешне весьма совпадающей с переломом в китайском инвестиционном буме, что явно привело к серьезному перепроизводству и объективной необходимости поиска новых рынков сбыта. Сегодня уже отчетливо видны замедляющиеся темпы строительства в Китае, поскольку КНР не нуждается в таком большом количестве новых скоростных автомобильных и железных дорог, морских, речных и авиационных портах [Schreier, 2019:93]. Логика требует поиска зарубежных территорий, где возможно продолжение строительства, и в связи с этим Великий шелковый путь выглядит как программа по использованию внешних контрактов в интересах защиты уязвимых мест китайской экономики. В связи с этим район Синьцзяна и граничащие с ним государства Центральной Азии располагают исключительно огромными запасами энергоносителей, имеющих стратегическое значение для умиротворения уйгур-

ского тюркоязычного населения, желающего разорвать связи с Пекином с целью полного обладания своими национальными богатствами.

У Пекина и Лондона присутствует полное понимание необходимости жестко контролировать непродуманные попытки Турции выйти за отведенные ей рамки пантюркистских мечтаний, с одной стороны, необходимых для стимулирования идеи национального величия, а с другой — ограничивающих реальные действия Анкары как хорошо управляемого средства в достижении равновесия на площадке «Большой игры» между Востоком и Западом [Edwards, 2018:86]. В настоящее время появляется все более признаков того, что Китай и Великобритания намного ближе друг к другу в своих геостратегических планах, чем об этом догадываются в том же Вашингтоне, занятом после выборными разборками между двумя разошедшимися в своих интересах частями так называемого глубинного государства. Лондонская финансовая «аристократия» все активнее срачивается с руководством в Пекине, видя в китайском структурированном государстве не «коммунистическую угрозу», а реальный потенциал защиты от зашкаливающего американского хаоса и неконтролируемых потоков мигрантов, весьма напоминающих новое вселенское переселение народов. В отношениях с Великобританией Китай явно меняет свои прежние приоритеты, а именно, сегодня Пекин из получателя масштабных инвестиций становится экспортером финансовых ресурсов, акцентируя внимание на долгосрочных проектах, выгодных прежде всего самому Китаю и связанных с высокими технологиями. Выйдя из Евросоюза, Великобритания открыто стремится стать лучшим партнером Пекина на Западе, ориентируясь на создание эффективного механизма по управлению финансами самого высокого уровня, в том числе с упором на активизацию китайско-британского взаимодействия на рынках третьих стран.

Подавая себя Китаю в качестве некоего «финансового консультанта», Великобритания рассчитывает помочь Пекину подчинить Азиатско-Тихоокеанский регион, вытесняя оттуда США путем организации валютного регулирования в виде доминирования основанного на золотом стандарте китайского юаня. КНР уже сегодня пытается нарастить свободную эмиссию денежных средств, привлекая в страну золотовалютные ресурсы на юаневой основе, однако последнее явно расслабляет и замедляет переход на новый технологический, чем пользуется Великобритания, подталкивая Пекин к альянсу с Турцией против России в интересах борьбы за позиции в Центральной Азии [Gaspers, 2017:4]. Кроме того, есть вполне конкретный, выгодный Великобритании вариант китайско-японского взаимодействия в Вос-

точной Азии, который позволяет Лондону естественным образом сформировать китайско-японский альянс против России на Дальнем Востоке. Китайско-турецкое доминирование в Центральной Азии и китайско-японское проникновение в российский Дальневосточный регион создает для Москвы достаточно сложную ситуацию, особенно с учетом возможного вызревания трансатлантического альянса между Евросоюзом и США в случае прихода к власти в Вашингтоне Джозефа Байдена. Становится очевидным, что в среднесрочной перспективе американское влияние в мире будет неуклонно снижаться, в связи с чем вполне может мобилизоваться Великобритания и сосредоточить крупные финансовые ресурсы глобальных корпораций для осуществления тотального контроля вдоль всей южной границы России, используя в политической сфере пантюркизм Анкары в том же Синьцзяне, но тем самым лишь напоминая Пекину, в каком направлении следует наращивать взаимодействие с британской короной.

Осуществив «BREXIT», Лондон фактически развязал себе руки, избавившись от прямолинейно навязываемых методов современной «Большой игры» по весьма устаревшим методикам Брюсселя и Вашингтона. Британская элита является единственной, которая смогла ясно осознать роль Турции в китайско-российских отношениях, особенно это касается геополитической ситуации в Центральной Азии, где Анкара претендует на особые позиции, а Пекин хотел бы воспользоваться турецкой политической активностью для создания якобы «объективных препятствий» сложившемуся российскому геополитическому доминированию в регионе [Wang, 2019:82]. Нарастающий потенциал Евразии весьма волнует такие державы, как Китай, Индия, Россия, Иран и Турция, но главный вопрос состоит в том, сможет ли евроазиатское пространство не попасть под контроль евроатлантических политических институтов. Показательно, что попытки Анкары наладить прямой диалог с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) весьма поощряются Лондоном, поскольку британское правительство уже явно не рассчитывает на успех Евросоюза и США создать прозападные позиции на евроазиатском пространстве. Британские усилия вполне вписываются в небезуспешные попытки наладить доверительные контакты с Ираном, также стремящимся стать полноправным членом ШОС и при этом жестко противопоставляющим себя суннитской Турции, желающий полностью подчинить себе как ни странно шиитский Азербайджан.

Еще одним неизвестным фактором в британском уравнении для Евразии можно обозначить Японию, которая на фоне американской внутренней сумятицы незаметно пытается играть собственную «боль-

шую игру», пока только обмениваясь некими политическими сигналами с Лондоном. Планы Великобритании переформатировать геополитическую карту евроазиатского пространства открыто предусматривают усилия по нейтрализации потенциала таких государств, как Россия и Китай [Vobo, 2019:12]. Если в варианте с Российской Федерацией намечено жесткое противостояние с элементами локальных военных конфликтов, то в случае КНР рассматривается квазигеостратегическое сотрудничество на финансово-экономической основе. Похоже, Лондон намерен «обволакивать» Китай путем признания китайского права доминировать над государствами Центральной Азии, а также негласной поддержкой усилий Пекина по подавлению сепаратизма в Синьцзяне и Тибете. Что касается британских усилий на японском направлении, то явно просматривается некая поддержка Лондоном складывающегося взаимодействия между Токио, Нью-Дели, Ханоем и Улан-Батором, однако при всем при этом Великобритания лицемерно призывает Пекин к сдержанности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ответит ли Китай на британские увещания, пока трудно предположить, но в Лондоне полагают, что при всей своей нарастающей совокупной мощи КНР неизбежно придется выбирать шкалу приоритетов, а это не так просто на фоне активизации Турции в государствах Центральной Азии и провокаций в Синьцзяне. Вместе с тем в последнее время именно морское пространство в большей степени привлекало внимание Китая, что, видимо, весьма настораживает британско-американский тандем в связи с усилением позиций России на евразийском пространстве. Российская Федерация не является ключевым игроком в стратегической конкуренции в районах Тихого и Индийского океанов, и особенно в соединяющем их Южно-Китайском море, что представляет собой реальный стимул для КНР включиться в серьезную борьбу за индо-тихоокеанское доминирование. Система сдерживания Китая не является в настоящее время актуальной для России, а вот для англосаксонского мира весьма важно сместить акцент китайских озабоченностей в сторону Центральной Азии, где Турция все больше настроена играть особую роль, включая роль значимого раздражителя в Синьцзяне [Lian, 2019:68]. Великобритания с присущим ей коварством пытается выстроить «большую игру» против Китая, используя традиционное стремление КНР сосредотачиваться главным образом на своем непосредственном соседском окружении, осуществляя региональное строительство не просто на основе акцентирования внимания прежде всего на извлечении экономиче-

ских выгод, но и стремясь превратить КНР в глобальную державу в полном смысле этого слова.

Китай как глобальная держава сегодня берет курс на реализацию в международных отношениях концепции так называемого нового интернационализма с тем, чтобы реализовать позитивную энергию КНР и постоянно взваливая на себя больше ответственности за судьбу мира. Коллективный Запад, судя по всему, не понимает, что, вкладывая финансовые ресурсы в страны «третьего мира», он начинает проигрывать, поскольку происходит переориентация руководителей этих государств на Пекин и весь выделяемый Западом капитал уходит в КНР, что приводит к глубокому кризису единой западной финансовой системы. Коллективный Запад последовательно и неуклонно продвигается к серьезному системному дисбалансу, когда глобальная экономика начинает раскалываться на автономные субрегионы, что приводит к расширяющемуся хаосу и судорожным попыткам сдерживать Китай [Varwick, 2019:25]. Подобные попытки скорее всего так и останутся попытками, так как мощный цивилизационный фактор играет все большее значение по мере выстраивания Пекином нового миропорядка, дающего КНР реальную возможность возродить китайскую нацию. Руководство Китая постоянно акцентирует внимание на том, что возвышение китайской нации в эпоху информации и новой глобализации следует рассматривать в качестве вселенской цивилизации, способной влиять на ситуацию во всем мире.

Возвышение КНР в глобальной геополитике представляет собой вполне реальный интеграционный проект включения в мировую систему, одновременно развивая региональный вектор сотрудничества в интересах превращения Китая прежде всего в регионального лидера. Вместе с тем, несмотря на определенные успехи у КНР, существует множество проблем, серьезно влияющих на взаимодействие Пекина с другими государствами Евразии, которые крайне опасаются возвышения Китая, особенно после широких структурных реформ в китайских вооруженных силах. В Центральной Азии КНР рассчитывает обрести влияние, прежде всего, за счет целенаправленных политических усилий в рамках ШОС, где Пекин уже практически решил спорные пограничные вопросы и проблемы безопасности, акцентируя в настоящее время внимание на масштабном экономическом освоении региона [Salimanov, 2018:146]. В последнее время обращает на себя внимание поворот той же Турции на Восток, прежде всего в сторону Китая, в котором Анкара видит возможную альтернативу несостоявшимся евроинтеграционным устремлениям и поиска величия на основе симбиоза идей пантюркизма, неоосманизма и неоисламизма.

Рассматривая данный контекст, можно предположить, что Турция ищет некий непростой баланс соперничества и сотрудничества в отношениях с ключевыми игроками Евразии — Китаем и Россией, достаточно самоуверенно надеясь переиграть их в собственной «большой игре», пользуясь опытом умудренной в международных интригах Великобритании.

Отдельные международные эксперты в сфере геополитики полагают, что классическая «Большая игра» XIX в. между Россией и Великобританией на континенте Евразия постепенно возвращается в сегодняшнюю повестку международных отношений, но при этом принимает все более сложные и несколько опосредствованные формы. Особенностью названной «Большой игры», как прежде, так и на настоящий момент, можно назвать тот факт, что в отличие от большинства прежних локальных конфликтов между ведущими державами она ведется относительно небольшими силами, и серьезного вооруженного столкновения все же пока удастся избежать. В то же время коллективный Запад крайне беспокоит рост значимости ШОС, которая постепенно превращается в реально мощную экономическую и одновременно политическую организацию на евроазиатском пространстве, что наводит США и Великобританию на серьезные подозрения относительно реальной согласованности действий России и Китая по вытеснению западного влияния из Центральной Азии [Godehardt, 2018:4]. Последовательное укрепление взаимодействия между Москвой и Пекином не только придает ШОС дополнительный вес, но и делает Шанхайскую организацию сотрудничества геополитическим институтом глобального уровня, особенно после присоединения к ШОС Индии и Пакистана. Партнерство РФ и КНР заметно сплачивает оба государства перед лицом англосаксонской угрозы, поскольку Лондон и Вашингтон явно нацелились на Каспийское море и далее в Западный Китай, что побуждает Москву и Пекин на практике наращивать согласованные усилия по эффективному контролю над Центральной Азией.

Британия постоянно предпринимает целенаправленные попытки помешать российско-китайскому взаимодействию, в том числе на евроазиатском континенте, используя для этого завышенные турецкие амбиции в отношении лидерства среди тюркоязычных народов. Но Китай достаточно умело защищает от влияния Турции свои территории с мусульманским населением, и это прежде всего касается Синьцзяна, где турецкие усилия сводятся к минимуму вследствие умелых превентивных действий китайского правительства по предотвращению радикализации уйгурских националистических организаций че-

рез широкое противопоставление им патриотически настроенных местных организаций ханьцев, а также казахов, киргизов и дунган. Правительство КНР предпринимает достаточно большие усилия в отношении развития Синьцзяна, вкладывая значительные финансовые ресурсы, что стимулирует более высокие темпы экономического роста данного района по сравнению с другими китайскими провинциями [Tamaï, 2020:5]. Вместе с тем, по оценкам международных экспертов, Турция вряд ли пойдет на серьезное ухудшение отношений с Китаем из-за Синьцзяна, поскольку весьма заинтересована в продвижении международного проекта «Средний коридор» и его сопряжения с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Складывается впечатление, что Великобритания также хотела бы включиться в геостратегический диалог с КНР по евроазиатским проблемам, предлагая себя Пекину в качестве независимого партнера по решению европейских проблем, включая предоставление китайским предприятиям льготных условий сотрудничества для проникновения на рынки Евросоюза, а, кроме того, выработку совместной стратегии перспективного промышленного развития.

Не вызывает сомнения, что наиболее опасная угроза для России исходит от возможностей западных стран доминировать в Евразии за счет изменений в методах ведения боевых действий и новых структурах управления подобными операциями. Утверждение России в качестве геополитического центра Евразии означает одновременно усиление ее роли и в новой «большой игре» на евроазиатском континенте с тем, чтобы в обозримой перспективе российскому суверенитету ничего не угрожало. А это можно обеспечить лишь за счет полностью скоординированных военных и дипломатических усилий мощного российского государства по всему периметру его границ.

Библиографический список

Ван, Юн. Чжунго юй Тоурци чжаньлюе хэцзо (China-Turkey Strategie Cooperation). Чжунго кэсюе юань дэ цзачжи № 1. Бэйцзин, 2019. С.82 (70—86 с.) (Кит.)

Лиань Шу. Тюгоку-ни тай суру Эйкоку Гайкоку сэньяку (Британская стратегия в отношении Китая). Кэйю дайгаку кэнкюбу. КэйSFC Journal T.13, № .2. Токё, 2019. С. 68 (61—72 с.) (Яп.)

Номура, Рёити. Эйкоку-ни окэру 21 сэйки сэньяку (Британская стратегия 21 века). JETRO Рэпото. Кайгай тэсабу. Осю-Росиа-ШОС ка. Токио, 2016. С. 30 (69 с.) (Яп.)

Симэн Ясуси. Синьцзян Уйгуру то Тюгоку сэйдзи (Уйгуры в Синьцзяне и политика Китая). Адзиа Кэнкю. Т.49, № 1. Тюо дайгаку, 2019. С.42 (37—54 с.) (Яп.)

Тамаи, Роно. Сумиякана кайфуку-о цудзукару Тюгоку кэйдзай (Продолжающееся мягкое восстановление экономики Китая). Мидзухо сого кэнкюсё. Адзия репо. Токё, 2020. С.5 (8 с.) (Яп.)

Bobo Lo. The Emperor's New Clothers or an Idea whose Time Has Come ? Institut francais des relations internationales. Ifri, 2019. P.12 (44 p.)

Edwards, Matthew. The New Great Game and the new great gamers. Central Asian Survey. Nr.22(1). London, 2018. P.86 (83—102 p.)

Gaspers, Jan. Kann die Turkai die Shanghai-Karte spielen ? Arbeitspapier. Sicherheitspolitik, No.6. Berlin, 2017. S.4 (5 s.) (In German)

German-Southeast Asian Center. Eurasia'Geopolitical Outlook for 2019. Goethe Universitat. Frankfurt am Main, 2019. P.22 (32 p.)

Godehardt, Nadine. China und Russland: Gegensätze in Zentralasien. Focus Nummer 11. Institut für Asien-Studien. Hamburg, 2018. S.4 (8 s.) (In German)

Landale, James. Political battle looming over UK-China relations. BBC News Report. London, 2020. P. 5 (7 p.)

Mishra, Debadatta. New Great Game formulate abundant possibilities for Central Asia Center of Political Science Pondicherry University. India, 2020. P.3 (9 p.)

Perovic, Jeronim; Zogg, Benno. Rußland und China: Potenzial der Partnerschaft. CSS Analysen zur Sicherheits politik, No.250. Zurich, 2019. S.3 (4 s.) (In German)

Salimanov, Azamat S. Geopolitical interest of China in Central Asia. Kazan Federal University. Russia, 2018. P. 146 (144—149 p.)

Schreier, Claus. Handelskriege und Schlachten. Forschung und Entwicklung. KMU Magazin Nr.1\2. Hochschule Luzern, 2019. S.93 (93 s.) (In German)

Varvick, Johannes. Neue Geopolitic. Heft 2. Wochenschau Verlag. Frankfurt am Main, 2019. S.25 (28 p.) (In German)

References

Bobo Lo. The Emperor's New Clothers or an Idea whose Time Has Come ? Institut francais des relations internationales. Ifri, 2019. P.12 (44 p.)

Edwards, Matthew. The New Great Game and the new great gamers. Central Asian Survey. Nr.22(1). London, 2018. P.86 (83—102 p.)

Gaspers, Jan. Kann die Turkai die Shanghai-Karte spielen ? Arbeitspapier. Sicherheitspolitik, No.6. Berlin, 2017. S.4 (5 s.) (In German)

German-Southeast Asian Center. Eurasia'Geopolitical Outlook for 2019. Goethe Universitat. Frankfurt am Main, 2019. P.22 (32 p.)

Godehardt, Nadine. China und Russland: Gegensätze in Zentralasien. Focus Nummer 11. Institut für Asien-Studien. Hamburg, 2018. S.4 (8 s.) (In German)

Landale, James. Political battle looming over UK-China relations. BBC News Report. London, 2020. P.5 (7 p.)

Lian Shu. Chugoku-ni tai suru Eikoku Gaiko senryaku (British strategy toward China). Keio daigaku kenkyubu. KeioSFC Journal Vol.13, No.2. Tokyo, 2019. P.68 (61—72 p.) (In Japanese)

Mishra, Debadatta. New Great Game formulate abundant possibilities for Central Asia Center of Political Science Pondicherry University. India, 2020. P.3 (9 p.)

Nomura, Ryoichi. Eikoku-ni okeru 21 seiki senryaku (British strategy in 21 century). JETRO Repoto. Kaigai chosabu. Osyu-Rosia-CIS ka. Tokyo, 2016. P.30 (69 p.) (In Japanese)

Perovic, Jeronim; Zogg, Benno. Rußland und China: Potenzial der Partnerschaft. CSS Analysen zur Sicherheits politik, No.250. Zurich, 2019. S.3 (4 s.) (In German)

Salimanov, Azamat S. Geopolitical interest of China in Central Asia. Kazan Federal University. Russia, 2018. P.146 (144—149 p.)

Schreier, Claus. Handelskriege und Schlachten. Forschung und Entwicklung. KMU Magazin Nr.1\2. Hochschule Luzern, 2019. S.93 (93 s.) (In German)

Shinmen, Yasushi. Shinjiang Uiguru to Chugoku seiji (Uigurs in Singjiang and China policy). Ajia Kenkyu. Vol.49, No.1. Chuo daigaku, 2019. P.42 (37—54 p.) (In Japanese)

Tamai, Rono. Sumiyakana kaifuku-o tsuzukaru Chugoku keizai (Continueing mild restore of China economy). Mizuho sogo kenkyusyo. Ajia repoto. Tokyo, 2020. P.5 (8 p.) (In Japanese)

Varvick, Johannes. Neue Geopolitic. Heft 2. Wochenschau Verlag. Frankfurt am Main, 2019. S.25 (28 p.) (In German)

Wang, Yong. Zhongguo yu Tourqi zhanlue hezuo (China-Turkey Strategie Cooperation). Zhongguo kexue yuan de zazhi No.1. Beijing, 2019. P.82 (70—86 p.) (In Chinese)

Т.М. Мамахатов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КНР В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ США

Аннотация. Дана оценка энергетической безопасности Китая на фоне реализации США новой Индо-Тихоокеанской стратегии. Проанализирована ситуация усиления давления США на Китай, проведения «торговой войны» и попытки вытеснения Китая из Тихоокеанского региона.

Индо-Тихоокеанская концепция США расширяет понятие Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) повышая значимость и роль Индии, которая становится важным экономическим и стратегическим игроком на мировой арене. Само по себе, это лишь умеренное расширение долгосрочной политики США в направлении АТР, но, с другой точки зрения, это соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования вооружённых сил США.

США были давно обеспокоены усилением Китая как в регионе, так и в мире, что несет в себе более серьёзные вызовы, чем ранее предполагалось, особенно в вопросах экономики, международной торговли и энергетических рынков.

Ключевые слова: Российская экономика, экономическая безопасность, энергетическая безопасность, экономическое сотрудничество, экономика, Индо-Тихоокеанская стратегия, трубопроводы, энергетика.

Автор: Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Mamakhatov Tlesh M.

Ensuring the energy security of the People's Republic of China in the context of the implementation of the Indo-Pacific Strategy of the United States

Abstract. The paper assesses China's energy security against the background of the implementation of the new Indo-Pacific strategy by the United States. The analysis of the situation of increasing US pressure on China, conducting a "trade war" and attempts to oust China from the Pacific region is carried out.

The Indo-Pacific concept of the United States expands the concept of the Asia-Pacific region (APR), increasing the importance and role of India, which is becoming an important economic and strategic player on the world stage. In itself, this is only a moderate expansion of the long-term US policy towards the Asia-Pacific region, but from another point of view, it corresponds to the area of responsibility of the Pacific Command of the US armed Forces.

The United States has long been concerned about the strengthening of China both in the region and in the world, which carries more serious challenges than previously thought, especially in matters of the economy, international trade and energy markets.

Keywords: China, economic security, energy security, economic cooperation, economy, Indo-Pacific Strategy, pipelines, energy.

Author: MAMAKHATOV Tlesh M., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Одним из главных вопросов Китая в мировой экономике является сохранение национальной и экономической безопасности. Особенно это актуально в сегодняшнее очень динамичное время смены мировых полюсов власти и мировых экономических центров. Центральное место в этом вопросе занимает энергетика, ведь самая быстрорастущая и гигантская (по паритету покупательной способности) экономика мира нуждается в постоянных и бесперебойных потоках энергоресурсов.

В кризисном 2020 г. валовой внутренний продукт Китая вырос всего на 2,3 %, в то время как в 2019 г. этот показатель составлял 6 % и более в предыдущих годах. Таких минимальных темпов не было с 1976 г. При этом Китай стал единственной крупной экономикой в мире, избежавшей спада темпов роста ВВП из-за COVID-19. Несмотря на падение показателей в начале года, Китаю удалось восстановить положительную динамику к концу года, показав высокую скорость

восстановления даже на фоне торговой войны с США и ее политическим и экономическим давлением. Экономика Китая ускорилась в четвертом квартале, и если по итогам первого квартала ВВП Китая упал на 6,8 %, то уже во втором квартале он вырос на 3,2 %, в третьем — на 4,9 %, в четвертом — на 6,5 % [7].

В условиях глобального спада производства и снижения экономической активности в мире такие цифры экономического роста Китая очень впечатляют, особенно в условиях реализации США своей Индо-Тихоокеанской стратегии, подразумевающей противодействие Китаю по ряду ключевых направлений, таких как экономическая и энергетическая сфера.

На сегодня проблема энергетической безопасности становится наиболее актуальным вопросом экономического развития Китая. Индо-Тихоокеанская стратегия, выдвинутая в США еще Трампом, ухудшает атмосферу энергетической безопасности Китая и увеличивает риски для транспортировки энергоресурсов морскими путями из регионов Ближнего Востока, Африки и АТР. Диверсификация источников поставки энергоресурсов является логичным стратегическим выбором для Китая, поэтому акцент в этом вопросе смещается на евразийское сотрудничество. В вопросе энергетической безопасности Китая на первое место начинают выходить поставки ресурсов из Центральной Азии и России, становясь объектом приоритетного стратегического значения. Центральная Азия является богатым углеводородными ресурсами регионом, географически близко расположенным к КНР. Уже сейчас можно сказать, что регион Центральной Азии начал играть важную роль в системе энергетической обеспеченности Китая.

Несмотря на небольшое снижение темпов роста экономики Китая в последние годы, Китай уверенно сохраняет за собой статус второй в мире экономики после США, а если считать по ППС (паритету покупательной способности), то первой в мире. Такие колоссальные экономические показатели и промышленный рост требуют большого количества энергии. Следовательно, потребление энергоресурсов в Китае постоянно растет, особенно высокие темпы роста наблюдаются в нефтегазовой сфере. По данным статистики «Бритиш Петролеум», объем потребления нефти в Китае в 2019 г. составил 650 млн т, что на 5 % больше показателя предыдущего года.

Высокие темпы роста экономики и промышленности Китая нуждаются в большом количестве материальных ресурсов, включая, в первую очередь, и топливо. На сегодняшний день можно говорить о том, что обеспечение собственными энергоресурсами в Китае составляет менее 80 %, ставя под угрозу вопрос энергетической безопасности страны [4].

Обеспечение энергетической безопасности

Регион Центральной Азии, расположенный в центральной части Евразии, обладает богатейшими природными и энергетическими ресурсами. Центральная Азия всю свою историю являлась ареной геополитической борьбы в мире, стоит вспомнить «Большую игру» Великобритании и Российской империи. На сегодняшний день роль Центральной Азии многократно возросла в силу усиления в мире конкуренции за энергетические ресурсы. Здесь можно говорить о борьбе мировых и региональных держав в лице России, Китая, США, Ирана и Турции. Приоритетную роль в этом направлении в последнее время стал играть Китай, отгнав исторического гегемона в этом регионе Россию.

Казахстан, Туркменистан и Узбекистан — страны, богатые нефтью и природным газом; к тому же этих запасов им достаточно не только для удовлетворения своих собственных нужд, но и для широкомасштабного экспорта, что укрепляет экономику этих республик. В табл. 1 можно ознакомиться со структурой распределения энергоресурсов по странам Центральной Азии.

Политика, проводимая Китаем в вопросе энергетического взаимодействия со странами Центральной Азии, основывается на следующих принципах.

Первое — прочные политические связи необходимые для надежного сотрудничества в области энергетики. КНР одна из первых признала суверенитет стран региона Центральной Азии и наладила дипотношения. На сегодня уровень политического доверия между Китаем и странами Центральной Азии достиг нового уровня отношений. Это позволило заложить прочный фундамент для развития и углубления многостороннего энергетического сотрудничества.

Второе — географическая близость энергоресурсов Центральной Азии к крупнейшему потребителю энергии в мире — Китаю. КНР

Таблица 1. Удельный вес энергоресурсов в каждой из стран Центральной Азии, %

Энергоресурс / страна	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Нефть	50	5	1	17	13
Природный газ	16	2	2	83	84
Уголь	28	11	1	0	2
Гидроресурсы	6	82	96	0	1

Источник: Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).

граничит со странами-партнерами, позволяя снизить транспортные издержки на доставку энергоресурсов, а также уменьшить общую себестоимость затрат энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии.

Третье — взаимная дополняемость при развитии энергетического сотрудничества стран. Многовекторность направлений поставок энергоресурсов выгодна не только Китаю, но и странам-экспортерам. В такой сделке Китай избегает зависимости от поставок углеводородов из Ближнего Востока и АТР, увеличивая свою энергетическую безопасность, а страны Центральной Азии в свою очередь получают возможность проведения более гибкой и независимой политики на региональном энергетическом рынке, избегая ситуации монополии. Диверсификация энергетического сотрудничества несет исключительно положительное влияние на экономики всех стран ШОС, позволяя вести торговлю энергоресурсами в рамках рыночных отношений и свободной конкуренции, развивая энергетическое многостороннее партнерство.

Казахстан является одним из крупнейших энергетических партнеров Китая в Центральной Азии. Сотрудничество в сфере энергетики началось с 1993 г., и на протяжении уже почти 30 лет идет непрерывное развитие в данном направлении, которое заключается в увеличении присутствия китайского капитала в нефтегазовой сфере страны. Например, в 2003 г. китайской компанией CNPC были приобретены акции нефтяного месторождения «Актобе» в размере 85,6 %. В 2005 г. китайской компанией ONPC была приобретена компания «Петроказхстан». В 2006 г. был построен первый транснациональный нефтепровод «Казахстан — Китай». Начиная с 2008 г. идет планомерное расширение и разветвление нефтегазовых трубопроводов по территории Казахстана, призванных соединить богатые нефтяные месторождения казахстанского сектора Каспийского моря с китайской трубопроводной системой.

Также при финансовой поддержке Китая развиваются проекты в области газовой добычи. В 2012 г. Банком развития Китая был подписан документ о предоставлении 1,8 млрд долл. Казахстану для возведения магистральной трубы «Бейнеу—Шымкент».

Китай также заинтересован в таких странах, как Узбекистан и Туркмения. Китайская CNPC в 2006 г. создала вместе с «Узбекнефтегаз» и «Лукойлом» Группу «Аральское море» по освоению углеводородных ресурсов в Аральском море. В конце 2007 г. для этих целей был построен транскаспийский газопровод.

Трансазиатский газопровод позволяет соединить Китай, Казахстан, Узбекистан и Туркмению двумя нитками «А» и «В», суммируя протяженность трубопровода до 1833 км.

Общий объем поставок в КНР по магистральному газопроводу Средняя Азия — Китай, с момента ввода его в эксплуатацию по состоянию на 7 марта 2020 г. составил 304,6 млрд куб. м природного газа.

В ходе обсуждения отношений России и Китая со странами Центральной Азии нельзя не упомянуть инцидент так называемой «газовой войны» в 2009 г. Когда после глобального падения цен на нефть и газ, в апреле 2009 г. Россия прекратила импорт газа из Туркменистана и сделала попытку пересмотреть существующий договор, который оказался слишком дорогим для «Газпрома». В это время Китай, который долгое время сохранял молчание, вмешался в спор, поддерживая Туркменистан и предложив ему кредит в 4 млрд долл., что позволило стране противостоять давлению России. В результате в короткие сроки был построен газопровод из Туркменистана в Китай, который вступил в строй уже в конце 2009 г., оставив Россию без туркменского природного газа.

Экономическое сотрудничество России и Китая со странами Центральной Азии определяется в нескольких направлениях. Первое — это уже ранее освещенный вопрос расширения и углубления сотрудничества в энергетической сфере. Речь идет о расширении торговли, расширении многоуровневого интеграционного взаимодействия и увеличении сотрудничества в сфере других энергоресурсов. Остальными приоритетными направлениями является укрепление сотрудничества в сфере высоких технологий и расширение сотрудничества в других сферах, первую очередь связанных с транспортной инфраструктурой.

Здесь одним из самых значимых проектов на территории Центральной Азии и ШОС будет «Экономический пояс Шелкового пути». Маршрут «Экономического пояса» пройдет через Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Иран, Ирак, Турцию, Болгарию, Молдову, Украину, Россию, Белоруссию, Польшу, Германию, Нидерланды, Бельгию, Францию, Швейцарию и закончится в Италии.

Главным слоганом проекта является выражение «Один пояс — один путь», заключающийся в продвижении взаимосвязей между Азиатским, Европейским и Африканским континентами, а также прилегающими к ним морями для установления и укрепления партнерских торговых и экономических отношений. Проект предполагает расширение торгово-экономических связей с основным торговым

партнером Китая — ЕС. Добиться этого можно через диверсификацию торговых маршрутов, например, сокращение срока доставки грузов по железной дороге из Западного Китая в Восточную Европу до 11 дней. Также сейчас обсуждается вариант прокладки нового маршрута в рамках «Шелкового пути» через Северный морской путь по российской акватории.

Для реализации данного проекта требуется развитие инфраструктурной взаимосвязи стран, осуществление беспрепятственной торговли в рамках проекта и финансовая интеграция вкупе с политической координацией всех участников проекта на многостороннем консенсусе. Кроме того, требует решения проблема появления параллельных региональных проектов для Центральной Азии — Евразийского экономического союза России (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (SREB) Китая, что стало самой серьезной проблемой для Москвы и Пекина с конца 2000-х гг.

Для стран ЕАЭС наиболее привлекательным будет проект «Нового шелкового пути». Инвестиции, направляемые в Россию, Казахстан и Белоруссию, позволят странам улучшить транспортную инфраструктуру, которая может быть также использована в целях транспортировки грузов между некоторыми странами — участницами ЕАЭС. Планируемый транспортный коридор будет представлять собой высокоскоростную железнодорожную магистраль, проходящую через Россию, Казахстан, Белоруссию, Польшу и Германию, соединяющую Китай с Западной Европой. Данный проект весьма амбициозен и требует не только огромных финансовых инвестиций и затрат, но также имеет ряд еще не решенных преград. В частности, для Европы поставка грузов в Китай и другие страны АТР через Транссиб и далее через российские восточные порты обходится в 2 раза дороже, чем поставка с использованием морского транспорта. Также надо учитывать неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры России и Казахстана, а также других стран региона и разницу в размере железнодорожной колеи между нашими путями и стран Западной Европы.

В целях финансирования проектов концепции «Один пояс — один путь» в Китае были созданы два новых финансовых института: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути.

Фонд осуществляет инвестирование и финансовую поддержку с целью содействия торговому и экономическому сотрудничеству в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» вместе с национальными и международными компаниями и финансовыми учрежде-

ниями. Начальный капитал фонда составил 10 млрд долл. и был взят из таких источников, как Эксимбанк Китая (Export-Import Bank of China) — 15 %, Инвестиционная корпорация Китая (China Investment Corporation) — 15 %, Банк развития Китая (China Development Bank) — 5 % и Государственная администрация валютных поступлений (State Administration of Foreign Exchange) — 65 %.

Реализация проекта «Экономического пояса Шелкового пути» базируется на принципе развития транспортной инфраструктуры в странах, через которые пролегает маршрут пути. Второй принцип доступа к ресурсам стран партнеров — это импорт сырья и экспорт китайских товаров. И третий — заключается в формировании условий для взаимного обмена инновациями, в первую очередь с технически передовыми для Китая странами, такими, как Россия и страны Западной Европы.

Объем инвестиций и товарооборот Китая со странами Центральной Азии очень вырос за последнее время. Китайский капитал прочно обосновался в странах региона, обогнав Россию и страны Запада. Доля китайских фирм в Казахстане уже составляет более 25 % по нефтедобычи.

В Туркменистане Китай в результате ранее упомянутой «газовой войны» 2009 г. выдал «Газпром» в качестве покупателя природного газа, перераспределяя себе до 61 % экспорта сырья. Объем китайского капитала в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане уже превышает российские вложения в 11 раз и продолжает расти.

Заключение

В ближайшие пару десятилетий Индо-Тихоокеанский регион может составить половину мировой экономики, при должном вливании инвестиций. На словах США приветствуют вклад Китая в региональное развитие, подчеркивая, что Индо-Тихоокеанская стратегия не будет направлена на сдерживание Китая и на противопоставление китайской инициативе «Пояса и пути». При этом подчеркивается необходимость придерживаться «международных стандартов прозрачности, верховенства закона и устойчивого финансирования».

Но на деле Индо-Тихоокеанская стратегия призвана построить в регионе рамки партнерства таким образом, чтобы были учтены американские интересы, в обход интересов потенциальных партнеров, отнюдь не заинтересованных в политическом и экономическом сдерживании Китая.

Также можно говорить о продвижении США в глубь Евразии ещё дальше с востока на запад путем укрепления сотрудничества преимущественно «морских» держав восточной и южной периферии евразийского континента (от Южной Кореи до стран Аравийского полуострова) и островных тихоокеанских государств (от Японии до Новой Зеландии). Главная цель Индо-Тихоокеанской стратегии при этом — политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая, создание жесткого «каркаса», не позволяющего Пекину занять доминирующие позиции в регионе.

Таким образом, Индо-Тихоокеанская стратегия призвана вытеснить Китай с энергетического рынка стран Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона, тем самым нарушив энергетическую безопасность страны. Для России же это означает необходимость повышенного внимания к роли российско-китайского стратегического партнерства в развитии механизмов безопасности и сотрудничества на сухопутных пространствах Евразии, Центральной Азии. Речь идет, прежде всего, о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), механизмах сопряжения евразийской интеграции и китайской Инициативы пояса и пути, а также последовательной реализации российской инициативы формирования Большого Евразийского партнерства.

Библиографический список

Товарооборот России и Китая: статистические данные и динамика развития. URL: <http://fb.ru/article/380716/tovarooborot-rossii-i-kitaya-statisticheskie-dan-nyie-i-dinamika-razvitiya> (дата обращения: 12.05.2018).

Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).

Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2005. С.117

Рубан Л.С., Гриб Н.С. Энергетические стратегии Китая и их реализация. М.: Бурение и нефть. 2020. № 4. С. 4—9.

Ли Син, Ван Чэнсин, Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии. Сравнительная политика 2 (12) / 2013. С. 10—20 (на рус.).

Neftegaz.ru. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/539234-po-ga-zprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/> (дата обращения: 10.04.2021)

World Energy Outlook IEA, 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019> (дата обращения: 10.03.2021). (на англ.)

References

Minenergo Rossii [Ministry of Energy of Russia] URL: <https://minenergo.gov.ru/> (accessed: 12 February, 2020). (In Russian).

Komissina I. N., Kurtov A. A. Shanhajskaya organizaciya sotrudnichestva: stanovlenie novoj real'nosti. [The Shanghai Cooperation Organization: the formation of a new reality] M. : Ros. in-t strateg. issled., 2005. P. 117 (In Russian).

Ruban L.S., Grib N.S. Energeticheskiye strategii Kitaya i ikh realizatsiya [China's energy strategies and their implementation] M.: Burennye i nef't'. 2020. № 4. P. 4—9. (In Russian).

Li Sin, Van Chensin, Strategiya energeticheskoy bezopasnosti Kitaya v Tsentral'noy Azii. [China's Energy Security Strategy in Central Asia] Svravnitel'naya politika 2 (12) / 2013. P. 10—20. (In Russian).

Tovarooborot Rossii i Kitaya: statisticheskie dannye i dinamika razvitiya [Trade turnover of Russia and China: statistics and development dynamics]. URL: <http://fb.ru/article/380716/tovarooborot-rossii-i-kitaya-statisticheskie-dannye-i-dinamika-razvitiya> (accessed: 12 May, 2018) (In Russian).

Neftegaz.ru. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/539234-po-ga-zoprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/> (accessed: 10 April, 2021). (In Russian).

World Energy Outlook IEA, 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019> (accessed: 10 March, 2021).

Д.В. Гордиенко

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ США *

Аннотация. Предмет/тема. Обеспечение экономической безопасности государства осуществляется в форме экономического патронажа со стороны правительства и Центрального банка, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. Рассматриваются перспективы изменения уровня экономической безопасности государств Азиатско-Тихоокеанского региона — участников Индо-Тихоокеанского партнерства (ИТП). **Цели/задачи.** Провести сравнительную оценку изменения уровня экономической безопасности государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства при реализации этого глобального интеграционного проекта. **Методология.** В работе рассмотрены показатели экономической безопасности государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства. С помощью статистических и эконометрических методов оценены перспективы изменения уровня экономической безопасности США, Японии, Индии и Австралии при реализации Индо-Тихоокеанского партнерства. **Результаты.** Предложен подход к сравнительной оценке изменения уровня экономической безопасности государств — участников ИТП. Проанализирована значимость для обеспечения экономической безопасности стран Восточной Азии экономической кооперации и экономического противоборства в условиях глобализации.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00009.

Обсуждение/применение. Предложенный подход к сравнительной оценке изменения уровня экономической безопасности государств — участников ИТП позволяет выявить приоритеты экономической кооперации и экономического противоборства в современных условиях.

Выводы/значимость. Уровень экономической безопасности государств — участников ИТП может быть представлен в виде множителей, характеризующих уровни защищенности соответствующих национальных хозяйств, реализованные в рамках экономического патронажа, экономической кооперации и экономического противоборства. Сделан вывод о том, что договоренности в рамках Индо-Тихоокеанского партнерства должны установить новые регламенты и стандарты мировой торговли, дав тем самым прирост уровня защищенности национальных экономик участников ИТП.

Ключевые слова: экономика, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанское партнерство, экономическая безопасность, уровень экономической безопасности, обеспечение экономической безопасности государства.

Автор: Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

D. V. Gordienko

Comparative Assessment of the Protection of the National Economies of Eastern Asian Countries in the Conditions of Implementation of the Indo-Pacific Strategy of the USA*

Abstract. Subject / topic. Ensuring the economic security of the state is carried out in the form of economic patronage from the Government and the Central Bank, economic cooperation and economic confrontation with other countries of the world. Prospects of changes in the level of economic security of the states of the Asia-Pacific region — participants of the Indo-Pacific Partnership (ITP) are considered.

Goals / objectives. Conduct a comparative assessment of changes in the level of economic security of the states — participants of the Indo-Pacific Partnership in the implementation of this global integration project.

Methodology. The paper considers the indicators of economic security of the states — participants of the Indo-Pacific Partnership. With the help of statistical and econometric methods, the prospects of changes in the level of economic security of the USA, Japan, India and Australia in the implementation of the Indo-Pacific Partnership are estimated.

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19-014-00009.

Results. An approach to a comparative assessment of changes in the level of economic security of the ITP member states is proposed. The importance of economic cooperation and economic confrontation in the context of globalization for ensuring the economic security of East Asian countries is analyzed.

Discussion / Application. The proposed approach to a comparative assessment of changes in the level of economic security of the ITP member states makes it possible to identify the priorities of economic cooperation and economic confrontation in modern conditions.

Conclusions / Relevance. The level of economic security of the ITP member states can be represented in the form of factors characterizing the levels of security of the respective national economies, implemented within the framework of economic patronage, economic cooperation and economic confrontation. It is concluded that the agreements within the Indo-Pacific Partnership should establish new regulations and standards for world trade, thereby giving an increase in the level of protection of the national economies of the ITP participants.

Keywords: economy, the Asia-Pacific region, the Indo-Pacific partnership, economic security, the level of economic security, ensuring the economic security of the state.

Author: Dmitry V. GORDIENKO, Doctor of Military Sciences, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

В 2018 г. на конференции Shangri-La Dialogue (SLD) в Сингапуре идея Индо-Тихоокеанского партнерства (ИТП) была впервые развернуто представлена американской стороной, причем с акцентом именно на аспекты региональной и, в частности, экономической безопасности.

Практическая реализация Индо-Тихоокеанского партнерства будет, скорее всего, осуществляться как по линии укрепления двусторонних отношений США со странами региона, так и по линии создания многосторонних форматов сотрудничества. Главным из них считается так называемый четырехсторонний диалог по безопасности (англ. *Quadrilateral Security Dialogue*, QSD, *Quad*), призванный объединить четыре «демократии» Индо-Тихоокеанского региона — США, Японию, Австралию и Индию.

Концептуальное обоснование ИТП было предложено в Концепции «свободной и открытой Индо-Тихоокеанской стратегии» (*U.S. Concept of a Free and Open Indo-Pacific Strategy*, FOIP)¹. По мнению экспертов Торгово-промышленной палаты США, Индо-Тихоокеанский регион может составить половину мировой экономики в течение десятилетий, но для этого нужны инвестиции в размере почти 26 трлн долл.

Теперь уже очевидно, что с точки зрения торгово-экономического сотрудничества цель ИТП — заменить Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), от которого отказался Д. Трамп², и предложить некую альтернативу³.

В этой связи становится актуальной задача обеспечения экономической безопасности⁴ и сравнительной оценки защищенности национальных экономик стран Восточной Азии в условиях реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США [Гордиенко, 2020, Сравнительная оценка защищенности экономики России...; Гордиенко Д.В., Камаев Р.А.; Гордиенко Д.В., 2018, Сравнительная оценка изменения ...].

В общем случае, изменение уровня защищенности национальной экономики *государства* Восточной Азии при экономической интеграции со странами, входящими в Индо-Тихоокеанское партнерство, может быть рассчитано по формуле

$$\Delta V_{ЭБ,0,j} = \prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}} \times \left(\left(\prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}} \right)^{\alpha_{imp,0,j}/N_0} \times \left(\prod_{i=1}^{N_j} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{exp,j,0}/N_j} \right)^{1/2} \times \left(\prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}} \right)^{\alpha_{нереал,imp,0,j}/N_0} / \left(\prod_{i=1}^{N_j} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{нереал,exp,j,0}/N_j} - \prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}},$$

ИЛИ

$$\Delta V_{ЭБ,0,j}, \% = \left(\left(\left(\left(\prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}} \right)^{\alpha_{imp,0,j}/N_0} \times \left(\prod_{i=1}^{N_j} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{exp,j,0}/N_j} \right)^{1/2} \times \left(\prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}} \right)^{\alpha_{нереал,imp,0,j}/N_0} / \left(\prod_{i=1}^{N_j} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{нереал,exp,j,0}/N_j} \right) - 1 \right) \times 100\%,$$

$$0,01 \leq \beta_{i,0} \leq 100, \quad \sum_{i=1}^{N_0} \alpha_{i,0} = N_0, \quad 0 \leq \alpha_{imp,0,j} \leq 1, \quad 0 \leq \alpha_{нереал,imp,0,j} \leq 1,$$

$$0,01 \leq \beta_{i,j} \leq 100, \quad \sum_{i=1}^{N_j} \alpha_{i,j} = N_j, \quad 0 \leq \alpha_{exp,j,0} \leq 1, \quad 0 \leq \alpha_{нереал,exp,j,0} \leq 1,$$

$$0,01 \leq \left(\prod_{i=1}^{N_0} \beta_{i,0}^{\alpha_{i,0}} \right)^{\alpha_{нереал,imp,0,j}/N_0} / \left(\prod_{i=1}^{N_j} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{нереал,exp,j,0}/N_j} \leq 100,$$

где $\beta_{i,0}$, $\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность стран Восточной Азии, реализованного в рамках экономического патроната правительства и центрального банка соответствующего государства;

$\alpha_{i,0}$, $\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность стран Восточной Азии в рамках экономического патроната правительства и центрального банка;

N_0 , N_j — количество частных нормированных показателей экономической безопасности стран Восточной Азии, характеризующих защищенность соответствующих национальных хозяйств в рамках экономического патроната;

$\alpha_{imp,0,j}$ — вес финансово-экономического влияния j -й страны Восточной Азии на экономику *государства* (доля «импорта финансово-экономического влияния j -й страны Восточной Азии на национальное хозяйство *государства*») в рамках их экономической кооперации;

$\alpha_{exp,j,0}$ — вес финансово-экономического влияния *государства* на экономику j -й страны Восточной Азии (доля «экспорта финансово-экономического влияния *государства* на национальное хозяйство j -й страны Восточной Азии») в рамках их экономической кооперации;

$\alpha_{нереал.имп.0,j}$ — вес нереализованного финансово-экономического влияния j -й страны Восточной Азии на экономику *государства* (доля «нереализованного импорта финансово-экономического влияния j -й страны Восточной Азии на национальное хозяйство *государства*») в рамках их экономического противоборства (конкурентной борьбы);

$\alpha_{нереал.эксп.j,0}$ — вес нереализованного финансово-экономического влияния национального хозяйства *государства* на экономику j -й страны Восточной Азии (доля «нереализованного экспорта финансово-экономического влияния *государства* на национальное хозяйство j -й страны Восточной Азии») в рамках их экономического противоборства (конкурентной борьбы) [Гордиенко, 2020, Сравнительная оценка защищенности экономики России...; Гордиенко Д.В., Камаев Р.А.].

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства, реализованного в рамках экономического патроната⁵, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны (табл. 1) [Гордиенко Д.В.,

Таблица 1. Уровни защищенности экономики государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства, реализованные в рамках экономического патроната со стороны соответствующих правительств и центральных банков

Интегральный показатель защищенности экономики государства, реализованный в рамках экономического патроната	2008	2009	2010	2015	2020	2025 прогноз
Австралия	29 000	32 100	62 500	$8,6 \times 10^5$	$1,1 \times 10^6$	$2,1 \times 10^7$
США	91 200	96 000	99 500	$5,08 \times 10^5$	$2,05 \times 10^6$	$4,5 \times 10^7$
Индия	$1,3 \times 10^4$	$3,1 \times 10^4$	$3,3 \times 10^4$	$7,6 \times 10^5$	$1,1 \times 10^7$	$9,4 \times 10^7$
Япония	$1,05 \times 10^6$	$1,12 \times 10^6$	$1,23 \times 10^6$	$3,47 \times 10^6$	$1,20 \times 10^7$	$3,74 \times 10^7$

2020, Концепция обеспечения ...; Гордиенко Д.В., 2018, Глобальные интеграционные проекты ...; Гордиенко Д.В., Сафонов М.С.].

Изменение уровня защищенности национальных экономик государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства в рамках экономической кооперации может обуславливаться изменениями объемов внешнеторгового товарооборота, экспорта и импорта товаров и значений других показателей экономической кооперации этих стран⁶. Таким образом, доли экспорта и импорта товаров могут стать основой для определения $\alpha_{imp,j,k}; \alpha_{exp,k,j}$ — весов экономической кооперации государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства с другими странами мира при реализации ИТП и взаимозависимости их экономик в условиях глобализации.

Сравнительная оценка уровней экономической безопасности государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства, реализованного в рамках экономической кооперации, может базироваться на определении соответствующих значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны. При этом изменение уровней защищенности национальных хозяйств этих государств от внешних и внутренних угроз при реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе будет зависеть от изменений в объемах и долях экспорта и импорта товаров между странами, вовлеченными в ИТП.

Экономическая кооперация США. Объемы и доли экспорта/импорта товаров из США/в США в 2019 г. представлены на рис. 1. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит увеличить долю товарооборота США с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к

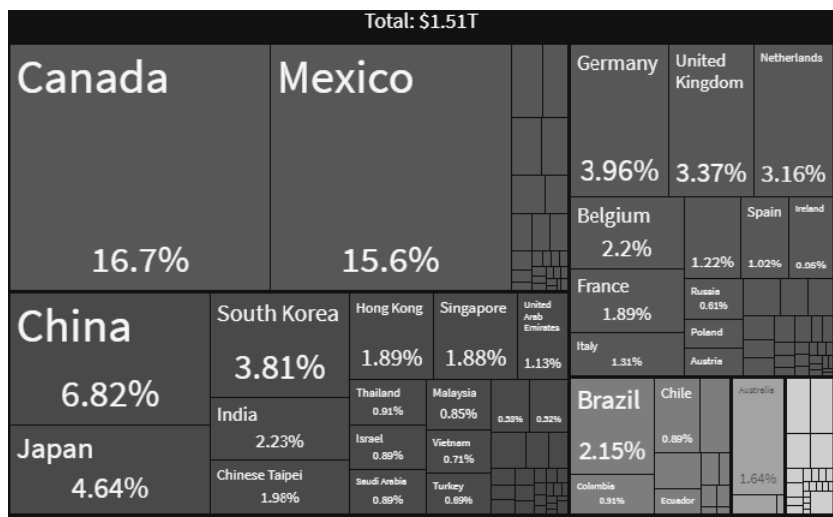

Рис. 1. Объем и доли экспорта товаров из США в другие страны в 2019 г. $\alpha_{exp,j,0}$ — веса финансово-экономического влияния США на экономики государств мира (доли «экспорта финансово-экономического влияния США на национальные хозяйства государств мира»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/usa/show/all/2019

2025 г. не менее, чем на **5,4 %** — с 34,5 (1983,7 млрд долл.) до 39,9 % (2294,2 млрд долл.).

К 2025 г. уровень экономической безопасности США, реализованный в рамках ее экономической кооперации с государствами — участниками ИТП, может увеличиться на **1,01 п.п.** — с 10,0 % до 11,01 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и ФРС США (табл. 2) [Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д.].

Экономическая кооперация Японии. Объемы и доли экспорта/импорта товаров из Японии/в Японию в 2019 г. представлены на рис. 2. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит увеличить долю товарооборота Японии с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2025 г. не менее, чем на **6,4 %** — с 54,5 (991,9 млрд долл.) до 60,9 % (1108,4 млрд долл.).

К 2025 г. уровень экономической безопасности Японии, реализованный в рамках ее экономической кооперации с государствами — участниками ИТП, может увеличиться на **3,16 п.п.** — с 30,56 до

Таблица 2. Изменения уровней защищенности национального хозяйства США от внешних и внутренних угроз при реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики США в рамках экономического патроната со стороны правительства и Федеральной резервной системы США = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Япония	3,41	0,34	0, 0,4	4,40	-0,06	4,34	
Индия	1,49	0,15	-0,45	0,17	1,04	0,32	1,36
Австралия	0,56	0,06	-0,45	0,17	0,11	0,23	0,34
Вьетнам	0,59	0,06/0	0,73	-0,3/0	1,32	-0,24/0	1,08/1,32
Бруней	0,00627	0,00062/0	0,003	-0,001/0	0,00927	-0,00038/0	0,0089/0,0093
Лаос	0,00814	0,0008/0	0,004	-0,002/0	0,012	-0,00119/0	0,0109/0,012
Н.Зеландия	0,12	0,01/0	0,04	-0,01/0	0,16	0/0	0,16
Сингапур	0,59	0,06/0	-0,34	0,14/0	0,25	0,20/0	0,45/0,25
Мьянма	0,0092	0,0009/0	0,006	-0,003/0	0,0152	-0,0021/0	0,0131/0,0152
Малайзия	0,78	0,08/0	0,66	-0,26/0	1,44	-0,18/0	1,26/1,44
Таиланд	0,65	0,07/0	0,69	-0,28/0	1,34	-0,21/0	1,13/1,34
Камбоджа	0,011	0,001/0	0,007	-0,004/0	0,018	-0,003/0	0,015/0,018
Тайвань	1,09	0,11/0	0,62	-0,25/0	1,71	-0,14/0	1,57/1,71
Индонезия	0,51	0,05/0	0,7	-0,28/0	1,21	-0,23/0	0,98/1,21
Филиппины	0,18	0,02/0	0,15	-0,06/0	0,33	-0,04/0	0,29/0,33
Итого	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (только с участием Японии, Индии и Австралии)						
	10,00	0,55	3,36	-0,06	13,36	0,49	13,85
	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (с участием Японии, Индии, Австралии, Н.Зеландии, Тайваня и стран АСЕАН)						
	10,00	1,01	3,36	-1,37	13,36	-0,36	13,01
<i>Справочно</i>							
Китай	9,05	0	4,97	0	14,02	0	14,02
Ю. Корея	1,9	0	0,13	0	2,03	0	2,03
Россия	0,41	0	-0,26	0	0,15	0	0,15
ЕС	13,34	0	2,83	0	16,17	0	16,17

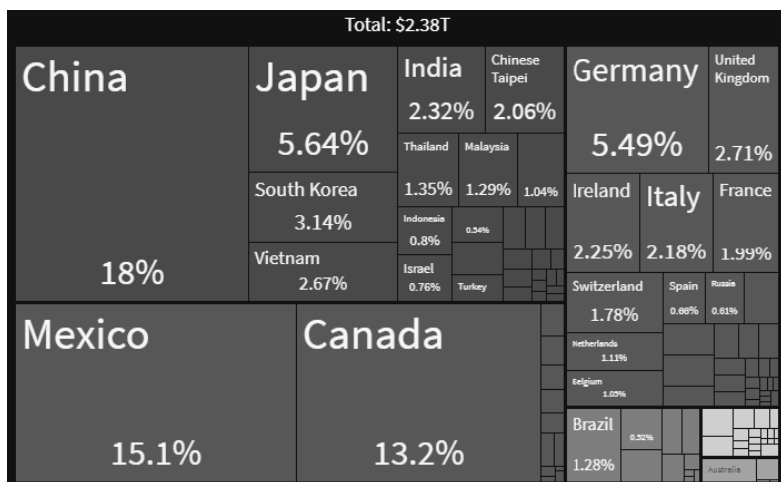

Рис. 2. Объем и доли импорта товаров в США из других стран в 2019 г. $\alpha_{imp,0,j}$ — веса финансово-экономического влияния государств мира на экономику США (доля «импорта финансово-экономического влияния государств мира на национальное хозяйство США»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/usa/show/all/2019

33,72 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Японии (табл. 3) [Гордиенко Д.В., 2020, Сравнительная оценка защищенности экономики Японии ...].

Таблица 3. Изменения уровней защищенности национального хозяйства Японии от внешних и внутренних угроз при реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Японии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Японии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
США	11,75	1,24	-6,13	2,41	5,62	3,65	9,27

Окончание табл. 3

	Защищенность национальной экономики Японии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Банка Японии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Индия	0,949	0,095	-0,650	0,260	0,299	0,355	0,65
Австралия	3,74	0,38	2,23	-0,91	5,97	-0,53	5,44
Вьетнам	1,00	0,10/0	0,71	-0,29/0	1,71	-0,19/0	1,52/1,71
Бруней	0,32	0,03/0	0,32	-0,13/0	0,64	-0,10/0	0,54/0,64
Лаос	0,0029	0,0002/0	0,0021	-0,0015/0	0,005	-0,0013/0	0,0037/0,005
Н.Зеландия	0,3	0,03/0	0,04	-0,02/0	0,34	0,01/0	0,35/0,34
Сингапур	2,23	0,23/0	-2,78	1,10/0	-0,55	1,33/0	0,78/-0,55
Мьянма	0,033	0,002/0	0,040	-0,020/0	0,073	-0,018/0	0,055/0,073
Малайзия	2,97	0,30/0	2,11	-0,85/0	5,08	-0,55/0	4,53/5,08
Таиланд	1,594	0,163/0	0,012	-0,007/0	1,61	0,156/0	1,762/1,61
Камбоджа	0,013	0,001/0	0,024	-0,008/0	0,037	-0,007/0	0,03/0,037
Тайвань	3,46	0,36/0	-2,02	0,81/0	1,44	1,17/0	2,61/1,44
Индонезия	1,217	0,126/0	1,560	-0,630/0	2,78	-0,50/0	2,27/2,78
Филиппины	0,98	0,10/0	1,23	-0,49/0	2,21	-0,39/0	1,82/2,21
Итого	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (только с участием США, Индии и Австралии)						
	30,56	1,72	-3,30	1,76	27,26	3,48	30,74
	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (с участием США, Индии, Австралии, Н.Зеландии, Тайваня и стран АСЕАН)						
	30,56	3,16	-3,30	1,22	27,26	4,38	31,64
Справочно							
Китай	24,5	0	-6,29	0	18,21	0	18,21
Россия	1,90	0	-0,59	0	1,31	0	1,31
Ю. Корея	6,24	0	-4,53	0	1,71	0	1,71
ЕС	8,87	0	-1,09	0	7,78	0	7,78

Экономическая кооперация Индии. Объемы и доли экспорта/импорта товаров из Индии/в Индию в 2019 г. представлены на рис. 3. Реализация концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит увеличить долю товарооборота Индии с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2020 г. не менее, чем на **1,8 %** — с 19,0 (180,5 млрд долл.) до 20,8 % (197,6 млрд долл.).

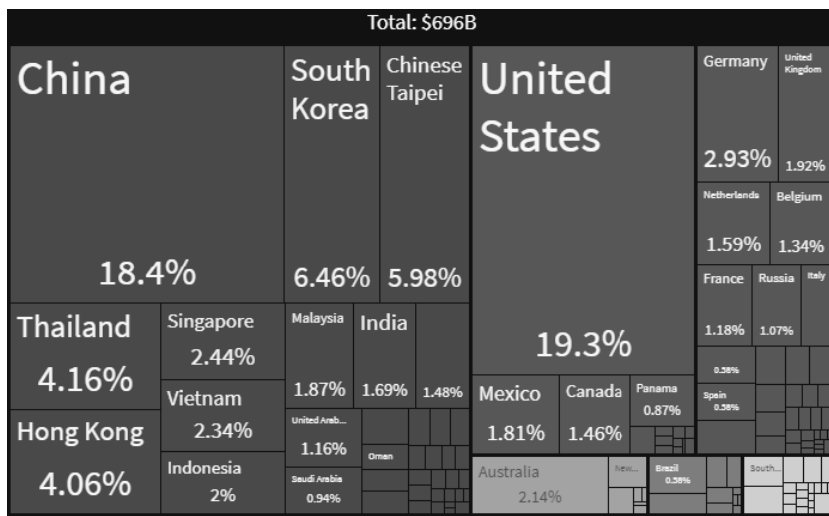

Рис. 3. Объем и доли экспорта товаров из Японии в другие страны в 2019 г. $\alpha_{exp,j,0}$ — веса финансово-экономического влияния Японии на экономики государств мира (доли «экспорта финансово-экономического влияния Японии на национальные хозяйства государств мира»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/jpn/show/all/2019/

К 2025 г. уровень экономической безопасности Индии, реализованный в рамках ее экономической кооперации с государствами — участниками ИТП, может увеличиться на **2,38 п.п.** — с 23,01 до 25,39 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии (табл. 4).

Экономическая кооперация Австралии. Объемы и доли экспорта/импорта товаров из Индии/в Индию в 2019 г. представлены на рис. 4. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит увеличить долю товарооборота Авст-

Таблица 4. Изменения уровней защищенности национального хозяйства Индии от внешних и внутренних угроз при реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Индии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
США	9,364	0,936	0,707	-0,267	10,071	0,669	10,74
Япония	11,909	1,273	5,527	-2,245	17,436	-0,972	16,464
Австралия	0,355	0,037	-0,434	0,176	-0,079	0,213	0,134
Вьетнам	0,077	0,0077/0	-0,031	0,012/0	0,046	0,0197/0	0,0657/ 0,046
Бруней	0,01	0,001/0	0,007	-0,003/0	0,017	-0,002/0	0,015/ 0,017
Лаос	0,073	0,007/0	0,04	-0,016/0	0,113	-0,009/0	0,104/ 0,113
Н.Зеландия	0,056	0,006/0	-0,096	0,038/0	-0,04	0,044/0	0,004/ -0,04
Сингапур	0,138	0,014/0	-0,151	0,061/0	-0,013	0,08/0	0,062/ -0,013
Мьянма	0,252	0,025/0	0,18	-0,072/0	0,432	-0,047/0	0,385/ 0,432
Малайзия	0,076	0,0076/0	-0,058	0,023/0	0,018	0,0306/0	0,0486/ 0,018
Таиланд	0,276	0,028/0	0,097	-0,039/0	0,373	-0,011/0	0,362/ 0,373
Камбоджа	0,007	0,0007/0	0,006	-0,002/0	0,01	-0,0013/0	0,0117/ 0,01
Тайвань	0,011	0,0011/0	0,008	-0,003/0	0,019	-0,0019/0	0,0171/ 0,019
Индонезия	0,269	0,027/0	0,332	-0,133/0	0,60	-0,11/0	0,49/0,60
Филиппины	0,134	0,013/0	0,061	-0,024/0	0,195	-0,011/0	0,184/ 0,195

Окончание табл. 4

1	Защищенность национальной экономики Индии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка Индии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5	
Итого	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (только с участием США, Японии и Австралии)						
	23,01	2,246	6,20	-2,336	29,20	-0,09	29,11
	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (с участием США, Японии, Австралии, Н.Зеландии, Тайваня и стран АСЕАН)						
	23,01	2,38	6,20	-2,49	29,20	-0,11	29,09
<i>Справочно</i>							
Китай	10,183	0	5,581	0	15,764	0	15,764
Россия	1,825	0	-0,814	0	1,011	0	1,011
Ю. Корея	1,427	0	-1,264	0	0,163	0	0,163
ЕС	10,88	0	-3,527	0	7,353	0	7,353

ралии с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2020 г. не менее, чем на **6,6 %** — с 60,1 (360,6 млрд долл.) до 66,7 % (400,2 млрд долл.).

К 2025 г. уровень экономической безопасности Австралии, реализованный в рамках ее экономической кооперации с государствами — участниками ИТП, может увеличиться на **3,41 п.п.** — с 33,18 до 36,59 % от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Австралии (табл. 5).

Изменение уровня защищенности национальных экономик государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства в рамках экономического противоборства может обуславливаться изменениями объемов нереализованного внешнеторгового товарооборота, нереализованного экспорта и нереализованного импорта товаров⁷, а также

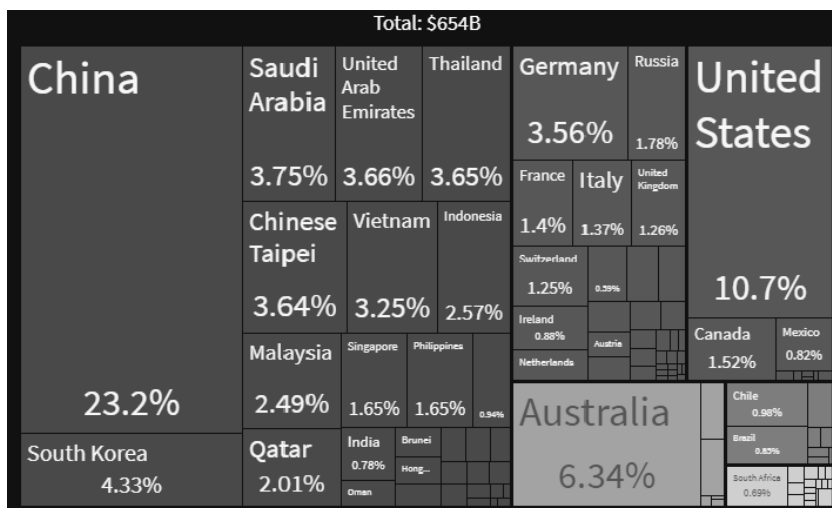

Рис. 4. Объем и доли импорта товаров в Японию из других стран в 2019 г. $\alpha_{imp,0,j}$ — веса финансово-экономического влияния государств мира на экономику Японии (доля «импорта финансово-экономического влияния государств мира на национальное хозяйство Японии»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/jpn/show/all/2019/

значений других показателей экономического противоборства этих стран⁸.

Таким образом, доли нереализованного внешнеторгового товарооборота могут стать основой для определения $\alpha_{nereal,imp,j,l}$; $\alpha_{nereal,exp,l,j}$ — весов экономического противоборства государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства с другими странами мира при реализации ИТП и экономического ущерба от негативного влияния со стороны других государств в условиях глобализации.

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства, реализованного в рамках экономического противоборства, может базироваться на определении значений общего нормированного показателя безопасности национального хозяйства каждой страны. При этом изменение уровней защищенности национальных хозяйств этих государств от внешних и внутренних угроз при реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе будет зависеть от изменений в объемах и долях нереализованного экспорта и нереализованного импорта товаров между странами, вовлеченными в ИТП⁹.

Таблица 5. Изменения уровней защищенности национального хозяйства Австралии от внешних и внутренних угроз при реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, % от уровня защищенности национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната

	Защищенность национальной экономики Австралии в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка Австралии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Индия	0,91	0,09	0,1	-0,04	1,01	0,05	1,06
США	5,65	0,559	4,99	-1,67	10,64	-1,111	9,53
Япония	12,47	1,33	-10,25	3,97	2,22	5,3	7,52
Бруней	0,26	0,02/0	0,38	-0,16/0	0,64	-0,14/0	0,50/0,64
Н.Зеландия	2,23	0,23/0	1,3	-0,52/0	3,53	-0,29/0	3,24/3,53
Сингапур	5,03	0,52/0	-1,56	0,62/0	3,47	1,14/0	4,61/3,47
Лаос	0,244	0,024/0	0,466	-0,187/0	0,71	-0,163/0	0,547/0,71
Вьетнам	3,22	0,32/0	3,24	-1,31/0	6,46	-0,99/0	5,47/6,46
Малайзия	0,49	0,06/0	0,21	-0,08/0	0,70	-0,02/0	0,68/0,70
Мьянма	0,17	0,01/0	0,23	-0,09/0	0,40	-0,08/0	0,32/0,40
Таиланд	0,6	0,06/0	0,77	-0,30/0	1,37	-0,24/0	1,13/1,37
Филиппины	0,8	0,09/0	0,94	-0,38/0	1,74	-0,29/0	1,45/1,74
Тайвань	0,51	0,05/0	0,25	-0,10/0	0,76	-0,05/0	0,71/0,76
Камбоджа	0,324	0,029/0	0,63	-0,254/0	0,95	-0,23/0	0,73/0,95
Индонезия	0,27	0,02/0	0,36	-0,15/0	0,63	-0,13/0	0,50/0,63

Окончание табл. 5

	Защищенность национальной экономики Австралии в рамках экономического патронажа со стороны правительства и Центрального банка Австралии = 100 %						
	изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономического противоборства		изменение уровня защищенности экономики в рамках экономической кооперации и экономического противоборства		
	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	без учета реализации КСОСИТР	прирост с учетом реализации КСОСИТР	с учетом реализации КСОСИТР
1	2	3	4	5	2+4	3+5	2+3+4+5
Итого	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (только с участием США, Японии и Индии)						
	33,18	1,979	2,06	2,26	35,23	4,239	39,469
	в случае реализации Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе (с участием США, Японии, Индии, Н.Зеландии, Тайваня и стран АСЕАН)						
	33,18	3,41	2,06	-0,65	35,23	2,76	38,00
Справочно							
Китай	24,54	0	-5,66	0	18,88	0	18,88
Россия	1,27	0	0,65	0	1,92	0	1,92
Ю. Корея	8,27	0	3,19	0	11,46	0	11,46
ЕС	10,54	0	12,39	0	22,93	0	22,93

Экономическое противоборство США. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит сократить долю нереализованного товарооборота США с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2025 г. на **15,8 %** — с 34,5 (495,99 млрд долл.) до 18,7 % (268,84 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития США и структуре их товарооборота возможны отрицательные

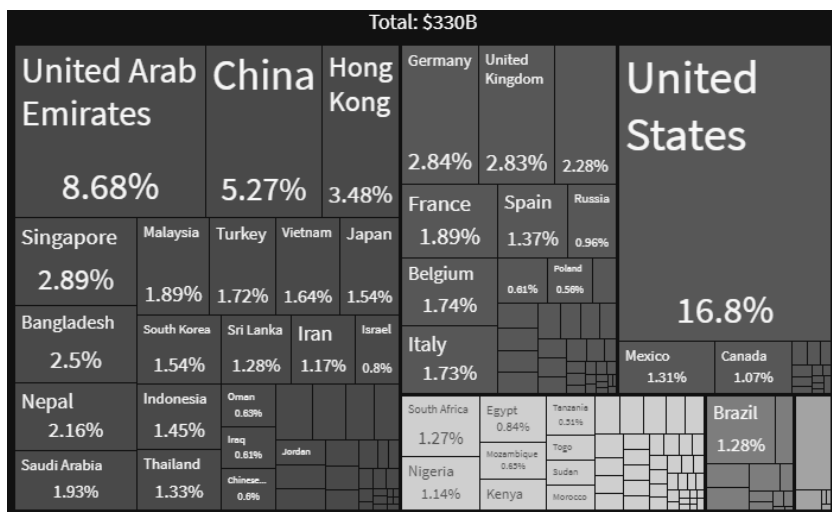

Рис. 5. Объем и доли экспорта товаров из Индии в другие страны в 2019 г. $\alpha_{exp,j,0}$ — веса финансово-экономического влияния Индии на экономики государств мира (доли «экспорта финансово-экономического влияния Индии на национальные хозяйства государств мира»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/ind/show/all/2019/

приориты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Сингапуром и Австралией.

К 2025 г. уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства США с государствами — участниками ИТП, может уменьшиться на **1,37 п.п.** — с 3,36 до 1,99 % — от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и ФРС этой страны (см. табл. 2) [Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д.].

Экономическое противоборство Японии. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит сократить долю нереализованного товарооборота Японии с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2025 г. на **16,7 %** — с 54,5 (247,9 млрд долл.) до 37,8 % (171,9 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Японии и структуре ее товарооборота возможны отрицатель-

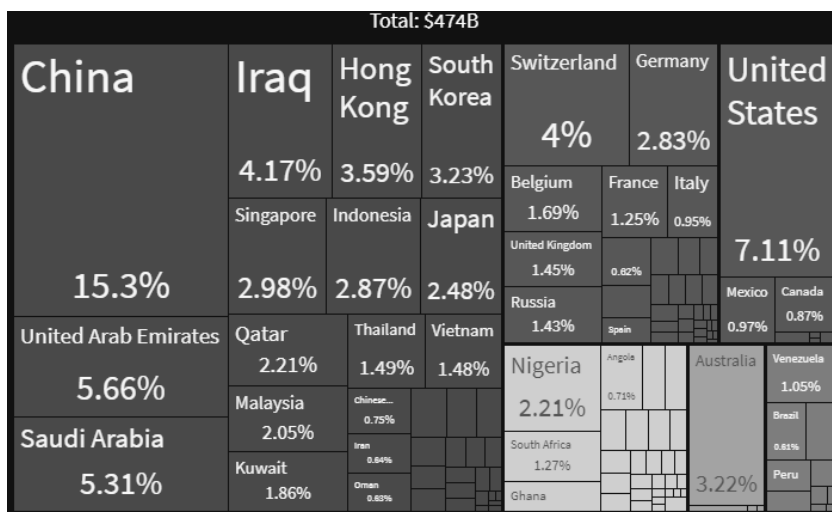

Рис. 6. Объем и доли импорта товаров в Индию из других стран в 2019 г. $\alpha_{imp,0,j}$ — веса финансово-экономического влияния государств мира на экономику Индии (доля «импорта финансово-экономического влияния государств мира на национальное хозяйство Индии»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/ind/show/all/2019/

ные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Сингапуром, США, Тайванем и Индией.

К 2025 г. уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Японии с государствами — участниками ИТП, может повыситься на **1,22 п.п.** — с $-3,30\%$ до $-1,08\%$ — от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка этой страны (см. табл. 3) [Гордиенко Д.В., 2020, Сравнительная оценка защищенности экономики Японии ...].

Экономическое противоборство Индии. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит сократить долю нереализованного товарооборота Индии с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2025 г. на **10,71%** — с $19,0\%$ до $8,29\%$.

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Индии и структуре ее товарооборота возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой стра-

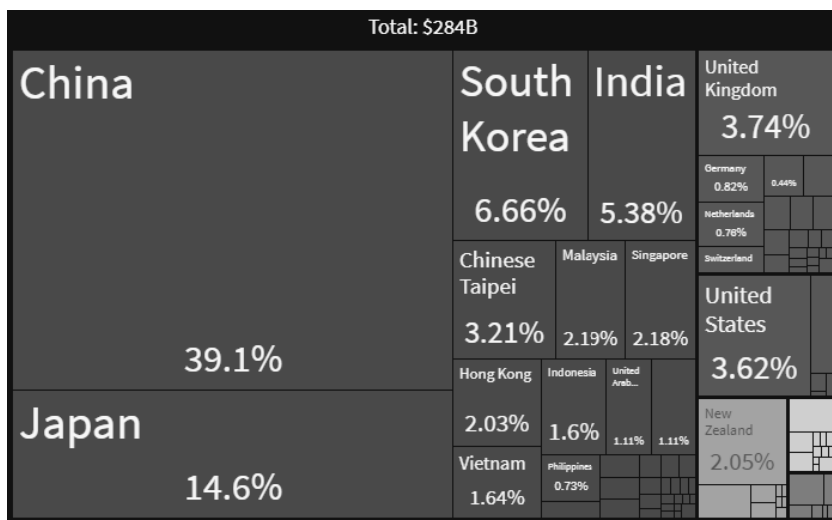

Рис. 7. Объем и доли экспорта товаров из Австралии в другие страны в 2019 г. $\alpha_{exp,j,0}$ — веса финансово-экономического влияния Австралии на экономики государств мира (доли «экспорта финансово-экономического влияния Австралии на национальные хозяйства государств мира»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/show/all/2019/

ны при продолжающемся экономическом противоборстве с Сингапуром, Вьетнамом, Малайзией, Австралией и Новой Зеландией.

К 2025 г. уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Индии с государствами — участниками ИТП, может уменьшиться на **2,49 п.п.** — с 6,19 до 3,70 % — от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Резервного банка этой страны (см. табл. 4).

Экономическое противоборство Австралии. Реализация Концепции свободной и открытой стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе позволит сократить долю нереализованного товарооборота Австралии с государствами — участниками Индо-Тихоокеанского партнерства к 2025 г. на **24,8 %** — с 60,1 (90,15 млрд долл.) до 35,3 % (52,95 млрд долл.).

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Австралии и структуре ее товарооборота возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой

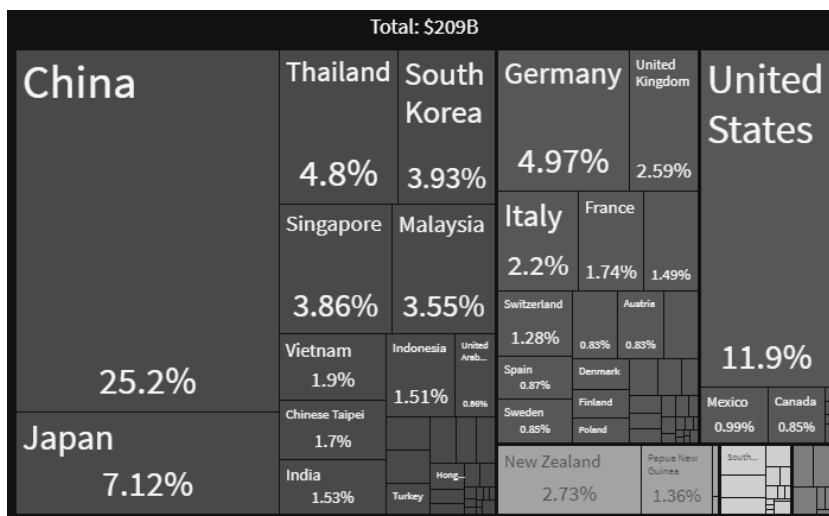

Рис. 8. Объем и доли импорта товаров в Австралию из других стран в 2019 г. $\alpha_{imp,0j}$ — веса финансово-экономического влияния государств мира на экономику Австралии (доля «импорта финансово-экономического влияния государств мира на национальное хозяйство Австралии»), %.

Источник: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/aus/show/all/2019/

страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Японией и Сингапуром.

К 2025 г. уровень экономической безопасности, реализованный в рамках экономического противоборства Австралии с государствами — участниками ИТП, может уменьшиться на **0,65 п.п.** — с 2,06 до 1,41 % — от уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната со стороны правительства и Центрального банка этой страны (см. табл. 5).

Оценка прироста уровня защищенности национальных экономик США, Японии, Индии и Австралии при реализации ИТП показала неоднозначность в обеспечении экономической безопасности этих стран¹⁰, что, как представляется, обуславливает низкие темпы реализации этого интеграционного проекта.

Таким образом, осуществление того или иного сценария экономической интеграции в Восточной Евразии, с одной стороны, может таить в себе определенные риски, но, с другой стороны, иметь возможности повышения уровня защищенности национальных экономик и

потенциальные выгоды для социально-экономического развития стран, входящих в интеграционное объединение. В связи с этим реализация интеграционных проектов должна, по нашему мнению, сопровождаться прагматичными решениями, базирующимися на оценке прироста уровня защищенности национальных экономик, входящих в эти проекты стран.

Библиографический список

Гордиенко Д.В. Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации. Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 338 с. ISBN 978-5-00024-098-4.

Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д. Обеспечение экономической безопасности Соединенных Штатов Америки при реализации глобальных интеграционных проектов // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. № 6. Т. 3 (77). С. 3—17. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Гордиенко Д.В., Камаев Р.А. Экономическая безопасность России и реализация глобальных интеграционных проектов: учебное пособие. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2020. 528 с. ISBN 978-5-00024-124-0.

Гордиенко Д.В. Концепция обеспечения экономической безопасности Российской Федерации при реализации интеграционных проектов // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 127—135. ISSN 2073-3305, NIION 2007-0062. DOI: 10.24411/2073-3305-2020-10086

Гордиенко Д.В., Сафонов М.С. Реинтеграция или дезинтеграция. Как защитить национальные интересы? Монография. М.: Научная библиотека, 2018. 384 с. ISBN 978-5-6040896-8-2.

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка защищенности экономики России при реализации глобальных интеграционных проектов. Монография. М.: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. 396 с. ISBN 978-5-94811-322-7.

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка защищенности экономики Японии при реализации глобальных интеграционных проектов // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2020. № 1. С. 7—26. ISSN 2224-669X.

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка изменения уровня экономической безопасности государств АТР при реализации глобальных интеграционных проектов / Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 24—25 октября 2018 г. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 100—101. ISBN 978-5-8381-0341-3.

References

Gordienko D.V. (2018) Global'nyye integratsionnyye proyekty: izmeneniye urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstv mira pri ikh realizatsii [Global integration projects: changing the level of economic security of the states of the world during their implementation]. Monograph. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2018. 338 p. ISBN 978-5-00024-098-4.

Gordienko D.V., Gordienko Yu.D. (2018) Obespecheniye ekonomicheskoy bezopasnosti Soyedinennykh Shtatov Ameriki pri realizatsii global'nykh integratsionnykh proyektov [Ensuring the economic security of the United States of America in the implementation of global integration projects], *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya* [Economics and Management: Problems and Solutions], 2018, no. 6, volume 3 (77). P. 3—17. ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891.

Gordienko D.V., Kamaev R.A. (2020) Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii i realizatsiya global'nykh integratsionnykh proyektov [Economic security of Russia and implementation of global integration projects]. Textbook / D.V. Gordienko, R.A. Kamaev. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2020. 528 p. ISBN 978-5-00024-124-0.

Gordienko D.V. (2020) Kontseptsiya obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii pri realizatsii integratsionnykh proyektov [The concept of ensuring the economic security of the Russian Federation in the implementation of integration projects], *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry* [Education. The science. Scientific personnel], 2020, No. 2. P. 127—135. ISSN 2073-3305, NIION 2007-0062. DOI: 10.24411 / 2073-3305-2020-10086

Gordienko D.V., Safonov M.S. (2018) Reintegratsiya ili dezintegratsiya. Kak zashchitit' natsional'nyye interesy? [Reintegration or disintegration. How to protect national interests?] Monograph. Moscow: Scientific Library Publishing House, 2018. 384 p. ISBN 978-5-6040896-8-2.

Gordienko D.V. (2020) Sravnitel'naya otsenka zashchishchennosti ekonomiki Rossii pri realizatsii global'nykh integratsionnykh proyektov [Comparative assessment of the security of the Russian economy in the implementation of global integration projects]. Monograph / D.V. Gordienko. M.: Moscow University of Finance and Law MFYuA, 2020. 396 p. ISBN 978-5-94811-322-7.

Gordienko D.V. (2020) Sravnitel'naya otsenka zashchishchennosti ekonomiki Yaponii pri realizatsii global'nykh integratsionnykh proyektov [Comparative assessment of the security of the Japanese economy in the implementation of global integration projects], *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYUA* [Bulletin of the Moscow University of Finance and Law MFLA], 2020, No. 1. P. 7—26. ISSN 2224-669X.

Gordienko D.V. (2018) Sravnitel'naya otsenka izmeneniya urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstv ATR pri realizatsii global'nykh integratsionnykh proyektov [Comparative assessment of changes in the level of economic security of the APR states during the implementation of global integration projects] / Abstracts of the XXIII International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World. History, modernity, prospects". Moscow, October 24—25, 2018. M.: IFES RAS, 2018. P. 100—101. ISBN 978-5-8381-0341-3.

Примечания

¹ URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf>

² Одним из первых распоряжений Дональда Трампа на посту президента США стал указ о выходе этой страны из Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом сотрудничестве: «*Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement*». URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific/> (дата обращения: 05.10.2017). 30 января 2017 г. Аппарат торгового представителя США в соответствии с указанием президента США Д. Трампа направил в Министерство иностранных дел и торговли Новой Зеландии, являющейся страной-депозитарием Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, официальное уведомление о выходе США из ТТП. См.: URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/us/>

В ноябре 2017 г. 11 министров торговли ТТП договорились о сотрудничестве без участия США.

³ Более подробно см., напр.: *Петровский В.* Химеры и реальности «Индо-Тихоокеанского партнерства». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20316>

⁴ В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. понятие «экономическая безопасность <государства>» определено как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство его экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов». См.: Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 12.08.2020). По нашему мнению, экономическая безопасность государства может быть представлена как состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается поступательное развитие общества, его экономическая и социально-политическая стабильность, несмотря на наличие неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

Здесь и далее под *обеспечением экономической безопасности государства* понимается процесс повышения или/и поддержания необходимого уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз на экономической территории государства. Выявленные закономерности обеспечения экономической безопасности государства позволяют определить в качестве *основных форм* обеспечения защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз: *экономический патронат, экономическую кооперацию и экономическое противоборство*.

⁵ При реализации этой формы обеспечения экономической безопасности государства в качестве показателей уровня защищенности национального хозяйства, находящегося на экономической территории государства, могут выступать соответствующие нормированные макроэкономические показатели. Значения нормированных макроэкономических показателей — частных нормированных показате-

лей экономической безопасности, характеризующих защищенность национально-го хозяйства в рамках экономического патроната, в этом случае могут быть определены по формуле:

$$\beta_{i,j} = \left\{ \begin{array}{l} \left(10^{\frac{2(P_{i,j} - P_{нор.i,j})}{P_{абс.без.i,j} - P_{нор.i,j}}} \right), \text{ если } \cdot P_{нор.i,j} \leq P_{i,j} \leq P_{абс.без.i,j} \\ \dots\dots\dots \text{или } \cdot P_{нор.i,j} \geq P_{i,j} \geq P_{абс.без.i,j} \\ \left(10^{\frac{2(P_{нор.i,j} - P_{i,j})}{P_{абс.опас.i,j} - P_{нор.i,j}}} \right), \text{ если } \cdot P_{абс.опас.i,j} \leq P_{i,j} \leq P_{нор.i,j} \\ \dots\dots\dots \text{или } \cdot P_{абс.опас.i,j} \geq P_{i,j} \geq P_{нор.i,j} \end{array} \right\},$$

где $\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства, реализованное в рамках его экономического патроната, $P_{i,j}$ — значение i -го макроэкономического показателя — частного показателя экономической безопасности j -го государства, характеризующего защищенность его национального хозяйства в рамках экономического патроната, $P_{нор.i,j}$ — значение порогового значения i -го макроэкономического показателя экономической безопасности j -го государства, $P_{абс.без.i}$ — значение i -го макроэкономического показателя экономической безопасности j -го государства, соответствующее абсолютной защищенности его национального хозяйства от внешних и внутренних угроз — *абсолютной экономической безопасности государства*, $P_{абс.опас.i,j}$ — значение i -го макроэкономического показателя экономической безопасности j -го государства, соответствующее абсолютной незащищенности его национального хозяйства от внешних и внутренних угроз — *абсолютной экономической опасности государства*.

Расчетная формула *общего (интегрального) нормированного показателя* экономической безопасности j -го государства — уровня защищенности его национального хозяйства, реализованного в рамках экономического патроната, может иметь вид:

$$У_{ЭБ(ЭПатронат),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_{i,j} \leq 100,$$

где $У_{ЭБ(ЭПатронат),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната, $\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства, $\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства. При соблюдении условия:

$$\sum_{i=1}^{19} \alpha_{i,j} = 19$$

наименьшее возможное значение общего нормированного показателя (уровня) экономической безопасности j -го государства, реализованного в рамках экономического патроната, — $У_{ЭБ(ЭПатронат),j,min} = 10^{-38}$ — соответствует *наименьшему* уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, *наиболь-*

шее возможное значение этого показателя — $У_{ЭБ}(\text{ЭПатронат})_{j,\max} = 10^{38}$ — соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства. Единичное значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства — $У_{ЭБ}(\text{ЭПатронат})_j = 1$ — соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз.

⁶ В рамках экономической кооперации обеспечивается совместное функционирование национальных хозяйств и обмен экономическими ресурсами между экономическими системами различных государств мира, иностранных и международных организаций. При реализации этой формы обеспечения экономической безопасности государства в качестве показателей уровня защищенности национального хозяйства, находящегося на экономической территории соответствующего государства, могут выступать показатели взаимовлияния экономики этого государства с различными национальными хозяйствами. Расчетная формула нормированного показателя экономической безопасности государства в рамках реализации его экономической кооперации — показателя взаимовлияния экономики этого государства с различными национальными хозяйствами — может иметь вид:

$$\beta_{s,j} = \left(\left(\prod_{i=1}^{10} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{\text{имп},j,k}}{N_j}} \times \left(\prod_{i=1}^{10} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{\text{эксп},k,j}}{N_k}} \right)^{\frac{1}{2}},$$

где $\beta_{k,j}$ — значение k -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства, реализованное в рамках его экономической кооперации с k -м национальным хозяйством (экономикой k -го государства); $\alpha_{i,j}$, $\alpha_{i,k}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (k -го) государства; $\beta_{i,j}$, $\beta_{i,k}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (k -го) государства в рамках экономического патроната правительства и центрального банка; N_j , N_k — количество частных нормированных показателей экономической безопасности, характеризующих защищенность национального хозяйства j -го (k -го) государства в рамках экономического патроната; $\alpha_{\text{имп},j,k}$, $\alpha_{\text{эксп},k,j}$ — веса финансово-экономического влияния k -го государства на экономику j -го государства (доля «импорта финансово-экономического влияния k -го государства на национальное хозяйство j -го государства») и финансово-экономического влияния j -го государства на экономику k -го государства (доля «экспорта финансово-экономического влияния j -го государства на национальное хозяйство k -го государства») в рамках их экономической кооперации в условиях глобализации; K — количество рассматриваемых (в рамках экономической кооперации) государств мира.

⁷ Нереализованный внешнеторговый товарооборот, нереализованный экспорт и нереализованный импорт товаров представляют собой разницу между максимально возможным и реализованным объемом внешнеторгового оборота, экспорта и импорта товаров.

⁸ В рамках реализации этой формы обеспечения экономической безопасности государства в качестве показателей уровня защищенности национального хозяйства, находящегося на экономической территории соответствующего государства, могут выступать показатели экономического противоборства экономики этого государства с различными национальными хозяйствами. Расчетная формула нормированного показателя экономической безопасности государства в рамках реализации его экономического противоборства — показателя противоборства экономики этого государства с различными национальными хозяйствами — может иметь вид:

$$\beta_{l,j} = \left(\frac{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{\text{нереал. imp. } j, l}} N_j}{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\alpha_{\text{нереал. exp. } l, l}} N_l} \right), 0,01 \leq \left(\frac{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\alpha_{\text{нереал. imp. } j, l}} N_j}{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\alpha_{\text{нереал. exp. } l, l}} N_l} \right) \leq 100,$$

где $\beta_{l,j}$ — значение l -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства, реализованное при его экономическом противоборстве с l -м национальным хозяйством (экономикой l -го государства); $\alpha_{i,j}$, $\alpha_{i,l}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (l -го) государства; $\beta_{i,j}$, $\beta_{i,l}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (l -го) государства, реализованного в рамках экономического патронажа правительства и Центрального банка; N_j , N_l — количество частных нормированных показателей экономической безопасности, характеризующих защищенность национального хозяйства j -го (l -го) государства в рамках экономического патронажа; $\alpha_{\text{нереал. imp. } j, l}$, $\alpha_{\text{нереал. exp. } l, l}$ — веса нереализованного финансово-экономического влияния l -го государства на экономику j -го государства (доля «нереализованного импорта финансово-экономического влияния l -го государства на национальное хозяйство j -го государства») и нереализованного финансово-экономического влияния национального хозяйства j -го государства на экономику l -го государства (доля «нереализованного экспорта финансово-экономического влияния j -го государства на национальное хозяйство l -го государства») в рамках их экономического противоборства в условиях глобализации; L — количество рассматриваемых (в рамках экономического противоборства) государств мира.

⁹ Как представляется, веса нереализованного финансово-экономического влияния государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства на экономику государств мира (доли «нереализованного импорта финансово-экономического влияния государств — участников ИТП на национальные хозяйства других государств») и нереализованного финансово-экономического влияния национальных хозяйств других государств мира на экономику государств — участников ИТП (доли «нереализованного экспорта финансово-экономического влияния других государств на национальные хозяйства государств — участников ИТП») в рамках экономического противоборства и веса финансово-экономического влияния государств — участников Индо-Тихоокеанского партнерства на экономику госу-

дарств мира (доли «импорта финансово-экономического влияния государств — участников ИТП на национальные хозяйства государства мира») и финансово-экономического влияния государств мира на экономику государств — участников ИТП (доли «экспорта финансово-экономического влияния государств мира на национальные хозяйства государств — участников ИТП») в рамках их экономической кооперации в условиях глобализации являются однопорядковыми величинами.

¹⁰ Положительный прирост уровня защищенности национальных экономик при реализации ИТП имеется у Японии и Австралии. Для США положительный прирост может быть только при ограничении количества участников соглашения странами «*Quad*». Отрицательный прирост уровня защищенности национальных экономик при реализации ИТП наблюдается у Индии (см. табл. 2—5).

Ю.В. Кулинцев

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ*

Аннотация. Статья посвящена анализу условий реализации российского проекта Большого евразийского партнерства, изучению причин его появления и характера интеграции в региональную систему международных отношений.

В статье опровергается позиция ряда зарубежных политологов, заявляющих о неизбежной конкуренции российского и китайского интеграционных проектов. В ней также приводятся возможные направления координации интеграционных процессов в Евразии, при этом особый акцент сделан на анализе преимуществ Большого евразийского партнерства перед инициативой «Пояса и пути».

Россия воспринимает евразийское пространство как территорию, на которой простираются ее стратегические геополитические интересы. С целью защиты своих позиций и усиления своего влияния в регионе была инициирована идея Большого евразийского партнерства, которое позволяет обеспечивать политическую стабильность и создавать благоприятные условия для выстраивания новых форматов экономического сотрудничества при сохранении гарантий социальной безопасности его участников.

Инициация Россией проекта Большого евразийского партнерства делает ее одним из ведущих участников евразийского интеграци-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского совета по международным делам: «Россия и Китай: партнерство в контексте вызовов безопасности и развития в АТР».

онного процесса, наравне с Китаем, который реализует собственную интеграционную повестку в рамках проекта ЭПШП.

Автор приходит к выводу, что эффективная реализация интеграционных процессов в Евразии напрямую зависит от успешного выстраивания отношений стратегического взаимодействия со странами СНГ, ШОС, АСЕАН и Большого Востока.

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство, евразийская интеграция, Россия, Китай, инициатива «Пояса и пути».

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-4906-6866;
E-mail: kulintsev.y@ ifes-ras.ru

Kulintsev Y.V.

Prospects for the implementation of the Russian initiative for Greater Eurasia in the new conditions*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the conditions for the implementation of the Russian project of the Greater Eurasian Partnership (GEP), the study of the reasons for its emergence and the nature of integration into the regional system of international relations.

The article refutes the position of a number of foreign political scientists who claim that there is inevitable competition between Russian and Chinese integration projects. It also provides possible directions for the coordination of integration processes in Eurasia, with a special emphasis on analyzing the advantages of the Greater Eurasian Partnership over the Belt and Road initiative.

Russia perceives the Eurasian space as a territory on which its strategic geopolitical interests extend. In order to protect their positions and strengthen their influence in the region, the idea of a Greater Eurasian Partnership was initiated, which allows ensuring political stability and creating favorable conditions for building new formats of economic cooperation while maintaining guarantees of the social security of its participants.

Russia's initiation of the Greater Eurasian Partnership project makes it one of the leading participants in the Eurasian integration process, along with China, which is implementing its own integration agenda within the SREB project.

From the outside, it may seem that the GEP project has a competitor in the Eurasian space in the person of the Chinese SREB, that tensions will inevitably arise between Russia and China, caused by a conflict of interests.

* The article has been prepared within the project of the Russian International Affairs Council: "Russia and China: partnership in the context of security and development challenges in the APR".

However, a detailed study of the political actions of Moscow and Beijing allows us to conclude that in practice an absolutely opposite scenario is being realized. Taking into account the geopolitical risks to which unjustified competition in Eurasia leads, the political leaders of the two countries propose such formats of bilateral cooperation that allow them to focus not on rivalry, but on constructive cooperation and consideration of mutual interests, that is, on conjunction of their integration projects.

The author comes to the conclusion that the effective implementation of integration processes in Eurasia directly depends on the successful building of relations of strategic interaction with the CIS, SCO, ASEAN and Middle East countries.

Keywords: Greater Eurasian Partnership, Eurasian integration, Russia, China, Belt and Road Initiative.

Author: Kulintsev Yury V., Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-4906-6866. E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Россия воспринимает евразийское пространство как территорию, на которой простираются ее стратегические геополитические интересы. С целью защиты своих позиций и усиления своего влияния в регионе была инициирована идея Большого евразийского партнерства (БЕП). Прежде всего, БЕП является проектом, который позволяет обеспечивать политическую стабильность и создавать благоприятные условия для выстраивания новых форматов экономического сотрудничества при сохранении гарантий социальной безопасности его участников.

Одним из основных принципиальных тезисов, которые были заложены в идею Большой Евразии, является постулат о том, что российская инициатива не направлена на противодействие или конкуренцию с китайской инициативой «Пояса и пути», а, напротив, призвана выполнять связующую функцию между различными евразийскими интеграционными проектами, которые уже осуществляются и планируются к реализации, в частности ЕАЭС и ШОС.

В выступлениях политических лидеров России, начиная с 2015 г., стала активно использоваться внешнеполитическая риторика, указывающая на намерения Москвы поддержать или даже стимулировать формирование единого интеграционного экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. В тот же период политические эксперты констатировали усиление интереса ряда соседних государств к активизации интеграционных связей с Россией [Поволжский].

Следует учитывать, что российская инициатива Большого евразийского партнерства была инициирована в условиях, когда на пространстве Евразии уже были запущены процессы региональной интеграции. СНГ, ШОС, Таможенный союз, эволюционировавший затем в ЕАЭС, китайская концепция «Экономического пояса Шелкового пути», как часть более масштабной инициативы «Пояса и пути» (ИПП) — все эти проекты имели ряд общих черт — широкий охват участвующих сторон, масштабность и долгосрочность, интеграционная составляющая, пересекающийся состав стран-участниц, корреляция поставленных целей. Таким образом, возникла объективная необходимость по формированию новых общих принципов, которые позволили бы синхронизировать ход интеграционных процессов в Евразии.

С концептуальной точки зрения идея Большой Евразии впервые была рассмотрена политологами международного дискуссионного клуба «Валдай», которые предложили ее российской политологической элите в рамках аналитического доклада «К Великому океану» [К Великому океану...]. В указанном исследовании были выявлены и систематизированы внутренние и внешние проблемы, с которыми сталкиваются участники евразийских интеграционных инициатив.

В результате комплексного анализа геополитических, экономических и социальных факторов был сделан вывод, что странам-участницам будет выгодно своеобразное объединение различных интеграционных инициатив в рамках какого-либо одного общего проекта, получившего название Большой Евразии. В качестве одного из ключевых аргументов приводился тезис о том, что данный проект будет способствовать координации совместных усилий в ходе реализации процессов интеграции в Евразии.

Ряд зарубежных политологов, в том числе китайских [Li Ziguo, 2017], отмечает, что озвученная российским лидером идея Большого евразийского партнерства в значительной степени базируется на научной концепции, изложенной в докладе, который был представлен Валдайским клубом.

В 2016 г. в ходе выступления на Петербургском международном экономическом форуме В. Путин впервые рассказал международной аудитории о российском видении Большого евразийского партнерства, куда предлагалось включить страны СНГ, ЕАЭС, ШОС, и которое является открытым для присоединения других государств и международных интеграционных проектов [Стенограмма выступления В. Путина...].

Анализ приведенных фактов позволяет сделать вывод о том, что приоритетным направлением в работе БЕП является формирование новых форматов межгосударственного взаимодействия на пространстве Евразии, при этом одним из ключевых условий выступает поддержка идеи сопряжения евразийской интеграции и китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути».

Проект БЕП с географической точки зрения охватывает территорию всей Евразии и распространяется за пределы бывших советских республик, это говорит о том, что евразийская интеграция в понимании российской стороны должна охватывать не только страны СНГ, но и страны Азии, Ближнего Востока. В этом смысле полноформатное взаимодействие Москвы и Пекина на стратегическом уровне имеет крайне важное значение для формирования положительных результатов сопряжения инициатив России и Китая, и в конечном счете для построения БЕП [Лузянин С.Г., Клименко А.Ф.].

Инициация Россией проекта Большого евразийского партнерства делает ее одним из ведущих участников евразийского интеграционного процесса, наравне с Китаем, который реализует собственную интеграционную повестку в рамках проекта ЭПШП.

Китайский проект, который сейчас называется инициативой «Пояса и пути», был выдвинут лидером Китая в 2013 г. ИПП объединяет две крупных формата — «Экономический пояс Шелкового пути», простирающийся из Китая в Западную Европу, и «Морской Шелковый путь XXI века», который идет из Китая через Индийский океан в направлении Средиземного моря. Изначально воспринимаемый как трансграничный проект инфраструктурного развития, инициатива «Пояса и пути» фактически стала отражением представлений политической элиты Пекина о более широком понимании евразийской интеграции, осуществляемой в контексте китайских инициатив [Rolland Nadege, 2017]. Пять основных направлений сотрудничества, продвигаемых в рамках ИПП — координация политических усилий; инфраструктурное строительство; беспрепятственная торговля; финансовая интеграция и активизация контактов между людьми — служат конечной цели построения «сообщества единой судьбы человечества» — концепции, предложенной Си Цзиньпином международному сообществу в качестве базовой стратегии в развитии социализма с китайской спецификой в новую эпоху [Ли Хуэй].

Если сравнивать ИПП с БЕП и ЕАЭС, то преимуществом китайской инициативы являются крупные инвестиции, которые Пекин обещает выделять участвующим сторонам. Это стало одним из ключе-

вых факторов, объясняющих почему десятки стран так охотно заявили об участии в китайском проекте.

Со стороны может показаться, что у проекта БЕП имеется конкурент на евразийском пространстве в лице китайского ЭПШП, что между Россией и Китаем неминуемо возникнет напряженность, вызванная конфликтом интересов. Однако детальное изучение политических действий Москвы и Пекина позволяет сделать вывод о том, что на практике реализуется абсолютно противоположный сценарий. Учитывая геополитические риски, к которым ведет необоснованная конкуренция в Евразии, политические руководители двух стран предлагают такие форматы двустороннего сотрудничества, которые позволяют делать акцент не на соперничестве, а на конструктивном сотрудничестве и учете взаимных интересов, то есть на сопряжении своих интеграционных проектов.

Подтверждением того, что Москва и Пекине готовы целенаправленно взаимодействовать по вопросам евразийской интеграции, стала встреча лидеров двух стран весной 2015 г., на которой было подписано Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП [Совместное заявление..., 2015] и которое стало «залогом укрепления региональной экономической интеграции и гарантировало поддержание мира и стабильности на евразийском пространстве» [China, Russia Agree...]. Совместные инвестиции, транспортно-инфраструктурное развитие и создание в долгосрочной перспективе зоны свободной торговли между КНР и Евразийским экономическим союзом стали фундаментом для развития экономического сотрудничества в Евразии. На их основе возникли переговорные форматы, в рамках которых стало возможным вырабатывать новые инициативы и обсуждать конкретные проекты.

Во время государственного визита В. Путина в Китай летом 2016 г. было сделано совместное заявление глав двух стран, в котором было отмечено, что «Москва и Пекин готовы координировать свои стратегии развития Евразии и продвигать идею строительства евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов» [Совместное заявление..., 2016].

Данная тенденция была продолжена в последующие годы. В 2017 г. во время государственного визита китайского лидера в Москву стороны объявили «о дальнейшем укреплении отношений в рамках всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Москвой и Пекином» [Совместное заявление..., 2017]. Минэкономразвития РФ и Министерство коммерции КНР подписали со-

вместное заявление о совместном технико-экономическом обосновании Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве [Документы, подписанные по итогам...].

Одним из важных достижений переговорного процесса стала выработка единого подхода к реализации «суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела» и пониманию термина «взаимного уважения выбранных путей развития» [Li Yongquan].

Процесс формирования интеграционного потенциала БЕП осуществляется Россией при поддержке китайской стороной в рамках обмена визитами на высшем уровне, за счет включения соответствующих заявлений в общие итоговые заявления и декларации. При этом сторонами были налажены постоянные обмены визитами на высшем и среднем уровнях, включая поддержание регулярного диалога между главами министерств, ведомств, а также встречи руководителей профильных департаментов, отвечающих за развитие международного сотрудничества.

Научное сообщество также было привлечено к разработке стратегии российско-китайского взаимодействия. Политические эксперты предлагали свои идеи по осуществлению сопряжения интеграционных инициатив Москвы и Пекина. Например, Российский совет по международным делам, один из ведущих отечественных аналитических центров, реализует проект «Россия и Китай: партнерство в контексте вызовов безопасности и развития в АТР» [Проект: Россия и Китай...]. С китайской стороны также осуществляется проект при грантовой поддержке государства «Изучение возможностей сопряжения тенденций развития ИПП и БЕП» [Yang Lei]. Рекомендации политологов двух стран совпадает в том, что обе интеграционные инициативы должны взаимодополнять друг друга, но не выступать препятствием для развития.

Методология аналитической работы в данном случае подразумевает тщательный анализ внутренней риторики, которая ведется на экспертном уровне, а также внимательное изучение официальных заявлений политического руководства и высших должностных лиц по тематике БЕП и ИПП [Кулинцев Ю.В. Мониторинг...]. Работа на семинарах и конференциях с участием ведущих политиков и экспертов [Пятая международная конференция...] позволяет ознакомиться с аналитическими материалами, на основе которых формируются экспертные рекомендации для лиц, принимающих политические решения.

Основная позиция российских экспертно-академических кругов заключается в стремлении найти общие интересы и строить БЕП, работая в сотрудничестве с Китаем. Значительная часть российских

аналитиков рассматривает китайскую ИПП не как глобальную геополитическую стратегию, а как экономический проект, ориентированный, прежде всего, на решение внутренних задач Китая [К Великому океану...]. Другая часть представителей экспертного сообщества критикует китайский проект за то, что у него отсутствуют четко заявленные цели, критерии оценки и временные рамки [Gabuev]. В то же время высказываются идеи о том, что ИПП может стать для Москвы полезным инструментом в достижении своих целей [Timofeev, Lissovolik and Filippova].

Неблагоприятная экономическая конъюнктура и дефицит финансовых ресурсов России для реализации своих приоритетных целей развития могут быть какой-то мере компенсированы за счет участия в инициативе «Пояса и пути», что позволяет получить поддержку в создании региональной инфраструктуры, нарастить транзитный потенциал ЕАЭС, получить дополнительные геополитические бонусы в виде формирования партнерства нового типа, отвечающего вызовам со стороны новых экономических объединений, к участию в которых не были приглашены ни Россия, ни Китай. Данные аргументы подтверждают стремление Москвы координировать с Пекином свои позиции в рамках интеграции БЕП в систему региональных отношений.

Некоторые китайские эксперты полагают, что проект Большого евразийского партнерства — это геополитическая стратегия Москвы, которая призвана восстановить политическое, экономическое и военное влияние России в постсоветских республиках [Zhao Chuanjun, Xiao Wenhui]. В то же время события в Украине в 2014 г. рассматриваются как основной момент, который стал причиной того, что Кремль изменил приоритеты своей внешней политики, начав делать акцент на концепции Большой Евразии. Такой подход к интерпретации направлений российской внешней политики выглядит несколько упрощенным и не учитывает ряд важных фактов. А именно, первопричиной «поворота России на Восток» не были санкции США и стран Европы [Кулинцев Ю.В. Россия...]. Смещение внешнеполитического фокуса Москвы от Большой Европы в сторону Азии — это геополитический и стратегический выбор российского политического руководства. Его основы закладывались в 2001 г., когда с Китаем был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Нарастивание российско-китайского сотрудничества в первом десятилетии XXI века происходило постепенно и параллельно с превращением Азиатско-Тихоокеанского региона в центр глобального экономического развития.

Не следует забывать, что 400-миллиардный газовый контракт с Китаем, подписанный в 2015 г., начал обсуждаться именно 2006—2007 гг. Затем в 2009 г. была заключена самая крупная на тот момент в истории двусторонних отношений сделка по сотрудничеству в топливно-энергетической сфере, а именно в нефтяной отрасли, на сумму около 100 миллиардов долл., которую журналисты называли «сделкой века» [Россия и Китай...]. Срок действия подобных контрактов рассчитывается как минимум на 20—30 лет и говорит о целенаправленном долгосрочном планировании рынков сбыта российской стороной. Таким образом, Москва задолго до украинских событий начала развивать азиатский вектор политико-экономического сотрудничества, что впоследствии реализовалось в идею Большого евразийского партнерства.

Некоторые китайские политологи отмечают опасения Москвы относительно инициативы «Пояса и пути», как позволяющей снизить российское влияние в странах ЦА [Jiao Yiqiang]. Недовольство российской стороны вызывает асимметрия внешнеэкономических возможностей Москвы и Пекина. ИПП имеет потенциал, чтобы быть использованной Китаем в качестве инструмента для трансформации экономического превосходства в политическое влияние.

Выдвижение БЕП является ответом на вызовы, которые ведут к снижению влияния России в регионе, а также позволяет усилить позиции Москвы в странах ЦА, Большого Востока и АСЕАН. При этом, базовые интересы Китая в регионе совпадают с интересами России, что говорит о потенциальном наличии большего количества точек взаимного развития, чем оснований для возникновения конкуренции между интеграционными инициативами БЕП и ИПП [Yang Lei].

В плане экономики оба проекта отдают приоритет развитию транспортной инфраструктуры в Евразии, формированию новых транзитных коридоров и активизации торговли. С геополитической точки зрения, несмотря на наличие конфликтного потенциала, его значение настолько мало, что он не сможет оказать существенного негативного влияния на реализацию двустороннего сотрудничества в среднесрочной перспективе. Однако в долгосрочном плане, когда интеграционные процессы в Евразии войдут в завершающую фазу, китайские аналитики не исключают, что Москва может заявить о новых, более амбициозных целях.

Еще одним фактором, который обуславливает причины инициации идеи Большого евразийского партнерства и инициативы «Пояса и пути», является сложившийся международный порядок, при котором доминирующее положение занимают западные страны. Не зависимо

от того, кто занимает президентское кресло в Овальном кабинете, внешнеполитический дискурс Белого дома остается направленным против Москвы и Пекина, а действия администрации США ориентированы исключительно на сдерживание экономического развития России и Китая [Rolland Nadege, 2019]. Именно поэтому развитие экономического взаимодействия на пространстве Евразии между Пекином и Москвой является одним из необходимых условий обеспечения социальной и политической стабильности в регионе.

Поддержание стабильности и безопасности в странах ЦА отвечает общим интересам Москвы и Пекина. В этом контексте Большое евразийское партнерства является более привлекательным для международных игроков проектом, так как позволяет опираться на опыт России для решения внутренних региональных проблем, включая комплекс культурных различий и вызовы безопасности.

Выводы

1. Драйверами региональной интеграции на пространстве Евразии в ближайшем обозримом будущем будут выступать два крупнейших игрока — Россия и Китай. Интеграционные инициативы, выдвигаемые различными странами, требуют выработки нового подхода к условиям их совместной реализации в целях повышения эффективности процессов евразийской интеграции.

2. Достижению положительных результатов в деятельности Большого евразийского партнерства будет способствовать расширение состава участников, включение в проект стран СНГ, стран Большого Востока и стран АСЕАН. Дополнительными факторами, позволяющими повысить уровень экономического взаимодействия, являются сопряжение с китайской инициативой «Пояса и пути» и использование потенциала ШОС.

3. В нормативных документах, определяющих направления и характер развития ШОС и инициативы «Пояса и пути», заложены схожие принципы, такие как приоритетность взаимовыгодного сотрудничества, равноправие больших и малых государств, уважение к различным формам государственного устройства, отсутствие навязывания условий политического развития. В результате ШОС и китайская ИПП активно стимулируют процесс формирования многополярной системы международных отношений, на укрепление которой также направлено Большое евразийское партнерство.

4. В современных международных отношениях ресурсы региональных организаций создают серьезные возможности для развития

политического и экономического взаимодействия даже в условиях санкций и торговых ограничений со стороны некоторой части мирового сообщества. Выработанные ШОС механизмы межправительственного сотрудничества позволяют адаптировать деятельность международных институтов и интеграционных инициатив к новым геополитическим реалиям. В данном контексте рост авторитета ШОС и ее интеграция в систему региональных экономических отношений превращают указанную структуру в мощный инструмент всестороннего развития на пространстве Евразии.

5. Проект БЕП не выступает конкурентом китайской инициативы «Пояса и пути» и не ведет к возникновению напряженности между Китаем и Россией. Действия политических руководителей двух стран показывают, что Москва и Пекин осознают риск возникновения геополитического соперничества, поэтому в совместных заявлениях последовательно указывается на приверженность выстраиванию взаимовыгодного сотрудничества, позволяющему совместно реализовывать интеграционные инициативы.

Библиографический список

Документы, подписанные по итогам официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в РФ. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5217> (дата обращения: 12.01.2021).

К Великому океану — 3. ЭПШП и приоритеты совместного развития европейских государств. 04.06.2015. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikom-u-okeanu-3/>; К великому океану — 4: поворот на Восток. май 2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/12395/>; К великому океану — 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. сентябрь 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17048/> (дата обращения: 12.01.2021).

Кулинец Ю.В. Мониторинг ключевых событий российско-китайских отношений в 2015 г. — I квартале 2016 г. // Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 93 с.

Кулинец Ю.В. Россия повернулась к Китаю всерьез и надолго. 07.04.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/turn2china> (дата обращения: 12.01.2021).

Ли Хуэй. Китай предложил миру новый путь. 23.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/23/chislo-storonnikov-koncepcii-soobshchestva-edinoj-sudby-v-mire-rastet.html> (дата обращения: 12.01.2021).

Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства // Китай в мировой и ре-

гиональной политике. История и современность. Выпуск XXIV. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 101.

Пятая международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху». 19.12.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/conferencereports/ryataya-mezhdunarodnaya-konferentsiya-rossiya-i-kitay-sotrudnichestvo-v-novuyu-epokhu/> (дата обращения: 12.01.2021).

Поволоцкий Г. «Интеграция интеграций». Заседание Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации. 24.11.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14197> (дата обращения: 12.01.2021).

Проект: Россия и Китай: партнерство в контексте вызовов безопасности и развития в АТР. URL: <https://russiancouncil.ru/projects/bilateral/russia-china/> (дата обращения: 12.01.2021).

Россия и Китай: «сделка века». 18.06.2009. URL: <https://www.eg-online.ru/news/70626/> (дата доступа: 19.01.2021).

Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 12.01.2021).

Совместное заявление РФ и КНР. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (дата обращения: 12.01.2021).

Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 12.01.2021).

Стенограмма выступления В.Путина на ПМЭФ-2016. 17.06.2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (дата обращения: 12.01.2021).

China, Russia Agree to Integrate Belt Initiative with EAEU Construction. 09.05.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-05/09/c_134222936.htm (accessed: 12 January, 2021).

Gabuev A. (2017), Belt and Road to Nowhere. 24 May 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/70061> (accessed: 12 January, 2021).

Jiao Yiqiang. You Ren Zhi Fenqi Dao Hezuo Gongshi [From Cognitive Differences to Cooperation Consensus] // Dangdai Yatai [Contemporary Asia Pacific], 2018, vol. 4. URL: <https://www.ydylcn.com/zjgd/334409.shtml> (accessed: 19 January, 2021). (In Chinese).

Li Yongquan. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two Be Linked? // Journal of Eurasian Studies, July 2018, vol. 9, no. 2, pp. 94–99.

Li Ziguo. Da Ouya huoban guanxi: chongsu Ouya xin zhixu [Greater Eurasian Partnership: Reshaping the Eurasian Order] // Guoji Wenti Yanjiu [International Studies], 2017, vol. 1, pp. 44–58. (In Chinese).

Rolland Nadege. A China–Russia Condominium over Eurasia // IISS. Global Politics and Strategy. January 2019, Vol. 61, pp. 7–22.

Rolland Nadege. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Seattle, WA: National Bureau of Asian Research, 2017, 420 p.

Timofeev Ivan, Yaroslav Lissovolik and Ludmila Filippova. Russia's Vision of the Belt and Road Initiative: From the Rivalry of the Great Powers to Forging a New Cooperation Model in Eurasia // China and World Economy, 2017, vol. 25, no. 5, p. 65.

Yang Lei. Eluosi "Da Ouya" vs Zhongguo "Yidai Yilu" [Russia's Greater Eurasia vs China's Belt and Road]. 28 January 2016. URL: https://pit.ifeng.com/a/20180126/55485771_0.shtml?_cpb_xinxiliu_xgtj (accessed: 19 January, 2021). (In Chinese).

Zhao Chuanjun and Xiao Wenhui. Zhongguo Ying Ruhe Huiying Pujing de "Da Ouya Huoban Guanxi" Jihua [How Should China Respond to Putin's 'Greater Eurasian Partnership' Plan] // Jingji Yanjiu Daokan [Economic Research Guide], 2017, no. 6, pp. 21—34. (In Chinese).

References

China, Russia Agree to Integrate Belt Initiative with EAEU Construction. 09.05.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-05/09/c_134222936.htm (accessed: 12 January, 2021).

Dokumenty, podpisannye po itogam oficial'nogo vizita Predsedatelya KNR Si Czin'pina v RF [Documents signed following the official visit of the President of the People's Republic of China Xi Jinping to the Russian Federation]. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5217> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Gabuev A. (2017), Belt and Road to Nowhere. 24 May 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/70061> (accessed: 12 January, 2021).

Jiao Yiqiang (2018). You Ren Zhi Fenqi Dao Hezuo Gongshi [From Cognitive Differences to Cooperation Consensus], Dangdai Yatai [Contemporary Asia Pacific], vol. 4. URL: <https://www.ydylcn.com/zjgd/334409.shtml> (accessed: 19 January, 2021). (In Chinese).

K Velikomu okeanu — 3. EPSHP i priorityty sovместnogo razvitiya evrazijskih gosudarstv [Towards the Great Ocean — 3. The SREB and the priorities of the joint development of the Eurasian states]. 04.06.2015. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/k-velikomu-okeanu-3/>; K velikomu okeanu — 4: povorot na Vostok [To the great ocean — 4: Pivot to the East]. May 2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/12395/>; K velikomu okeanu — 5: ot povorota na Vostok k Bol'shoj Evrazii [Towards the great ocean — 5: from turning to the East to Greater Eurasia]. September 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17048/> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Kulintsev, Y. V. (2016-a). Monitoring klyuchevyh sobytij rossijsko-kitajskih otnoshenij v 2015 g. — I kvartale 2016 [Monitoring of key events in Russian-Chinese relations in 2015 — I quarter of 2016], *Russian-Chinese Dialogue: Model 2016: Report № 25/2016*. Moscow, RIAC, 93 p.

Kulintsev, Y. V. (2016-b). Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2016: doklad Rossiya povernulas' k Kitayu vs'er'ez i nadolgo [Russia turned to China seriously and for a long

time]. 07.04.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/turn2china> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Li Hui (2019). Kitaj predlozhit miru novyj put' [China has offered the world a new path]. 23.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/23/chislo-storonnikov-koncepcii-soobschestva-edinoj-sudby-v-mire-rastet.html> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Li Yongquan (2018). The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two Be Linked? *Journal of Eurasian Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 94–99.

Li Ziguo (2017). Da Ouya huoban guanxi: chongsu Ouya xin zhixu [Greater Eurasian Partnership: Reshaping the Eurasian Order], *Guoji Wenti Yanjiu* [International Studies], vol. 1, pp. 44–58. (In Chinese).

Luzyanin, S.G., Klimenko, A.F. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v SHOS po realizacii koncepcii Bol'shogo evrazijskogo partnerstva [Cooperation between Russia and China in the SCO to implement the concept of the Greater Eurasian Partnership], *China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXIV*, Moscow, IFES RAS, p.101. (In Russian).

Pyataya mezhdunarodnaya konferenciya «Rossiya i Kitaj: sotrudnichestvo v novuyu epohu» [Fifth International Conference “Russia and China: Cooperation in a New Era”]. 19.12.2019. URL: https://russiancouncil.ru/activity/conferencereports/pya_taya-mezhdunarodnaya-konferentsiya-rossiya-i-kitaj-sotrudnichesttayv-novuyunarod_hu/ (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Povolotskiy, G. (2015). «Integraciya integracij». Zasedanie Integracionnogo kluba pri Predsedatele Soveta Federacii [Integration of integrations. Meeting of the Integration Club under the Chairman of the Federation Council]. 24.11.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14197> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Proekt: Rossiya i Kitaj: partnerstvo v kontekste vyzovov bezopasnosti i razvitiya v ATR [Project: Russia and China: Partnership in the Context of Security and Development Challenges in the Asia-Pacific Region]. URL: <https://russiancouncil.ru/projects/bilateral/russia-china/> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Rolland Nadege (2017). China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Seattle, WA: National Bureau of Asian Research, 420 p.

Rolland Nadege (2019). A China—Russia Condominium over Eurasia, *IISS. Global Politics and Strategy*, Vol. 61, pp. 7–22.

Rossiya i Kitaj: «sdelka veka» [Russia and China: “The deal of the century”]. 18.06.2009. URL: <https://www.eg-online.ru/news/70626/> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva EAES i EPSHP [Joint statement of the Russian Federation and China on cooperation in conjunction with the construction of the EAEU and the SREB]. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR [Joint statement of the Russian Federation and the PRC]. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o dal'nejshem uglublennii otnoshenij vseob"emlyushchego partnyorstva i strategicheskogo vzaimodejstviya [Joint statement of the Russian Federation and China on the further deepening of relations of comprehensive partnership and strategic interaction]. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Stenogramma vystupleniya V.Putina na PMEФ-2016 [Transcript of Vladimir Putin's speech at SPIEF-2016]. 17.06.2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (accessed: 19 January, 2021). (In Russian).

Timofeev Ivan, Yaroslav Lissovlik and Ludmila Filippova (2017). Russia's Vision of the Belt and Road Initiative: From the Rivalry of the Great Powers to Forging a New Cooperation Model in Eurasia, *China and World Economy*, vol. 25, no. 5, p. 65.

Yang Lei (2016), Eluosi "Da Ouya" vs Zhongguo "Yidai Yilu" [Russia's Greater Eurasia vs China's Belt and Road], *Ifeng*, 28 January 2016. URL: https://pit.ifeng.com/a/20180126/55485771_0.shtml?_cpb_xinxiliu_xgtj (accessed: 19 January, 2021). (In Chinese).

Zhao Chuanjun and Xiao Wenhui (2017). Zhongguo Ying Ruhe Huiying Pujing de "Da Ouya Huoban Guanxi" Jihua [How Should China Respond to Putin's 'Greater Eurasian Partnership' Plan], *Jingji Yanjiu Daokan* [Economic Research Guide], no. 6, pp. 21–34.

С.В. Уянаев

ПОДХОДЫ КИТАЯ К КОНЦЕПЦИИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРЕХСТОРОННЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ, ИНДИИ И КИТАЯ

Аннотация. Говоря о концепции Индо-Тихоокеанского региона, трудно обойтись без обсуждения фактора **Китая**, в том числе рассмотрения вопроса о китайских подходах и оценках. В КНР вряд ли могли остаться безучастными к столь масштабной идейно-практической новации, которая затрагивает понимание Китаем своих неуклонно растущих глобальных и региональных интересов. Ведь речь идет о стране, которая в текущем столетии выдвинулась в первый ряд безусловных мировых лидеров, официально называет свой международный курс внешней политикой «великой державы с китайской спецификой»¹, еще десяток лет назад заявила о задаче «широкого экономического выхода за рубеж», а ныне реализует ее в виде трансконтинентальной программы нового сухопутного и морского «Шелкового пути» (инициатива «Пояс и путь»). Современный «Шелковый путь» в видении китайских политиков и экспертов протянулся как минимум от восточного побережья КНР, через многие азиатские и африканские страны, к западной Европе. Весь спектр своих широких международных интересов Китай не может не проецировать на обширные сухопутные и водные пространства. В том числе речь, естественно, идет и о бассейнах Тихого и Индийского океанов.

Ключевые слова: ШОС, Индия, Россия, Китай, Индо-Тихоокеанский регион, внешняя политика, экономика.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com

S.V. Uyanaev

China's approaches to the concept of the Indo-pacific region and its impact on the trilateral cooperation of Russia, India and China

Abstract. Speaking about the concept of the Indo-Pacific region, it is difficult to do without discussing the China factor, including considering the issue of Chinese approaches and assessments. The PRC could hardly remain indifferent to such a large-scale ideological and practical innovation, which affects China's understanding of its steadily growing global and regional interests. After all, we are talking about a country that has moved to the first row of undisputed world leaders in the current century, officially calls its international course the foreign policy of a "great power with Chinese characteristics", a dozen years ago declared the task of "broad economic access abroad", and now implements it in the form of a trans-continental program of a new land and sea "Silk Road" (the Belt and Road initiative). The modern "Silk Road" in the vision of Chinese politicians and experts stretches, at least, from the east coast of the People's Republic of China, through many Asian and African countries, to Western Europe. China cannot but project the entire spectrum of its broad international interests onto vast land and water spaces. This includes, of course, the basins of the Pacific and Indian Oceans.

Keywords: SCO, India, Russia, China, Indo-Pacific region, foreign policy, economy.

Author: Sergey V. Uyanaev, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svuyav@yahoo.com

Официальные подходы КНР к концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), в отличие от Индии, США или стран АСЕАН, не суммированы в каком-то отдельном документе и в этом смысле не носят характера некой структурированной доктрины. Тем не менее, отдельные элементы реакции руководства и экспертного сообщества Китая на появление, динамику, страновые особенности этой концепции позволяют составить определенную картину.

Сразу скажем, что в целом она носит весьма сдержанный и скептический характер. Хотя и представляется своего рода «многослойной».

«Многослойность» состоит в том, что Китай реагирует на разные по характеру и компонентам варианты этой концепции, которые существуют со стороны тех или иных региональных или внерегиональных игроков. Именно поэтому тональность оценок варьируется от резко критических, до умеренно осторожных, оставляющих поле для маневра.

При этом достаточно очевидно, что особое внимание политики и эксперты Китая обращают внимание на американскую версию. Причем именно ее в КНР воспринимают, прямо скажем, откровенно негативно.

Справочно. Американское видение концепции АТР сформировано в основном в 2017—2019 гг. в виде выступлений президента, руководителей Госдепа и Пентагона, ряда документов, включая доклад «Стратегия США в ИТР-2019». Главными пунктами являются концепция единого геостратегического пространства от США до Индии, обеспечение в его рамках «порядка, основанного на правилах», свобод мореплавания, экономической деятельности, прав человека и т. п. В 2017 г. в Индо-Тихоокеанское переименовано бывшее Тихоокеанское военное командование США. Большинство экспертов подходы США оценивают как стремление продвинуть американские ценности и интересы, в том числе — сдержать Китай в растущей опоре на региональных союзников и партнеров, включая Индию².

Видение позиции США со стороны авторитетного экспертного сообщества КНР осенью 2018 г. ясно сформулировал известный политолог, русист **Чжао Хуашэн**³. Комментируя выступления президента Трампа в ноябре 2017 г. в Дананге, а также последовавшие позже доклады Госсекретаря М. Помпео, его помощника Н. Вонга и министра обороны Дж. Мэтисса, профессор Чжао дал толкование таким тезисам американской стороны, как региональные «свобода, открытость», «принципы внутригосударственного управления» и «права человека» в странах региона. Лаконичный и емкий вывод, который в итоге сделал авторитетный эксперт, гласил: «Китай относится к Индо-Тихоокеанской стратегии с холодностью и недоверием».

Примерно в это же время профессор **Чэнь Диндин** из университета Цзинань в Гуаньчжоу суммировал мнение группы китайских ученых, согласно которому Индо-Тихоокеанская стратегия США основана на стремлении сдержать подъем Китая с геополитической точки зрения, обеспечить в регионе собственные интересы и лидерство⁴. Правда, на тот момент приводилась и более осторожная точка зрения — о том, что новая стратегия США еще аморфна, «не особенно

нова» и является лишь продолжением уже известной «ребалансировки» политики США в Азии, объявленной для Азии еще при президенте Обаме.

Но понятно, что последующие шаги администрации США, когда от политики сдерживания КНР Вашингтон де-факто перешел к средствам «холодной войны», могли лишь укрепить и расширить в Китае круг сторонников жестких оценок.

Действительно, объявление Китая ключевым противником в Стратегии национальной безопасности-2017 и в Национальной оборонной стратегии-2018⁵, последние призывы главы Госдепа «создать международную коалицию» против политики КПК⁶, появившийся в мае текущего года документ «Стратегический подходы США к Китаю» с тезисом «силового принуждения к миру»⁷, наконец, целый раздел упомянутого выше профильного доклада Госдепа «Стратегия США в ИТР-2019»⁸, где целый раздел посвящен угрозам с китайского направления — все это, конечно, способствовало тому, что региональная политика США, которую в Вашингтоне порой называют «стратегией безопасности от Голливуда до Боливуда»⁹ — от США до Индии, воспринимается в КНР не иначе, как резко негативно.

С особым беспокойством, которое не скрывается и на официальном уровне, в Китае следят за развитием структуры четырехстороннего диалога США—Япония—Австралия—Индия (QUAD). Очередная встреча (на уровне глав внешнеполитических ведомств) прошла в октябре 2020 г. в Токио, причем комментируя ее, представители Госдепа США вновь говорили о «провокациях КНР в регионе». На этом фоне в Китае явно опасаются дрейфа этой структуры в сторону полноформатно интегрированного военно-политического альянса. В связи с этим официальный Пекин недвусмысленно продолжает декларировать «ожидание», что объявленная в рамках четырехугольника «ненаправленность» против третьих стран будет реализовываться на практике¹⁰.

Но, безусловно, в КНР учитывают и тот факт, что целый ряд стран региона (речь, прежде всего, о странах АСЕАН), с которыми Китай стремится выстроить оптимальные для своих интересов партнерские отношения, относятся к феномену ИТР достаточно позитивно, видя в нем шанс для развития регионального и трансрегионального сотрудничества, преследуя цель развития интегрированного региона, международное взаимодействие в рамках которого опиралось бы на лучшие практики АСЕАН.. Не случайно, в отношениях с этой группой стран, в том числе в формате АСЕАН+1, Китай не только на экспертном, но и на официальном уровне демонстрирует гибкость и

избирательность, не педалирует алармистские подходы, выделяет те аспекты концепции ИТР, который носят характер универсальных норм конструктивного международного общения.

Заметим, что именно на площадке ежегодных мероприятий АСЕАН, прошедших в летом 2019 г. в Таиланде, Пекин устами своего министра иностранных дел изложил более или менее развернуто видение КИТР¹¹.

Отвечая на специальный вопрос об отношении к ИТР, Ван И сконцентрировал внимание на таких тезисах, как региональное сотрудничество и инклюзивность — то есть на постулатах, которые, как известно, характерны для индонезийской, официальных индийских, да и японских версий.

***Справочно. Индонезийская версия ИТР.** Основана на инициированном Джакартой Индо-Тихоокеанском договоре о дружбе и сотрудничестве (2013). Преследует создание в регионе условий для решения трех задач — создания атмосферы доверия, развития экономики, эффективного управления территориальными спорами. Идеи были развиты позже, в частности, в принятом летом 2019 г. документе АСЕАН «Перспективы АСЕАН в отношении Индо-Тихоокеанского региона», где, среди прочего, в подходах к общим вопросам региональной ситуации подчеркнут принцип «центральности» АСЕАН¹².*

***Индийское понимание ИТР.** Сформулировано 2018 г. Н. Модии на Диалоге Шангри-ла в Сингапуре. Узловая идея — необходимость для Индии выстраивать кооперационные связи со всеми региональными игроками (все члены ВАС) с целью «сохранения своего экономического динамизма». Взаимодействие должно осуществляться на основе норм международного права, принципа равенства всех стран, недопущения доминирования лишь нескольких стран.*

***Японская концепция «свободного и открытого» ИТР.** В основном представлена в ряде выступлений С. Абэ, начиная с 2012 г. С точки зрения декларативных компонентов («порядок на правилах» и «ценностях свободы и демократии, экономическое сотрудничество) перекликается с видением США. Большое внимание уделяется связям с Африкой. По экспертным оценкам, первоначальный интерес Японии к сдерживанию КНР за счет QUAD в 2018 г. был нивелирован после встречи Абэ с Си Цзиньпином и договоренностей о ряде совместных региональных проектах.*

Показательным в выступлении Ван И в Таиланде стали и другие моменты. Как подчеркнул Ван И, китайская сторона считает, что любые региональные инициативы и концепции, во-первых, должны быть сосредоточены на Азии, в частности, Восточной Азии (здесь

нельзя не видеть упреждающий сигнал в адрес географически отдаленных США), во-вторых любые концепции должны не допускать воздействия на уже сложившиеся в регионе механизмы и результаты сотрудничества; «они не должны вести к геополитическому противостоянию, авантюрам и созданию мелких фракций в корыстных целях».

Министр высоко оценил опыт и вклад АСЕАНовских структур в региональное взаимодействие, подчеркнул, что ряд принципов, которые содержатся в принятых организацией (применительно к региону) документах, Китай рассматривает как «наиболее близкие». А именно: «АСЕАНО-центричный подход к дальнейшему развитию региона, открытость, инклюзивность и прозрачность; развитие диалога, а не противостояние, продвижение взаимосвязанности и экономического сотрудничества». Китайская сторона, по словам Ван И, готова по этим пунктам поддерживать контакты и координацию с АСЕАН.

Иными словами, в отношении различных идей и концепций, объединенных понятием «Индо-Тихоокеанский регион», Китай демонстрирует дифференцированный подход, проявляет осторожность, избирательность. Он резко отвергает элементы реального и потенциального сдерживания, характерные для США и их главных союзников, но действует гибко, уклончиво и прагматично, когда речь идет о других странах — носителях идеи ИТР, тем более, что большинство из них не горит желанием сталкиваться с КНР.

Вызовы для РИК:

необходимость внимания и прагматичной адаптации

Как известно, структура трехстороннего взаимодействия между Россией, Индией и Китаем (оно во многом фокусируется на ситуации в регионах как тихоокеанской, так и индоокеанской Азии) является примером практического продвижения известной идеи, высказанной Е.М. Примаковым в декабре 1998 г. во время его визита в Дели.

Тогда российский премьер, опираясь на ряд концептуальных разработок отечественных экспертов, высказался за трехстороннее взаимодействие трех крупнейших государств Евразии в формате неформализованного гибкого партнерства¹³.

Не встретив поначалу особой поддержки не только в Китае и Индии, но и среди ряда отечественных политиков, идея, тем не менее, была услышана. В течении двух-трех лет она обсуждалась на экспертном уровне. В 2001 г. была инициирована ставшая затем постоянной

«вторая», академическая дорожка с участием экспертов и отставных дипломатов трех стран. А уже в сентябре 2002 г. на полях сессии ГА ООН впервые провели трехстороннюю встречу министры иностранных дел, дав по сути старт трехстороннему взаимодействию на официальном уровне и введению в мировой политический лексикон термина «**формат РИК**».

С тех пор встречи глав дипломатических ведомств стали регулярными, проводятся в среднем раз в год, причем с 2005 г. они проводятся на специальной основе, вне полей каких-либо форумов, заканчиваются подписанием совместных коммюнике.

Анализ этих документов отражает основные цели этого формата. Это — демонстрация схожих подходов в пользу справедливого многополярного порядка, центральной роли ООН и примата международного права, и наоборот — против попыток одностороннего доминирования. Это обсуждение возможностей координации по урегулированию в горячих точках, обеспечению региональной стабильности, прежде всего в Центральной и Южной Азии.

В 2006 г. диалог РИК был выведен на высший уровень — состоялся трехсторонний саммит на полях G8 в Санкт-Петербурге. В 2018—2019 гг. президент РФ, председатель КНР и премьер-министр Индии вновь провели трехсторонние встречи — на полях G-20 в Аргентине и Японии.

Понятно, что в практическом контексте, на примере РИК речь идет об универсальном для международной политики инструменте внешнеполитического маневрирования, когда каждая из трех стран рассматривает трехсторонний формат как возможность укрепления своих международных позиций, в том числе в диалоге с США и странами Запада.

В РИК ставится и вторая важная цель — налаживание трехстороннего диалога в практических областях, что, помимо прочего, могло бы укрепить внутреннюю самодостаточность трехсторонней структуры. Не случайно, в 2010-х гг. были инициированы площадки диалога между ведомствами по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям, а также между деловыми кругами трех стран. Позднее были образованы переговорные дорожки между представителями по вопросам безопасности и спецпредставителями по вопросам Афганистана. Кроме того, РИК сыграл определяющую роль в продвижении в середине 2000-х объединения БРИК/БРИКС: целый ряд концептуальных и организационных наработок РИК был внедрен в практику этого объединения.

Не часто выдвигаясь на авансцену международной политики, РИК, тем не менее, в достаточной мере реализует как минимум одну свою функцию. Страны, представляющие 40 % человечества и почти четверть мирового ВВП, регулярно и согласованно посылают мировому сообществу важные политико-дипломатические сигналы о недопустимости односторонней политики и единоличного диктата. Тем самым три страны продвигают собственную глобальную и региональную повестку, делая ее более адаптивной к своим национальным интересам. Одновременно обеспечивается дополнительная площадка для решения двусторонних и иных проблем.

Не секрет, что выработка совместной повестки далеко не всегда проходит легко. Некоторые формулировки совместных коммюнике — в части таких тем, как ядерное нераспространение, потенциальное членство Индии в Совбезе ООН, тема «Пояса и пути» и т. п. — нередко носят компромиссный характер.

В этом контексте появление в международном внешнеполитическом поле концепции ИТР, явилось для РИК очередным вызовом. Позиции не только Пекина, но Москвы, не раз заявлявшей о критическом отношении к ней (прежде всего, к американской версии)¹⁴, отличаются здесь от подходов Нью-Дели. И данное обстоятельство, понятно, играет в системе РИК свою определенную роль.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт, что термин ИТР не присутствует в совместных документах. Но при этом из них исчез и термин АТР, последний раз встречавшийся в совместных документах в 2017 г.¹⁵

Между тем незадолго до этого стороны запустили новый переговорный механизм — трехсторонний механизм консультаций Россия—Индия—Китай по делам Азиатско-Тихоокеанского региона, который под занавес 2016 г. провел свое первое заседание¹⁶. Ныне судьба этого механизма неясна, по крайней мере, в первоначально созданном виде он, видимо, прекратил существование. Расхождение позиций РФ и Китая с одной стороны, и Индии — с другой, как минимум это не добавило консолидации в РИК, обрекая дипломатов трех стран на поиски очередных компромиссов.

Тем не менее, расхождения по данному конкретному вопросу вряд ли следует считать сколько-нибудь драматическими для РИК. Уже сейчас найдены некие приемлемые формулировки (например, присутствующая в совместном коммюнике глав МИД РИК-2019 формула опоры на реально действующие сегодня «региональные форумы и организации в целях совместного вклада в региональный мир и стабильность»)¹⁷, тем более, что Индия всячески подчеркивает «эконо-

мический и инклюзивный» характер своего видения ИТР. Более того, уже ряд лет и Россия, и Китай еще в начале 2010-х гг. активно поддерживали Индию в качестве участника ВАС и кандидата на участие в форумах АТЭС. Тем самым де-факто признавалось более широкая, чем классический АТР, географическая зона трехсторонней ответственности и интересов. Иными словами, вопрос здесь в том, чтобы декларации не расходились с практическими делами.

На этом фоне бóльшим вызовом и действительно заслуживающим внимания выглядят общие тенденции в политике Индии, отношение которой к концепции ИТР вряд ли можно отделить от ее неспешного, но устойчива дрейфа последние 10 лет в сторону США.

Ситуация здесь нуждается в постоянном мониторинге, хотя и в данном случае отношения Индии с США (если анализировать их структурную и мотивационную сущность) пока вряд ли стоит рассматривать как критический ограничитель для деятельности РИК.

Нельзя не признать, что, декларируя приверженность своему системному принципу «стратегической автономии», индийское руководство уже целый ряд лет не без успеха реализует фактически «параллельную политику», развивая отношения и США, и с другими важными партнерами, включая Россию и Китай. Причем очевидно, что в Нью-Дели пока не давали повода полагать, что отношениями с последними, а значит и форматом РИК, Индия готова пожертвовать исключительно ради развития связей с США¹⁸. К слову сказать, предложение год назад сделать поставить саммиты РИК на регулярную основу прозвучало именно со стороны премьер-министра Индии.

Что действительно могло бы содержать системные негативные последствия для РИК — это критическое обострение, вплоть до открытого вооруженного конфликта по примеру войны 1962 г., китайско-индийских отношений. Об этом напомнили события на китайско-индийской границе весной—летом 2020 г., результатом которых стали первые за последние 45 лет человеческие жертвы с обеих сторон.

К счастью негативный сценарий, похоже, предсказуемо не оправдался. Причем, нельзя не признать, что свою роль здесь сыграл и формат РИК, в регулярном режиме предоставивший сторонам дополнительную площадку для контактов и переговоров. Даже в разгар конфронтации министры иностранных дел КНР и Индии не отвергли возможность проведения трехсторонней он-лайн конференции РИК (июнь 2020 г.). А в сентябре провели и личную встречу на полях форума ШОС в Москве, подписали совместное заявление о деэскаляции и стремлении к миру.

Помимо прочего, это свидетельствует в пользу того, что формат РИК, не утрачивая своей роли важного ресурса обеспечения региональной и глобальной стабильности, способен адекватно адаптироваться к вызовам, проистекающим из естественной динамики международных процессов, в том числе связанным с формированием таких идейных концептов, как «Индо-Тихоокеанский регион».

Библиографический список

АСЕАН утвердила перспективы в Индо-Тихоокеанском регионе с ведущей ролью блока в нем. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6582260>

В чем заключается Индо-Тихоокеанская стратегия США / Сайт бюро глобальных связей с общественностью Госдепа США. URL: <https://share.america.gov/ru/v-чем-заключается-индо-тихоокеанская/>(дата посещения 25.11.2020)

Ван И изложил позицию Китая в отношении концепции Индо-Тихоокеанского региона. 31.08.2019. URL: <https://news.rambler.ru/asia/42590086-van-i-izlozhit-pozitsiyu-kitaya-v-otnoshenii-kontseptsii-indo-tihookeanskogo-regiona/>

Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 г. URL: https://www.mid.ru/ru/brik/s/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/3994885

Об итогах первого раунда консультаций в формате Россия—Индия—Китай (РИК) по тематике Азиатско-Тихоокеанского региона.02.12.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2544034

Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. 2017/11/04/Сайт Посольства КНР в РФ. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztdb/19sjd/t1507487.htm>

Уянаев С.В. Диалог «Пекин—Дели»: внутренние императивы и внешние факторы // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 32—35.

Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. С. 102—109.

Чжао Хуашэн. Пояс, путь и открытость: стратегия Индо-Тихоокеанского региона с позиции Китая. 27.11.2018/ Сайт дискуссионного клуба Валдай. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-put-i-otkrytost/?sphrase_id=311034

Dingding Chen. What China Thinks of the Indo-Pacific Strategy/ Сайт журнала The Diplomat (США), April 27, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/what-china-thinks-of-the-indo-pacific-strategy/>

Joint Communique of the 15th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China. December 11, 2017/ Сайт МИД Индии. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral_docu_ments.htm?

dtl/29171/Joint_Communicu_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_th
e_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017//US
Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017//US
Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; Sammary of The 2018
National Defense Strategy of The United States of America/Сайт оборонного ведомст
ва США. URL: [https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-De
fense-Strategy-Summary.pdf](https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-De
fense-Strategy-Summary.pdf)

The Department of Defense Indo-Pacific Strategy Report./СОфициальный сайт
МО США. URL: [https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/depart
ment-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf](https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/depart
ment-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf) (дата обращения: 08.04.2020).

United States Strategic Approach to the People's Republic of China/ Сайт админи
страции президента США.

References

ASEAN utverdila perspektivy v Indo-Tikhookeanskom regione s vedushchey rol'yu
bloka v nem. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6582260>

V chem zaklyuchaetsya Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA. / Sayt byuro
global'nykh svyazey s obshchestvennost'yu Gosdepa SShA. URL: [https://share.america.
gov/ru/v-chem-zaklyuchaetsya-indo-tikhookeanskaya/](https://share.america.
gov/ru/v-chem-zaklyuchaetsya-indo-tikhookeanskaya/) (data poseshcheniya 25.11.2020)

Van I izlozhlil pozitsiyu Kitaya v otnoshenii kontseptsii Indo-Tikhookeanskogo
regiona. 31.08.2019. Novostnoy sayt Rambler. URL: [https://news.rambler.ru/asia/
42590086-van-i-izlozhlil-pozitsiyu-kitaya-v-otnoshenii-kontseptsii-indo-tihookeansko
go-regiona/](https://news.rambler.ru/asia/
42590086-van-i-izlozhlil-pozitsiyu-kitaya-v-otnoshenii-kontseptsii-indo-tihookeansko
go-regiona/)

Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii
S.V.Lavrova na plenarnoy sessii Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog Raysina»,
N'yu-Deli, 15 yanvarya 2020 goda / Sayt MID RF. URL: [https://www.mid.ru/ru/briks/
-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/3994885](https://www.mid.ru/ru/briks/
-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/3994885)

Ob itogakh pervogo raunda konsul'tatsiy v formate Rossiya-Indiya-Kitay (RIK) po
tematike Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. 02.12.2016. Sayt MID RF. URL: [https://
www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2544034](https://
www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2544034)

Si Tszin'pin na 19-m s'ezde KPK. 2017/11/04/Sayt Posol'stva KNR v RF. URL:
<http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm>

Uyanaev S. V. Dialog «Pekin — Deli»: vnutrennie imperativy i vneshnie faktory //
Problemy Dal'nego Vostoka. 2020. № 4. С. 32—35.

Uyanaev S.V. Rossiya—Indiya—Kitay: v konturakh novogo miroporyadka.
K 90-letiyu akademika Evgeniya Maksimovicha Primakova: monografiya / ID
«FORUM», 2019. S.102—109.

Chzhao Khuashen .Poyas, put' i otkrytost': strategiya Indo-Tikhookeanskogo regiona s pozitsii Kitaya. 27.11.2018/ Sayt diskussionnogo kluba Valday. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-put-i-otkrytost/?sphrase_id=311034

Chzhao Khuashen. Poyas, put' i otkrytost': strategiya Indo-Tikhookeanskogo regiona s pozitsii Kitaya. 27.11.2018/ Sayt diskussionnogo kluba Valday. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-put-i-otkrytost/?sphrase_id=311034

Dingding Chen.What China Thinks of the Indo-Pacific Strategy/ Sayt zhurnala The Diplomat (SShA), April 27, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/what-china-thinks-of-the-indo-pacific-strategy/>

Joint Communique of the 15th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China. December 11, 2017. Sayt MIDIndii.http://www.mea.gov.in/bilateral_docu_ments.htm?dtl/29171/Joint_Communicu_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017//US Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017//US Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; Sammery of The 2018 National Defense Strategy of The United States of America/Cayt oboronного vedomstva SShA. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

The Department of Defense Indo-Pacific Strategy Report./COfitsial'nyy sayt MO SShA. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/departement-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (data poseshcheniya 08.04.2020).

United States Strategic Approach to the People's Republic of China/ Sayt administratsii prezidenta SShA.

Примечания

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. 2017/11/04/Сайт Посольства КНР в РФ. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm>

² Подр. см. напр.: Уянаев С.В. Диалог «Пекин — Дели»: внутренние императивы и внешние факторы // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 32—35.

³ Чжао Хуашэн. Пояс, путь и открытость: стратегия Индо-Тихоокеанского региона с позиции Китая. 27.11.2018/ Сайт дискуссионного клуба Валдай. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-put-i-otkrytost/?sphrase_id=311034

⁴ Dingding Chen.What China Thinks of the Indo-Pacific Strategy/ Сайт журнала The Diplomat (США), April 27, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/what-china-thinks-of-the-indo-pacific-strategy/>

⁵ National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017// US Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; Sammary of The 2018 National Defense Strategy of The United States of America/Сайт оборонного ведомства США. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

⁶ National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017// US Presidential Administration Information Portal. URL: URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

⁷ United States Strategic Approach to the People's Republic of China/ Сайт администрации президента США. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf>

⁸ The Department of Defense Indo-Pacific Strategy Report./Официальный сайт МО США. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (дата обращения: 08.04.2020).

⁹ В чем заключается Индо-Тихоокеанская стратегия США. / Сайт бюро глобальных связей с общественностью Госдепа США. URL: <https://share.america.gov/ru/в-чем-заключается-индо-тихоокеанская/> (дата обращения: 25.11.2020).

¹⁰ Чжао Хуашэн. Пояс, путь и открытость: стратегия Индо-Тихоокеанского региона с позиции Китая. 27.11.2018/ Сайт дискуссионного клуба Валдай. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-put-i-otkrytost/?sphrase_id=311034

¹¹ Ван И изложил позицию Китая в отношении концепции Индо-Тихоокеанского региона. 31.08.2019. Новостной сайт Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/asia/42590086-van-i-izlozhlil-pozitsiyu-kitaya-v-otnoshenii-kontseptsii-indo-tihookean-skogo-regiona/>

¹² АСЕАН утвердила перспективы в Индо-Тихоокеанском регионе с ведущей ролью блока в нем. 23.06.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6582260>

¹³ Подр. см.: Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. С. 102—109.

¹⁴ См. напр.: Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 г. URL: https://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdlYjVvdPAwg/content/id/3994885

¹⁵ Joint Communique of the 15th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China. December 11, 2017. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral_docs/2017/11/11/Joint_Communique_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China1.We,theForeign

¹⁶ Об итогах первого раунда консультаций в формате Россия—Индия—Китай (РИК) по тематике Азиатско-Тихоокеанского региона. 02.12.2016. URL: https://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdlYjVvdPAwg/content/id/2544034

¹⁷ Joint Communique of the 16th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China Zhejiang, 27 February, 2019/ Сайт МИД Индии. URL: <https://www.mid.ru/documents/10180/3548426/Joint+Communique+of+the+16th+Meeting+of+the+Foreign+Ministers+RIC.pdf/52046a7b-b681-4227-bdc1-8e2ba48dc4c9>

¹⁸ Подр см.: *Уянаев С.В.* Развитие формата «Россия—Индия—Китай» в контексте диалога «Нью-Дели—Вашингтон» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2020. С. 13—33.

С.Л. Сазонов, Ван Цзинвэй

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ШОС, ПАКИСТАНА И МЬЯНМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯСА И ПУТИ» ОБЕСПЕЧИВАЕТ ГАРАНТИЮ ТРАНЗИТНОЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ В АТР

Аннотация. Сегодня правительство Китая активно развивает различные способы и пути своей интеграции в международную транспортную систему с целью повышения доли КНР в международных перевозках между странами АТР и Европы, разрабатывает механизмы реализации национальной политики развития транспортного комплекса западных регионов страны. На базе активизации сотрудничества в области евразийского транзита со странами, прилегающими к маршруту «Пояса и пути», Китай строит новые интегральные транспортные магистрали межконтинентального уровня как средства стимулирования национальной экономики и расширения объемов экспорта. Учитывая повышенный спрос на нефть и газ, Китай заинтересован в расширении альтернативных маршрутов импорта углеводородов и включения своих государственных нефтегазовых компаний в разработку зарубежных проектов, тем самым расширяя сферу своего геоэкономического влияния и интересов. В условиях политического напряжения на Ближнем Востоке Китай реализовывает свою энергетическую стратегию в сотрудничестве со странами ШОС, Пакистаном и Мьянмой, которые выступают для него стратегическими партнерами и экспортерами энергоресурсов, что создает

устойчивую основу для обеспечения гарантии транзитной и энергетической безопасности КНР.

Ключевые слова: Китай, страны Центральной Азии, Пакистан, Мьянма, Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа, инфраструктура, международный транзитный коридор, интеграция, углеводороды, безопасность.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН, ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru;

Ван Цзинвэй (КНР), аспирант Института Дальнего Востока РАН. E-mail: wjw07@yandex.ru

Sazonov S. L., Wang Jingwei

Cooperation of the SCO countries, Pakistan and Myanmar in the implementation of the «belt and road» initiative provides a transit and energy guarantee of China's security in the Asia-Pacific region

Abstract. Today the Chinese government actively develops various ways of its integration into the international transport system with the aim of increasing the Chinese share of China in international traffic between Asia-Pacific countries and Europe, develops mechanisms for the implementation of national policies of transport development in the Western regions of the country. On the basis of enhancing cooperation in the field of Eurasian transit with countries adjacent to the «belt and road» project, China is building new integrated transport network of the intercontinental level as a means of stimulating the national economy and expanding the volume of exports. Given the increased demand for oil and gas, China is interested in expanding alternative routes for importing hydrocarbons and including its state-owned oil and gas companies in the development of foreign projects, thereby expanding the scope of its geo-economic influence and interests. In terms of political tension in the middle East, China in cooperation with its strategic exporting energy partners — the SCO countries, Pakistan and Myanmar, is implementing its energy strategy that creates a stable basis to guarantee the transit and energy security of the PRC.

Keywords: China, Central Asian countries, Pakistan, Myanmar, Asia-Pacific region, Europe, infrastructure, international transit corridor, integration, hydrocarbons, security.

Authors: Sergey L. Sazonov, candidate of economic sciences, Leading researcher of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow); ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonovch@mail.ru;

Wang Jingwei (PRC), Postgraduate student of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: wjw07@yandex.ru

Предложенная в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином инициатива создания «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского шелкового пути 21 в.» (МШП-21 в.) (для краткости во всем мире принято называть эту инициативу «Пояс и путь») являет собой уникальный проект регионального взаимодействия в Евразийском регионе, направленный на расширение торговых связей путем развития транспортной инфраструктуры. Задуманный как проект стоимостью несколько триллионов долларов со значительными экономическими дивидендами как для самого Китая, так и для 65 других участвующих стран Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Западной Азии, Африки и Европы, он включает строительство железных и автомобильных магистралей, морских портов, нефтяных и газовых трубопроводов, линий оптоволоконной связи, создание специальных экономических зон (СЭЗ), центров приграничной торговли и центров сотрудничества — в совокупности это около 1,7 тыс. проектов на сумму более 1 трлн долл. Идея развития маршрута «МШП-21 в.» совсем недавно была подкреплена достижением исторически важного Соглашения — после 31 раунда переговоров, которые продолжались в течение 8 лет, 15 ноября 2020 г. было подписано торговое соглашение Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) между 10 членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Китаем, Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией. Охватывая рынок с населением 2,27 млрд человек и совокупный ВВП в объеме 26,2 трлн долл., страны, подписавшие ВРЭП с совокупным объемом экспорта в размере 5,2 трлн долл., на долю которых приходится около 1/3 мировой экономики, создадут крупнейший интегрированный рынок, придав значительный импульс региональному и глобальному экономическому росту, а китайская пресса отмечает, что «ВРЭП стало важной вехой в процессе укрепления азиатской региональной интеграции». В Китае полагают, что подписание ВРЭП стало «победой мультилатерализма и свободной торговли», а реализация стратегии создания зон свободной торговли является важной частью нового раунда открытости Китая — после подписания ВРЭП число международных соглашений о свободной торговле КНР достигло 19, а число стран-партнеров по свободной торговле составило 26 [Landmark RCEP...].

Помимо создания современной региональной инфраструктуры, он также нацелен на заключение соглашений о преференциальной торговле. ЭПШП состоит из 6 экономических коридоров — к ним относятся экономические коридоры Китай—Монголия—Россия, экономический коридор Китай—Центральная Азия—Западная Азия,

экономический коридор Евразийского сухопутного моста, экономический коридор Бангладеш—Индия—Мьянма, экономический коридор Китай—Пакистан и экономический коридор Китай—Индокитайский полуостров¹. С другой стороны, МШП-21 в. направлен на соединение Юго-Восточной Азии, Индийского субконтинента, Аравийского полуострова, Африки и Европы с Китаем посредством морских торговых линий. Он простирается от китайского морского порта Фучжоу на восточном побережье до морского порта Роттердам в Нидерландах через Южно-Китайское море, западную часть Тихого океана, Малаккский пролив, Жемчужную нить в Индийском океане, порт Джибути в Красном море, Суэцкий канал и порты Пирей и Венеция в Эгейском и Средиземном морях соответственно.

Проект создания «Пояса и пути» имеет свои исторические корни — развивается от идей Дэн Сяопина о сохранении сдержанности до использования Си Цзиньпином экономических мускулов на международной арене, инициатива возрождает некогда популярные Теорию «Евразийского Хартленда» Х. Маккиндера и Теорию «Приморья» А. Мэхэна, которые констатировали, соответственно, что «кто контролирует Евразию и у кого есть власть на морских маршрутах, контролирует мир». Точно, как Бреттон-Вудская система представляет собой глобальную политику мягкой силы США, Китай намерен повторить этот опыт мягкой силы в Азии с помощью инициативы «Пояса и пути» [Clearing concerns...]. Более того, Китай стимулирует строительство и расширение портов, железных и автомобильных магистралей и трубопроводов на Индийском субконтиненте в обход морских узких мест в Южно-Китайском море и западной части Тихого океана, поскольку 90 % объема международной торговли Китая проходит через морские пути, не контролируемые КНР. Акватории Желтого, Восточно-Китайского, Южно-Китайского морей и Тихий океан контролируются ВМС США, 80 % импорта сырой нефти Китая проходит через Малаккский пролив — узкий морской узел, соединяющий западную часть Тихого и Индийского океанов, который является стратегическим районом, и где также доминируют американские и индийские военно-морские силы.

В ноябре 2020 г. в Бенгальском заливе проходили совместные учения ВМС стран QUAD (США, Японии, Индии и Австралии) под названием «Малабар», которые были нацелены на «ограничение присутствия Китая в Индо-Тихоокеанском регионе» и который рассматривается как геополитический противник (причем Австралия послала корабли к берегам Индии впервые за 13 лет). По сообщению индийских СМИ, в этих военно-морских учениях вместе с индийскими во-

енными кораблями участвовали эсминец ВМС США с управляемыми ракетами USS John S McCain, австралийский фрегат дальнего действия Navylong HMAS Ballarat и эсминец Japan Maritime Self Defense Ship (JMSDF) JS Onami. Ранее в октябре 2020 г. на встрече в Японии политиков стран QUAD госсекретарь США М. Помпео, который стремится превратить организацию в «восточное НАТО», заявил, что китайская Коммунистическая партия применяет методы «эксплуатации, принуждения и коррупции», а американский журнал Newsweek развил этот тезис в том русле, что «нужно дать отпор всем, кто бросает вызов свободе судоходства». И хотя страна, от которой исходит такая угроза, не была указана, всем было ясно, что имелась в виду КНР. Конфронтация также усиливается по проблемам Тайваня и Южно-Китайского моря, а представитель Пентагона, касаясь морских амбиций Китая, заявил, что «США будут летать, плавать и оперировать там, где это позволяет международное право, не считаясь с тем, что кто-то выдвигает чрезмерные притязания на море» [Wang Qi]. Поэтому, по мнению руководства Китая, маршрут «Пояса и пути» служит «запасной артерией» на случай непредвиденных обстоятельств, обеспечивая диверсификацию внешнеторговых и транзитных маршрутов между КНР и Европой, и сегодня Китай превратился в основной «впускной клапан» евразийских континентальных транзитных потоков из стран АТР, добавляя к ним и значительную часть произведенных в стране товаров. Китай стал «генеральным диспетчером транзитных потоков», определяя количество и направление маршрутов перевозки транзитных грузов, а учитывая свое геополитическое положение в АТР и близость Центральной и Южной Азии, Китай приступил к созданию собственных альтернативных железнодорожных, автомобильных и трубопроводных коридоров Азия—Европа.

План создания ЭПШП (по кит. — Сычоу чжилу цзинци дай) не сводится лишь к решению транспортных проблем, хотя инфраструктурный аспект составляет стержень китайской инициативы. Реализация плана позволит обеспечить усиление экономического и, следовательно, политического влияния Китая в странах Центральной, Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, Закавказья, Восточной Европы. Активное внедрение Китая в Центральную Азию (ЦА) явилось естественным результатом превращения этого региона в центральное звено евразийского транспортного коридора. Географическая близость ЦА, общая граница протяженностью более 3,3 тыс. км, относительная политическая стабильность в регионе, реальная возможность создания транспортных коридоров с учетом проводимого центральноазиатскими государствами курса на диверсификацию экс-

портных поставок — все это делает регион ЦА чрезвычайно привлекательным для Китая, поскольку он граничит с Казахстаном (общая граница 1,7 тыс. км), Кыргызстаном и Таджикистаном и отдален небольшим расстоянием от Узбекистана и Туркменистана. Страны ЦА оборудовали и открыли десятки пунктов пропуска на своих государственных границах, от которых зависит не только пограничный и таможенный контроль соответствия грузов, но и, что исключительно важно, скорость их движения. В частности, Казахстан имеет 3 морских, 1 речной, 27 железнодорожных и 34 автодорожных КПП; Кыргызстан, соответственно, — 14 автодорожных и 5 железнодорожных пунктов пропуска; Таджикистан — 16 автодорожных, 4 железнодорожных и 1 речной контрольный пункт; а Узбекистан — 15 автодорожных и 18 железнодорожных пунктов пропуска. За последние 4 года страны Центральной Азии добились осязаемых успехов на всех уровнях планирования, управления и регулирования транзитных перевозок, а оптимизация торговых потоков стимулирует дальнейший экономический рост и развитие региональной торговли, на долю которой в 2019 г. приходилось около 10,8 % совокупного внешнеторгового оборота КНР в объеме 143,6 млрд долл. (для сравнения — доля внутрирегиональной торговли стран Европейского союза с Китаем составляла более 60 %, а стран АСЕАН — 22,1 %) — Китай стал главным торговым партнером Казахстана и Туркменистана, вторым по объему для Кыргызстана и Узбекистана и третьим — для Таджикистана.

Сотрудничество в сфере транспорта является одной из основных целей и задач ШОС, а роль и значение транспортной взаимосвязан-

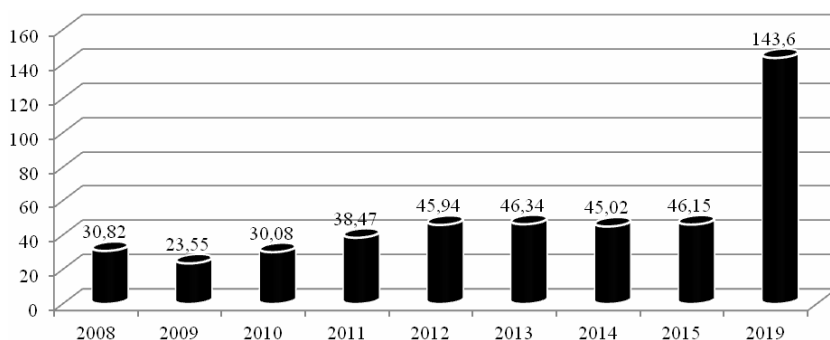

Рис. 1. Объем торговли КНР с пятью странами Центральной Азии (млрд долл.)

Источник: Chen Yingqun. Central Asia gets closer, boosts trade. URL: [http:// www.chinadaily.com.cn/business/2020-06/01/content_29569120.htm](http://www.chinadaily.com.cn/business/2020-06/01/content_29569120.htm) (accessed: 13.11.2019).

ности, как одного из ключевых факторов совместного процветания, особо выделяется в Стратегии развития ШОС. Без формирования качественной и надежной транспортной системы как на национальном уровне, так и на евразийском пространстве достичь целей устойчивого развития невозможно. В связи с этим в 2014 г. в рамках Душанбинского саммита ШОС было подписано Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, которое вступило в силу 20 января 2017 г. Подготовленное при участии ведущих экспертов ЭСКАТО Соглашение имеет важное значение для входящих в ШОС стран ЦА, его практическая реализация при правильном применении действительно сокращает путь к морю. Четыре сухопутных «зелёных коридора», к примеру, проложены по территории Казахстана, два — по Кыргызстану, по одному — по территории Таджикистана и Узбекистана; пять коридоров, проходящих по территории Китая, и три — по России, соприкасаются с одним из коридоров стран Центральной Азии. При этом важно отметить, что все эти маршруты близки или практически совпадают с основными историческими маршрутами Великого шелкового пути, поэтому, не случайно, это Соглашение называют вкладом государств — членов ШОС в возрождение Шелкового пути и совместное продвижение инициативы «Пояс и путь». Соглашение имеет открытый для третьих стран характер, что позволяет присоединиться к нему странам, граничащим с государствами — членами ШОС. Республика Беларусь первой воспользовалась такой возможностью: соответствующее решение было принято на заседании глав правительств государств — членов ШОС 12 октября 2018 г. в г. Душанбе. Это выгодно для всех сторон, так как расширяет границы «бессфетофорного» осуществления международных автомобильных грузоперевозок по широкому просторам Евразии. Не случайно, в Афганистане и Туркменистане, странах Персидского залива и АСЕАН проявляют повышенный интерес к Соглашению, так как участие в нем расширяет возможности как для доставки грузов к морским портам, так и в обратном направлении. Весьма значимую роль в возрождении Экономического пояса Шелкового пути играют также 8 автомобильных и 2 железнодорожных пункта пропуска, соединяющих Китай со странами Центральной Азии — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Основным центром сосредоточения всех евразийских транзитных маршрутов КНР является СУАР, а результатом развития региональной международной торговли явилось предложение об учреждении в Урумчи международного регионального финансового центра и последующем создании зоны свободной торговли Китай—Центральная

Азия, аналогичной модели сотрудничества Китай—АСЕАН. Крупнейшим торговым партнером СУАР с 2016 г. стал Казахстан, на долю которого приходится около 30 % объема внешней торговли автономного района, или более 12 млрд долл. — 2018 г. грузооборот между двумя странами составил около 14 млн т (на 13-м заседании глав правительств ШОС (Астана, декабрь 2014 г.) премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что именно Казахстан становится для Китая «основными транспортными воротами» в Центрально-азиатский регион и рассматривается руководством КНР в качестве главного звена будущей евроазиатской трансконтинентальной транзитной магистрали). Совершенно очевидно, что и Казахстан стремится привлечь подавляющую часть континентального грузопотока в направлении Азия—Европа и увеличить объемы транзитных грузов с 80 млн т в 2015 г. до 170 млн т в 2020 г. и нарастить доходы от евроазиатского транзита с 2 млрд долл. в 2020 г. и 10 млрд долл. в 2050 г. В настоящее время около 80 % железнодорожных составов, курсирующих в рамках международных железнодорожных грузовых перевозок в направлении Китай—Европа, проходят через территорию Казахстана, в последние 100 лет объем транзитных контейнерных перевозок в рамках международных евроазиатских железнодорожных грузовых перевозок увеличился более чем в 30 раз. Сегодня ведется активная работа по сопряжению китайской инициативы по строительству ЭПШП и казахстанской государственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» («Светлый путь»). В 2016 г. в г. Сиань состоялся первый международный таможенный форум, на котором представители 70 стран обсуждали перспективы развития проекта ЭПШП. В рамках форума Китай и Казахстан договорились о создании зоны свободной торговли в крупных городах вдоль железных дорог, проходящих вдоль проекта ЭПШП, а одним из самых первых практических результатов сотрудничества стало открытие в 2014 г. китайско-казахстанского терминала в китайском морском порту Ляньюньган, откуда до Роттердама и в обратную сторону через территорию Казахстана пошли грузы, при этом сократив путь более чем на 1 тыс. км. Благодаря проекту «Пояс и путь», далекая от мирового океана Центральная Азия, в лице Казахстана, стала самым протяженным в мире «железнодорожным мостом», соединившим Желтое и Северное моря — Центральная Азия вновь возвратила себе роль одного из ключевых транзитных мостов между Китаем, Европой и странами АТР. В начале 2018 г. местные власти округа Тачэн (СУАР) и правительство Казахстана пришли к соглашению о начале строительства железной дороги Тачэн—Аягоз (Казахстан). Железная дорога протяженностью 265 км будет пересе-

коть китайско-казахстанскую границу на КПП Бакту и соединится в Аягозе с железнодорожной веткой, ведущей из ЦА, а далее — с Транссибирской магистралью — таким образом, будет сформирован новый международный железнодорожный маршрут, который свяжет страны Азии и Европы. По мере сопряжения строительства ЭПШП и государственной программы инфраструктурного развития Казахстана «Нурлы жол» сотрудничество между Китаем и Казахстаном становится все более тесным. Железная дорога Каратай—Бакту—Аягоз станет одним из железнодорожных маршрутов на ЭПШП, ее строительство будет способствовать повышению роли СУАР в качестве ключевой зоны ЭПШП. В 2016 г. Китай и Казахстан сделали важный шаг в финансовом сотрудничестве — они перешли на расчеты в юанях, что будет стимулировать развитие торговли двух стран и создавать благоприятные условия для инвестиций. Стремительное развитие китайско-казахстанской инфраструктурной интеграции, в особенности в области железнодорожных перевозок, способно переформатировать конфигурацию международных грузовых потоков на евразийском пространстве и позволит создать новые транспортные коридоры. При этом гибкость использования подвижного состава на большем числе маршрутов между рынками Европы и Азии заметно повышается.

С 2016 г. Казахстан в рамках ШОС превратился во второго по значимости торгового партнера КНР и занял первое место по объемам привлеченных китайских ПЗИ — в 2019 г. общий объем китайских ПЗИ в реализацию 60 крупных инфраструктурных проектов в Казахстане составил более 30 млрд долл. (большая часть ПЗИ была направлена на строительство и реконструкцию транспортной инфраструктуры), из них 20 совместных проектов на сумму 15 млрд долл. уже запущены или подготовлены к эксплуатации. В 2017 г. Китай и Казахстан создали совместный Фонд стимулирования инфраструктурного развития в размере 2 млрд долл., а также договорились о выделении целевых кредитов на сумму в 15 млрд долл. С 2010 по 2020 г. капиталовложения Казахстана в модернизацию национальной транспортной инфраструктуры составили более 35 млрд долл., а Казахстан в период 2015—2020 гг. направил на развитие своей транспортной отрасли около 6 трлн тенге (примерно 14 млрд долл.), довел 90 % автомобильных дорог республиканского значения и около 75 % местного значения до хорошего и удовлетворительного состояния. В новой государственной программе «Нурлы жол» на 2020—2025 гг. планируется реализация 112 инфраструктурных проектов на общую сумму 8,5 трлн тенге².

Центральноазиатские государства, по чьей территории проходит ЕТМ, являются членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Площадь стран этой региональной организации составляет 30,1 млн кв. км (5,9 % общей площади Земли, или 3/5 площади Евразии), здесь проживает 21,5 % всего населения планеты (1589,3 млн человек). Совокупный объем ВВП стран — участниц ШОС в 2015 г. составил 12,436 млрд долл., или 16,9 % общемирового ВВП, а объем внешней торговли — 4,605 млрд долл. [Highlights...]. В соответствии с уставом Организации сотрудничество в сфере транспорта является одной из основных целей и задач ШОС, а роль и значение транспортной взаимосвязанности, как одного из ключевых факторов совместного процветания, особо выделяется в Стратегии развития ШОС. Без формирования качественной и надежной транспортной системы как на национальном уровне, так и на евразийском пространстве достичь целей устойчивого развития невозможно. В связи с этим в 2014 г. в рамках Душанбинского саммита ШОС было подписано Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, которое вступило в силу 20 января 2017 г. Подготовленное при участии ведущих экспертов ЭСКАТО Соглашение имеет важное значение для входящих в ШОС стран ЦА, его практическая реализация при правильном применении действительно сокращает путь к морю. Наполняется новым содержанием взаимодействие железнодорожных администраций стран, входящих в ШОС, а совместные планы направлены на создание современных и модернизацию действующих международных мультимодальных центров логистики на пространстве ШОС. Пристальное внимание уделяется вопросам формирования системы интегрированного управления транспортными перевозками на пространстве ШОС. Как ожидается, в ближайшей перспективе по инициативе Узбекистана стороны приступят к разработке проекта Стратегии сотрудничества государств — членов ШОС по развитию взаимосвязанности в сфере транспорта — наряду с наземным, должен также найти своё отражение большой потенциал воздушного транспорта: в странах Центральной Азии международный статус имеют 28 аэропортов, которые могут и должны логично вписаться в будущую архитектуру региональной транспортной взаимосвязанности. Мощным стимулом для укрепления транспортной взаимосвязанности, строительства новых и реконструкции действующих дорог стала инициатива «Пояс и путь», направленная на формирование и продвижение новой модели партнёрства на основе двусторонних и многосторонних механизмов развития транспорта и логистики. Инициатива Китая открыла для ее участников дополнительные воз-

возможности увеличить свой вклад в мировую торговлю, а странам, не имеющим выхода к мировому океану, — сократить время в пути до морских портов, и Таджикистан был первым, кто в сентябре 2014 г. поддержал инициативу, которая отвечала его программным целям выхода из транспортного тупика. Все страны Центральной Азии активно включились в процесс совместного продвижения инициативы, сопрягая ее задачи с национальными стратегиями экономического развития, а взаимосвязанность транспортной инфраструктуры стала одной из ключевых задач, объединивших усилия Китая и стран Центральной Азии в рамках Инициативы. Благодаря согласованным с Китаем планам, мощную поддержку получили проекты развития национальных сухопутных маршрутов, а также строительства международных автомобильных и железнодорожных транзитных магистралей.

В 2000 г. Госсоветом КНР был разработан «Проект переброски природного газа с запада на восток», и на ведущую роль в качестве основного поставщика импортного газа выдвинулся магистральный трубопровод «Запад—Восток» из Туркменистана, который стал основным энергетическим проектом Китая в ЦА. В 2004 г. состоялась церемония ввода в эксплуатацию первой нитки газопровода (А) протяженностью 4,2 тыс. км Туркменистан—Китай, который проходит через территорию Узбекистана и Казахстана в СУАР по маршруту: Багтыярлык (Туркмения)—Узбекистан—Шымкент—Тараз—Алматы (Казахстан)—Хоргос—Урумчи—Чжунвэй—Сиань—Наньчан—Ганьчжоу—Гуанчжоу (КНР). Газопровод стал обеспечивать стабильные поставки природного газа в район дельты р. Янцзы, испытывающий трудности энергоснабжения, а также в Сянган. Начальная мощность трубопровода составляла 12 млрд куб. м, а общая мощность газопровода позволяет сегодня ежегодно импортировать не менее 30 млрд куб. м туркменского газа (с начала 2013 г. по 10 млрд куб. м газа начали закачивать Узбекистан и Казахстан после ввода в эксплуатацию в 2010 г. второй нитки газопровода «Запад—Восток» (В). (протяженность туркменской части маршрута составила 188 км, узбекской — 490 км, казахской — 1404 км, а по китайской территории газопровод был протянут до бассейна Ордос, где соединился с ниткой (А) трубопровода «Запад—Восток»). Поступая в Китай, газ из Центральной Азии по нитке (В) транспортируется в города центрального подчинения Шанхай, Гуанчжоу и 10 провинций страны. Нитка (В) магистрала «Запад—Восток» стала важным проектом в период 11-й пятилетки, а общий объем капиталовложений в данный проект составил 250 млрд юаней. Две нитки газопровода «Запад—Восток» (А, В) с 8 региональными ответвлениями сформировали самый протяженный

магистральный газопровод в мире длиной 8704 км, а доступ к газовому снабжению получили около 500 млн жителей 25 провинций и автономных районов КНР [Guo Jiaofeng, Gao Shiji, Hong Tao]. В июне 2014 г. была введена в эксплуатацию третья ветка газопровода «Запад—Восток» (С) протяженностью 1830 км и мощностью 7 млрд куб. м. В 2015 г. мощность газопровода «Запад—Восток» (С) возросла до 25 млрд куб. м газа (10 млрд куб. м газа закачивает Туркменистан, 10 млрд куб. м — Узбекистан и 5 млрд куб. м — Казахстан, а суммарная ежегодная пропускная способность газопровода «Запад—Восток» увеличилась до 65 млрд куб. м газа. После введения его в эксплуатацию газопровод «Запад—Восток» Азия протяженностью 1833 км стабильно и безопасно работает уже более 11 лет. За все время эксплуатации к началу 2021 г. данный газопровод обеспечил импорт газа в объеме более 336 млрд куб. м природного газа, снабдив голубым топливом более чем 550 млн жителей 27 административных единиц провинциального уровня, а также САР Сянган. В 2020 г. объем переработанного газа по трубопроводу «Запад-Восток» составил около 16 % от его совокупного объема потребления в стране. В сентябре 2014 г. началось строительство четвертой ветки газопровода «Запад—Восток» (D) протяженностью 1 тыс. км (самым протяженным станет участок по территории Таджикистана — 410 км), которая от месторождения Галкыныш (Туркменистан) пройдет по территории Кыргызстана и Таджикистана до конечного пункта Уча (СУАР). Строительство четвертой ветки будет завершено в 2021 г., ее пропускная способность составит 30 млрд куб. м в год, а после окончания строительства этой ветки и всей сопутствующей инфраструктуры четырех веток газопровода «Запад—Восток» ежегодный объем транспортировки газа из центральноазиатских республик в КНР возрастет до 90 млрд куб. м, обеспечивая 40 % всего объема импортируемого Китаем газа, в результате чего все 31 провинция и автономные районы КНР будут обеспечены газовым снабжением.

В 2013 г. правительства КНР и Пакистана достигли соглашения о прокладке железной дороги протяженностью 3 тыс. км, которая в рамках экономического коридора Китай—Пакистан (КПЭК) из Кашгара соединит СУАР через Исламабад и Карачи с пакистанским портом Гвадар (пров. Белуджистан), обеспечив стыковку ЭПШП на севере и МШП-21 в. на юге. Порт Гвадар, построенный с помощью китайских ПЗИ и сданный в эксплуатацию в 2007 г., находится в стратегически важном «горлышке» Персидского залива и расположен на расстоянии в 72 км от границы с Ираном и 400 км от главного мирового коридора перевозки нефти — Ормузского пролива, по которо-

му осуществляется до 80 % импортных поставок нефти в КНР [Pakistan receives...]. Предусматривается также строительство автомобильной магистрали протяженностью 3,15 тыс. км и нефтепровода Кашгар—Исламабад—Карачи—Гвадар, проходящих параллельно железной дороге. В 2019 г. общая стоимость договоров подрядов на строительство объектов транспортной инфраструктуры в Пакистане, подписанных китайскими предприятиями, составляла 8,6 млрд долл., а всего, по расчетам китайских специалистов, к 2030 г. (сроки окончания строительства КПЭК) стоимость создания транспортной инфраструктуры КПЭК составит 62 млрд долл. [Zhang Hui].

Вследствие плохого качества автомобильных дорог из Пакистана в КНР подавляющая часть торговли между двумя странами осуществляется морским путем, а сухопутным транспортом ежегодно перевозится лишь 100 тыс. т грузов. Прокладка железной дороги из Кашгара в Гвадар позволит сократить время транспортировки грузов до 10 дней (по сравнению с 30 днями морским путем. В случае успешной реализации проектов, глубоководный пакистанский порт Гвадар станет важной артерией для транспортировки сырой нефти Ближнего Востока в КНР по суше в обход Малаккского пролива³, а у Китая появится возможность экспортировать свои товары в арабские страны, Африку и Европу. В 2013 г. иранское правительство передало права на оперативный контроль над портом Гвадар китайской компании China Overseas Holdings Limited в обмен на инвестиции в развитие порта в размере 190 млн долл., и к началу 2020 г. китайская компания уже на 85 % завершила строительные работы по созданию зоны свободной торговли порта Гвадар, которая будет занимать площадь в 923 га. Сеть автомобильных и железных дорог, нефтепровод из СУАР в порт Гвадар позволят снизить себестоимость перевозки товаров и грузов из Ближнего Востока и Африки в Китай, обеспечить энергетическую безопасность и диверсификацию каналов поставки углеводородов в КНР, увеличить объем взаимной торговли между двумя странами, который в 2019 г. превысил 23 млрд долл. За последние 5 лет работы по реализации проекта КПЭК обеспечили создание 55 тыс. рабочих мест в отрасли строительства железнодорожной и автодорожной инфраструктуры (из которых 48 тыс. были созданы специально для пакистанцев), а по словам представителя МИД Китая, за 7 лет крупные проекты с прямыми инвестициями в объеме 25 млрд долл. были завершены с момента создания СПЕС [Chu Daye.]. Власти Пакистана полагают, что реализация инфраструктурного проекта в рамках КПЭК позволит стране с населением в 185 млн человек в течение ближайших 5 лет создать 700 тыс. новых рабочих мест и увеличить

свой ВВП на 3—3,5 %. При этом и КНР, и Пакистан не возражают против участия в строительстве КПЭК третьих стран — Афганистана, Ирана и РФ.

Как было выше отмечено, сегодня 80 % импортируемой Китаем нефти и более 60 % газа транспортируется через беспокойный Малаккский пролив, расположенный между Малайзией и Индонезией, причем регион отличается политической нестабильностью, часто происходят пиратские нападения и террористические акты. В 2014 г. на юго-западном направлении завершилось строительство нефтепровода из Мьянмы в Китай с общим объемом инвестиций в 3 млрд долл., чья протяженность по территории Мьянмы составляет 771 км, КНР — 1631 км [Keywords to...]. В 2015 г. на острове Мадай, расположенном на побережье Мьянмы, вступил в строй начальный пункт нефтепровода из Мьянмы в Китай и был открыт порт по приемке нефти. В начале 2017 г. первый танкер отгрузил в нефтепровод 300 тыс. т нефти, а после выхода нефтепровода на полную мощность в 2018 г. ежегодные объемы транспортировки нефти в КНР превысили 22 млн т, что позволило Китаю на 1,2 тыс. км сократить расстояние транспортировки нефти из стран Ближнего Востока и Африки, минуя Малаккский пролив [Shahiduzzaman Khan]. В конце 2014 г. после окончания строительства последней секции Люфэн—Гуйган (Юго-Западный Китай) газопровод Мьянма—КНР протяженностью 2520 км был запущен на полную мощность (739 км газопровода были проложены по территории Мьянмы, 1781 км — КНР), а в июле 2015 г. газ стал поступать в КНР по участку, расположенному на территории Мьянмы. Мощность

Рис.2. Новый маршрут транспортировки нефти в КНР через Мьянму.

Источник: Разработано автором на основе: Yu Lintao. Linked In. The China-Myanmar pipeline is a vital artery connecting both nations. URL: http://www.bjreview.com.cn/World/201805/t20180513_800096085.html (accessed: 13.05.2019).

введенного в эксплуатацию газопровода составляет 12 млрд куб. м газа в год, что позволяет Китаю ежегодно сокращать потребление угля на 30,7 млн т [China-Myanmar gas].

В начале 2018 г. из порта Циньчжоу (ГЧАР) был открыт новый морской маршрут в Мьянму, который соединяет эту страну с тремя китайскими портами Циньчжоу, Бэйхай и Фанчэнган, а по пути следования суда заходят в порты Сингапура, Малайзии и Вьетнама, причем использование современных скоростных судов на этом маршруте позволяет доставлять грузы за 12 дней и сократить сроки их доставки из залива Бэйбу в порт Яньгун (Мьянма) на 7 дней [Yang Han].

Выводы

Руководство Китая в рамках реализации инициативы ЭПШП с целью мобилизации всех региональных предпосылок развития активно развивает инфраструктурную сеть западных единиц провинциального уровня. Капиталовложения в развитие инфраструктуры транспорта западных провинций и автономных районов КНР сокращают уровень экономических диспропорций между регионами Китая, приводят к снижению транспортной составляющей в конечной цене товара, перемещаемого между восточными и западными провинциями, стимулируют процессы миграции рабочей силы, активизируют рост промышленной специализации и кооперации, облегчают доступ к новым рынкам, приводят к росту производительности труда, созданию новых конкурентных преимуществ в западных регионах КНР и в итоге способствуют укреплению обороноспособности страны. Протянувшаяся к западным границам национальная транспортная сеть позволяет Китаю использовать возможность прокладки альтернативных транзитных маршрутов через территорию стран Центральной Азии, что дает возможность ему наращивать объемы экспортных поставок в страны Европы, получать значительную выгоду для бюджета от строительства зарубежных инфраструктурных сетей и продажи подвижного состава центральноазиатским странам-транзитерам. Это сотрудничество носит взаимовыгодный характер — страны ЦА, Пакистан и Мьянма, прилегающие к транзитным маршрутам ЭПШП и МШП 21-в., за счет преференциальных китайских инвестиций развивают сеть национальных железнодорожных, автомобильных магистралей и трубопроводов, обеспечивают пополнение своих бюджетов за счет транзитных сборов, а по мере развития интеграции с китайской инфраструктурной сетью получают возможность увеличивать объемы своего экспорта за счет увеличения объемов перевозок грузов в запад-

ные и центральные провинции КНР, а также в китайские порты восточного побережья для последующей транспортировки в страны АТР.

Библиографический список

Chen Yingqun. Central Asia gets closer, boosts trade. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2019-12/11/content_29569120.htm (дата обращения: 13.11.2019).

Chu Daye. China-Pakistan friendship nurtured a forest in the desert of Gwadar. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1206227.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/9) (дата обращения: 10.11.2020).

China-Myanmar gas pipeline in full operation. URL: <http://english.people.com.cn/90883/8430811.html> (дата обращения: 13.02.2018).

Clearing concerns and combating confusion over CPEC. URL: http://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202010/t20201021_800224241.html (дата обращения: 22.10.2020).

Dong Feng. Project prosperity. Pakistani Ambassador to China envisions a modern Gwadar Port, disproves 'debt trap' conspiracy theory. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1197694.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/8/13) (дата обращения: 13.08.2020).

Guo Jiaofeng, Gao Shiji, Hong Tao. Research Team on «Strategies for Beijing—Tianjin—Hebei Coordinated Natural Gas Development». Research Institute of Resources and Environment Policies. DRC Coordinated Natural Gas Development for Beijing, Tianjin and Hebei: Necessities, General Requirements and Main Tasks (Research Report No.4, 2016/2017-01-11). URL: http://www.chinadaily.com.cn//m/drc/2017-02/17/content_28245954.htm (дата обращения: 18.02.2017).

Gwadar emerging as massive trade, energy-transportation hub. URL: http://www.bjreview.com/World/202009/t20200925_800221903.html (accessed: 26.09.2020).

Highlights of President Xi's speech at SCO summit 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1206405.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/10) (дата обращения: 11.10.2020).

Keywords to Understand the Belt and Road Initiative. URL: http://www.bjreview.com/World/201912/t20191231_800101355.html (accessed: 31.12.2019).

Landmark RCEP trade pact to boost regional economic integration. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1204955.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/10/28) (дата обращения: 29.10.2020).

Pakistan receives funding from China for rapid transit project. <http://en.people.cn/n3/2018/0208/c90000-9175521.html> (дата обращения: 10.02.2018).

Price cuts lure customers away from coal. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2020-03/30/content_24174745.htm (дата обращения: 30.03.2020).

Shahiduzzaman Khan. A thriving economic belt in the making. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1205407.shtml> (Source: The Financial Express Published: 2020/11/2) (дата обращения: 03.11.2020).

Wang Qi. India, US-led Malabar naval drill a hollow bluff: expert. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1205583.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/3) (дата обращения: 03.11.2020).

Yang Han. BRI holds promise for post-pandemic infrastructure cooperation, forum hears. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202012/04/WS5fc912c9a31024ad0ba99a5.html> (дата обращения: 05.12.2020).

Yu Lintao. Linked In. The China-Myanmar pipeline is a vital artery connecting both nations. URL: http://www.bjreview.com.cn/World/201805/t20180513_8000960_85.html (дата обращения: 13.05.2018).

Zhang Hui. China, Pakistan eye CPEC long term. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1198449.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/8/21) (дата обращения: 22.08.2020).

References

Chen Yingqun. Central Asia gets closer, boosts trade. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2019-12/11/content_29569120.htm (accessed: 13 November, 2019).

Chu Daye. China-Pakistan friendship nurtured a forest in the desert of Gwadar. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1206227.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/9) (accessed: 10 November, 2020).

China-Myanmar gas pipeline in full operation. URL: <http://english.people.com.cn/90883/8430811.html> (accessed: 13 February, 2018).

Clearing concerns and combating confusion over CPEC. URL: http://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202010/t20201021_800224241.html (accessed: 22 October, 2020).

Dong Feng. Project prosperity. Pakistani Ambassador to China envisions a modern Gwadar Port, disproves 'debt trap' conspiracy theory. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1197694.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/8/13) (accessed: 13 August, 2020).

Guo Jiaofeng, Gao Shiji, Hong Tao. Research Team on «Strategies for Beijing-Tianjin-Hebei Coordinated Natural Gas Development». Research Institute of Resources and Environment Policies. DRC Coordinated Natural Gas Development for Beijing, Tianjin and Hebei: Necessities, General Requirements and Main Tasks (Research Report No.4, 2016/2017-01-11). URL: http://www.chinadaily.com.cn/m/drc/2017-02/17/content_28245954.htm (accessed: 18 February, 2017).

Gwadar emerging as massive trade, energy-transportation hub http://www.bjreview.com/World/202009/t20200925_800221903.html (accessed: 26 September, 2020).

Highlights of President Xi's speech at SCO summit 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1206405.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/10) (accessed: 11 November, 2020).

Keywords to Understand the Belt and Road Initiative. URL: http://www.bjreview.com/World/201912/t20191231_800101355.html (accessed: 31 December, 2019).

Landmark RCEP trade pact to boost regional economic integration. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1204955.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/10/28) (accessed: 29 October, 2020).

Pakistan receives funding from China for rapid transit project. <http://en.people.cn/n3/2018/0208/c90000-9175521.html> (accessed: 10 February, 2018).

Price cuts lure customers away from coal. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2020-03/30/content_24174745.htm (accessed: 30 March, 2020).

Shahiduzzaman Khan. A thriving economic belt in the making. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1205407.shtml> (Source: The Financial Express Published: 2020/11/2) (accessed: 03 November, 2020).

Wang Qi. India, US-led Malabar naval drill a hollow bluff: expert. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1205583.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/3) (accessed: 03 November, 2020).

Yang Han. BRI holds promise for post-pandemic infrastructure cooperation, forum hears. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202012/04/WS5fc912c9a31024ad0ba99a5.html> (accessed: 05 December, 2020).

Yu Lintao. Linked In. The China-Myanmar pipeline is a vital artery connecting both nations. URL: http://www.bjreview.com.cn/World/201805/t20180513_80009608_5.html (accessed: 13 May, 2018).

Zhang Hui. China, Pakistan eye CPEC long term. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1198449.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/8/21) (accessed: 22 September, 2020).

Примечания

¹ Экономический коридор Китай—Индокитайский полуостров простирается от китайской дельты реки Чжунцзян (Жемчужной) на запад вдоль скоростной автомагистрали Наньчун—Гуаньань и высокоскоростной железной дороги Наньнин—Гуанчжоу через Наньнин и Пинсян до Ханоя и Сингапура. Этот наземный мост соединяет Китай с полуостровом Индокитай и проходит по территории Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Мьянмы и Малайзии, обеспечивая развитие сотрудничества Китая со странами АСЕАН.

² В Кыргызстане только в 2019 г. на ремонт и строительство 400 км дорог было направлено 14,4 млрд сомов (около 200 млн долл.). В Таджикистане за период 2013—2020 гг. было построено свыше 1,5 тыс. км автодорог и 190 мостов, проложено 50 км железных линий, что значительно расширило транзитные возможности страны. В ближайшие 8 лет Таджикистан планирует построить ещё 2 тыс. км автомобильных дорог, соответствующих международным стандартам. В 2015—2019 гг. Узбекистан направил на развитие и модернизацию инженерно-коммуникационной и дорожно-транспортной инфраструктуры свыше 1,6 млрд долл. (*Chen Yingqun*. Central Asia gets closer, boosts trade. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bus_iness/2019-12/11/content_29569120.htm (accessed: 13.11.2019).

Highlights of President Xi's speech at SCO summit 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1206405.shtml> (Source: Global Times Published: 2020/11/10) (accessed: 11.10.2020).

³ Согласно оценкам Министерства промышленности и информационных технологий КНР, в 2019 г. около 60 % всего объема производимого в стране бензина и дизельного топлива использовались в сфере автомобильного транспорта. В условиях постоянного роста количества производимых в Китае автомобилей с двигателем внутреннего сгорания это приведет к тому, что парк этих автомобилей в начале 2021 г. превысит 250 млн ед. — столь быстрый прирост количества автомобилей приводит к усилению зависимости КНР от импорта сырой нефти, которая начале XXI в. составляла лишь 10 % от всего объема добываемой в Китае нефти, затем стремительно возросла до 67 % в 2017 г., до 68 % в 2018 г. и, по оценкам китайских экспертов, подскочила до 70 % в 2020 г. Как следует из доклада Международного энергетического агентства (International Energy Agency), опубликованного в 2019 г., в 2025 г. потребности Китая в нефти составят около 700 млн т, тогда как добыча этого углеводорода в стране составит 200 млн т, что приведет к необходимости импортировать 500 млн т нефти и еще более усугубит зависимость КНР от внешних поставок, в основном из стран Ближнего Востока. По мнению ученых Академии инженерных наук КНР, предел зависимости от внешних поставок нефти, который не должен превышать 60 %, к 2030 г. вырастет до 850 млн т. Согласно данным Статистического управления ООН, которое ведет базу данных энергетической статистики, годовой импорт сырой нефти Китаем из стран ОПЕК в течение 2019 г. увеличился в среднем до 10,1 млн баррелей в день, что на 0,9 млн баррелей в сутки больше по сравнению со средним объемом импорта 2018 г. — Китай остается крупнейшим импортером сырой нефти в мире, обогнав США в 2017 г. Согласно оценкам Ежегодного статистического бюллетеня Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), 79,4 % мировых доказанных запасов нефти расположены в странах — членах ОПЕК, при этом основная часть запасов нефти ОПЕК находится на Ближнем Востоке, что составляет 64,5 % от общих запасов ОПЕК (можно упомянуть, что доказанные запасы нефти ОПЕК в настоящее время составляют 1189,80 млрд баррелей) (Gwadar emerging as massive trade, energy-transportation hub. URL: http://www.bjreview.com/World/202009/t20200925_800221903.html (accessed: 26.09.2020).

Заключение

DOI: 10.48647/IFES.2022.51.44.013

Индо-Тихоокеанское партнерство является интеграционным проектом США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Другим интеграционным проектом США в Азиатско-Тихоокеанском регионе стал оборонный альянс AUKUS.

Четырёхсторонний диалог по безопасности (англ. Quadrilateral Security Dialogue, QSD, Quad) — международный стратегический диалог, реализуемый США, Японией, Австралией и Индией, который подразумевает проведение регулярных встреч по проблематике безопасности. Инициирован в 2007 г. японским премьер-министром Синдзо Абэ при поддержке американского вице-президента Дика Чейни, австралийского премьера Джона Говарда и индийского премьер-министра Манмохана Сингха. Подчеркивается, что объединение представлено исключительно демократическими государствами. Дипломатические и военные соглашения первого диалога (проходил на фоне крупных военных учений) были направлены на сокращение влияния Китая в регионе Индийского и Тихого океанов; китайское руководство выступило решительно против, выразив формальный протест всем участникам диалога.

Формирование системы диалогов началось после серии контактов между представителями США, Японии и Австралии. С 2002 г. встречи проходили в трехстороннем формате на уровне заместителей руководителей департаментов и министерств, в 2005 г. вышли на министерский уровень. США рассчитывали на то, что союзники в регионе будут активно вовлечены в борьбу с терроризмом и распространением ядерного оружия. В свою очередь Япония и Австралия надеялись на сохранение роли США в качестве гаранта безопасности в регионе.

В США к диалогу было решено вернуться в ноябре 2017 г., после появления американской Индо-Тихоокеанской стратегии. В ноябре 2017 г. американский президент Д. Трамп во время своего азиатского турне продвигал идею Индо-Тихоокеанского региона, а сам термин «ИТР» он постоянно использовал на встречах с руководителями стран Восточной Азии. Контекстом стало расширяющееся партнерство с Индией в свете антикитайского противостояния и концептуализации термина. Частично это было связано с повышением активности Китая в районе спорных островов Южно-Китайского моря, в частности, размещения ракет типа «земля—воздух» на острове Вуди, а также системы радаров.

Ранее, в октябре 2017 г., госсекретарь США Майк Помпео назвал одну из целей диалога — сдерживание Китая. Отвечая на новое заседание возобновившейся «четверки» в ноябре 2017 г., представитель Министерства иностранных дел Китая заявил, что «предложения должны быть открытыми и всеобъемлющими».

В 2018 г. Тихоокеанское командование ВС США было переименовано в Индо-Тихоокеанское, в итоге сфера ответственности включила как Тихий, так и Индийский океан.

Четыре страны также решили продолжить свои консультации на уровне министров. В саммите QUAD 2021 г. принял участие президент США Джо Байден.

AUKUS (акроним, образованный по составу участников Australia, United Kingdom, United States) — трёхсторонний оборонный альянс, образованный Австралией, Великобританией и США. Сообщение о создании опубликовано 15 сентября 2021 г. В рамках альянса военно-морской флот Австралии впервые получит возможность строить атомные подводные лодки. По мнению наблюдателей, пакт направлен на противодействие влиянию Китая в спорной акватории Южно-Китайского моря.

Пакт предусматривает сотрудничество в создании оборонных технологий, в том числе автономных систем вооружений на основе искусственного интеллекта, квантовых технологий и вычислительной техники. В соответствии с договором Австралия впервые получит возможность строительства атомных подводных лодок. Планируется постройка как минимум восьми АПЛ. Лодки не будут оснащены ядерным оружием.

На совместном виртуальном брифинге для прессы президент США Джо Байден, премьер-министры Великобритании Борис Джонсон и Австралии Скотт Моррисон заявили, что новое партнёрство направлено на «содействие безопасности и процветанию» в регионе.

И хотя участники альянса не упоминают Китай, однако, очевидно, что договор является противовесом растущей военной мощи КНР на Тихом океане.

Власти Китая резко раскритиковали альянс, назвав его продуктом «устаревшей ментальности эпохи холодной войны и узколобых геополитических концепций». Представитель МИД КНР Чжао Лицзянь заявил, что получение Австралией технологий строительства атомных подводных лодок провоцирует гонку вооружений и пагубно сказывается на международном режиме нераспространения ядерного оружия.

Д.В. Гордиенко, Т.М. Мамахатов

Научное издание

**Безопасность
в Азиатско-Тихоокеанском регионе
в контексте Индо-Тихоокеанской
стратегии США**

Редакторы: *Л.С. Лаврова, А.С. Давыдов*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 19.07.2022. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 11,875. Уч.-изд. л. 12,1.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.icca-ras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5